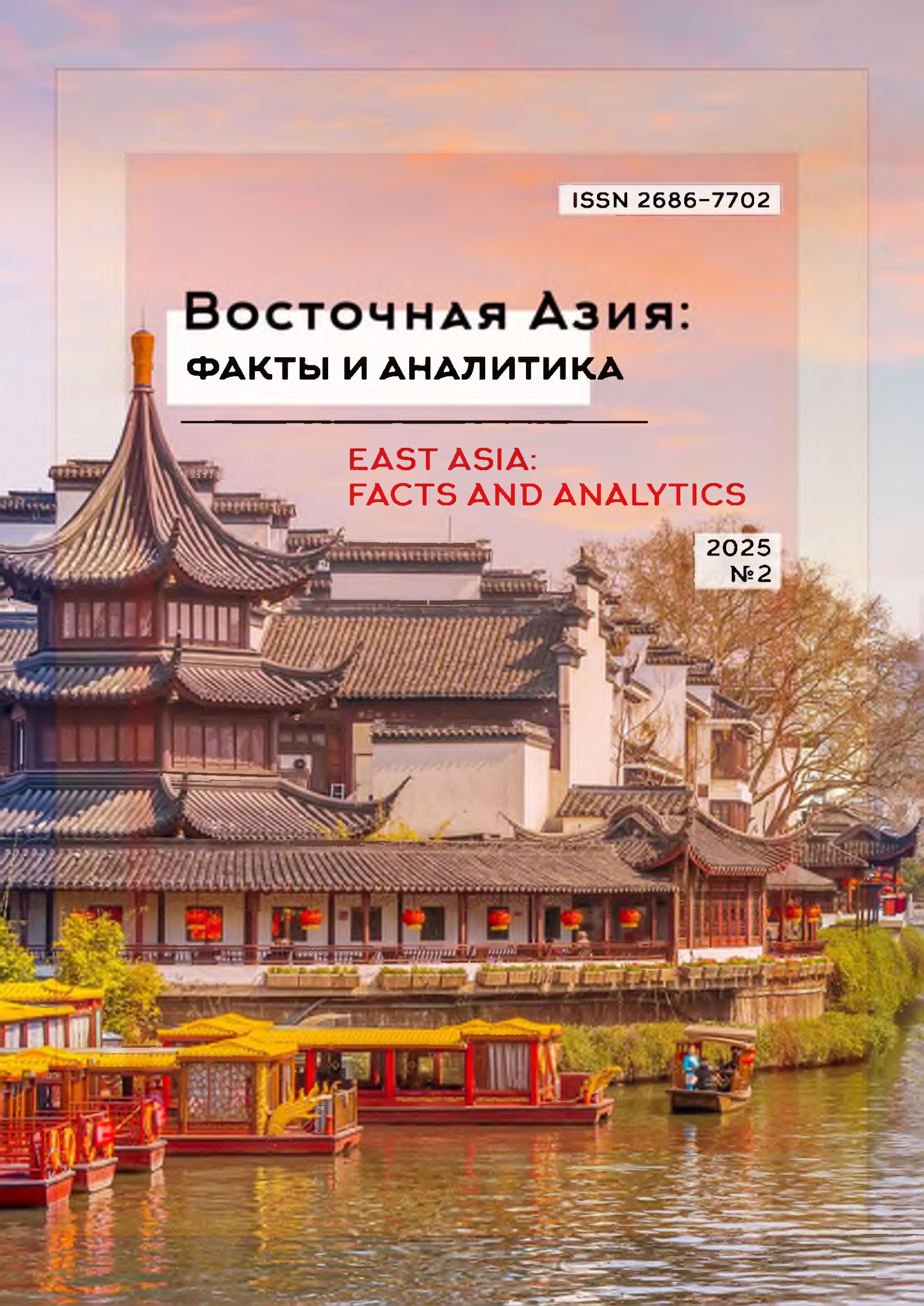
ISSN 2686-7702

Восточная Азия:
факты и аналитика

EAST ASIA:
FACTS AND ANALYTICS

2025
№2



Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
(ИКСА РАН)
www.iccaras.ru

Электронный научный информационно-аналитический журнал **«Восточная Азия: факты и аналитика»** издаётся ежеквартально с 2019 г. Журнал освещает широкий круг актуальных научных проблем стран Восточной и Юго-Восточной Азии, включая вопросы внутренней и внешней политики, экономики и общества, истории, литературы и языкознания, культуры и религии. Издание представляет информационно-аналитические материалы, посвящённые современным экономическим, политическим, социальным и культурным процессам в регионе. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредитель: Институт Китая и современной Азии РАН.
URL: http://eastasiajournal.ru

- Входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК), Научную электронную библиотеку eLibrary.ru, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».
- Входит в DOAJ, ErihPlus, EBSCO, EastView, Zenodo, BASE, WorldCat, ROAD, ASCI database.

Главный редактор: Горчакова Т.Е., к.э.н. (Россия).

Отв. секретарь: Казаков О.И. (Россия).

Редакционная коллегия: Виноградов А.В., д.полит.н (Россия); Ёкотэ Синдзи, проф. (Япония); Ёсида Нориаки, PhD (Япония); Кин Пхеа, проф. (Камбоджа); Кистанов В.О., д.и.н. (Россия); Колотов В.Н., д.и.н. (Россия); Лузянин С.Г., д.и.н. (Россия); Мазырин В.М., д.э.н. (Россия); Мещеряков А.Н., д.и.н. (Россия); Михалёв А.В., д.полит.н (Россия); Мосяков Д.В., д.и.н. (Россия); Мохаммад Хазми бин Мохаммад Русли, проф. (Малайзия); Наинг Све У, PhD (Мьянма); Нарут Тьярёнсри, PhD (Таиланд); Никитин А.И., д.полит.н. (Россия); Островский А.В., д.э.н. (Россия); Панов А.Н., д.полит.н. (Россия); Песцов С.К., д.полит.н. (Россия); Портяков В.Я., д.э.н. (Россия); Потапов М.А., д.э.н. (Россия); Сюй Бо, проф. (Китай); Тэ Хван, проф. (Республика Корея); У Хао, проф. (Китай); Эдуардо С. Тадем, PhD (Филиппины); Энелито А. Севилья, проф. (Филиппины).

Редакционный совет: Афонасьева А.В., к.э.н. (Россия); Бабаев К.В., д.филол.н. (*председатель*) (Россия); Бородич В.Ф., к.ю.н. (Россия); Ву Кхоан (Вьетнам); Жебин А.З., к.полит.н. (Россия); Заклязьминская Е.О., к.э.н. (Россия); Мищенко Я.В., к.э.н. (Россия); Сафронова Е.И., к.э.н. (Россия); Соколовский А.Я., к.ф.н. (Россия); Танет Ваттанакул, PhD (Таиланд).

Редакция: Бурова Е.С. (Россия), Кириченко М.А. (Россия), Нгуен Данг Фат, к.э.н. (Вьетнам), Скворцова Е.М. (Россия), Суркова Т.И. (Россия), Цветкова А.А. (Россия).

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым присуждаются учёные степени:

5.2.5 Мировая экономика (экономические науки)
5.5.4 Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)
5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Коды международной классификации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР):

5.02 Economics and business
5.06 Political science
6.01 History and archaeology

Дизайн обложки: В.Н. Субочева.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2686-7702

© Коллектив авторов
© ИКСА РАН

Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences
(ICCA RAS)
www.iccaras.ru

The electronic scientific information and analytical periodical **"East Asia: Facts and Analytics"** is published quarterly since 2019. The edition presents the coverage of the widest range of actual scientific problems of the East and Southeast Asian countries, including the issues of domestic and foreign policy, economy and society, history, literature and linguistics, culture and religion. The periodical provides the information and analytical material focusing on modern economic, political, social and cultural processes in the region. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of China and Contemporary Asia RAS.
URL: http://eastasiajournal.ru

- Included in List of Higher Attestation Commission (HAC), Russian Scientific Digital Library "eLibrary.ru", Russian Science Citation Index, Scientific Digital Library "CyberLeninka.ru".
- Included in DOAJ, ErihPlus, EBSCO, EastView, Zenodo, BASE, WorldCat, ROAD, ASCI database.

Editor-in-chief: Gorchakova Tatiana E. (Russia), PhD (Economics).

Executive Secretary: Kazakov Oleg I. (Russia).

Editorial Board: Eduardo C. Tadem (Philippines), PhD (Southeast Asian Studies); Henelito A. Sevilla, Jr. (Philippines), PhD (International Relations); Kin Phea (Cambodia), PhD; Kistanov Valerii O. (Russia), DSc (History); Kolotov Vladimir N. (Russia), DSc (History); Luzyanin Sergey G. (Russia), DSc (History); Mazyrin Vladimir M. (Russia), DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N. (Russia), DSc (History); Mikhalev Alexey V. (Russia), DSc (Political Science); Mohd Hazmi bin Mohd Rusli, (Malaysia), professor; Mosyakov Dmitry V. (Russia), DSc (History); Naing Swe Oo (Myanmar), PhD; Narut Charoensri (Thailand), PhD; Nikitin Alexander I. (Russia), DSc (Political Science); Ostrovskii Andrey V. (Russia), DSc (Economics); Panov Aleksandr N. (Russia), DSc (Political Science); Pestsov Sergei K. (Russia), DSc (Political Science); Portyakov Vladimir Ya. (Russia), DSc (Economics); Potapov Maxim A. (Russia), DSc (Economics); Tae-Hwan Kwak (Republic of Korea), professor; Vinogradov Andrey V. (Russia), DSc (Political Science); Wu Hao, (China), professor; Xu Bo, (China), professor; Yokote Shinji (Japan), professor; Yoshida Noriaki (Japan), Ph.D (Sociology).

Editorial Council: Afonaseva Alina V. (Russia), PhD (Economics); Babaev Kirill V. (Russia), DSc (Philology) (Head of the Editorial Council); Borodich Vladimir F. (Russia), PhD (Law); Mishchenko Yana V. (Russia), PhD (Economics); Safronova Elena I. (Russia), PhD (Economics); Sokolovsky Aleksandr Ya. (Russia), PhD (Philology); Thanet Wattanakul (Thailand), PhD (Applied Economics); Vu Khoan (Vietnam); Zakliazminskaia Ekaterina O. (Russia), PhD (Economics); Zhebin Aleksandr Z. (Russia), PhD (Political Science).

Editors Office: Burova Elena S. (Russia), Kirichenko Maria A. (Russia), Nguyen Dang Phat (Vietnam), PhD (Economics), Skvortsova Elizaveta M. (Russia), Surkova Tatiana I. (Russia), Tsvetkova Anna A. (Russia).

Scientific specialties and corresponding branches of science for which academic degrees are awarded (in the Russian Federation):

5.2.5 World economy (economic sciences)
5.5.4 International relations, global and regional studies (political sciences)
5.6.7 History of international relations and foreign policy (historical sciences)

Fields of Science and Technology of the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD):

5.02 Economics and business
5.06 Political science
6.01 History and archaeology

Cover design: Victoria N. Subocheva.

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2686-7702

© Team of authors
© ICCA RAS

СОДЕРЖАНИЕ

Никифорцева А.Н.
Система «трёх не» в борьбе с коррупцией в Китае..... 6

Новикова Е.С., Прокудин М.С.
Перспективы развития рынка электромобилей в АСЕАН:
глобальные тенденции и региональная специфика 19

Конь И.Р.
Изменение косвенной зависимости США от КНР за период 2017–2023 гг.
вследствие увеличения торговых и производственных отношений
с Вьетнамом 32

Хохлова П.А.
Внешнеэкономические связи Китая с Глобальным Югом: неоколониализм
или «всем по справедливости»?..... 46

Верченко А.Л.
Концепция сообщества единой судьбы человечества: китайское видение
нового мироустройства (десятилетие реализации)..... 60

Кокарев К.А.
Отношения Японии и США с Таиландом: различаются ли стратегии
взаимодействия?..... 75

Очерки

Алексахина С.Н.
Этапы развития международного туризма в рамках проекта
«Великий чайный путь» 90

Научная жизнь

Бобров В.В., Махров А.А.
II съезд Российской ассоциации исследователей Гималаев и Тибета 102

CONTENTS

Nikifortseva A.N.
The “Three No’s” system in the fight against corruption in China 6

Novikova E.S., Prokudin M.S.
Prospects for electric vehicle market development in ASEAN: global trends and regional specifics 19

Kon’ I.R.
Change in indirect U.S. dependence on the PRC over the 2017–2023 period due to increased trade and manufacturing relations with Vietnam 32

Khokhlova P.A.
China’s foreign economic ties with the Global South: neocolonialism or “fairness to all”? 46

Verchenko A.L.
The Concept of the Community of Common Destiny for Mankind: Chinese Vision of the New World Order (a Decade of Realization) 60

Kokarev K.A.
Japan and US in Thailand: do cooperation strategies differ? 75

Essays

Aleksakhina S.N.
On the development of international tourism within the framework of the Great Tea Road project 90

Academic Life

Bobrov V.V., Makhrov A.A.
II congress of the Russian Association of researchers of the Himalayas and Tibet 102

DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-6-18

Система «трёх не» в борьбе с коррупцией в Китае

Никифорцева Агафья Ниловна[1]

[1] Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. В статье рассмотрено теоретическое и практическое развитие системы «трёх не» в борьбе с коррупцией в Китае: «не сметь быть коррумпированным, не иметь возможности быть коррумпированным, не желать быть коррумпированным». Начиная с 2012 г. концепция «трёх не» была включена в партийные и государственные документы, а также в планы по противодействию коррупции. При этом претерпевали изменение формулировка концепции, порядок элементов и их содержание, а в 2019 г. «единое продвижение "трёх не"» было обозначено в качестве основной политики в борьбе с коррупцией и важной стратегии внутрипартийного управления. Развитие и уточнение формулировки концепции «трёх не» свидетельствует о динамике антикоррупционной политики Китая. На данный момент система, основанная на трёх дополняющих друг друга механизмах, является важной составлявшей антикоррупционной политики КНР.

***Ключевые слова*:** Китай, Си Цзиньпин, «три не», «не сметь быть коррумпированным», «не иметь возможности быть коррумпированным», «не желать быть коррумпированным», коррупция, антикоррупционная политика.

***Автор*:** *Никифорцева Агафья Ниловна*, научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов, аспирант, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0009-0001-9206-265X. E-mail: nikifortsevaag@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FMSF-2024-0020 «Государственное и правовое строительство в КНР»).

***Для цитирования*:** Никифорцева А.Н. Система «трёх не» в борьбе с коррупцией в Китае // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 2. С. 6–18. DOI 10.24412/2686-7702-2025-2- 6–18

The “Three No’s” system in the fight against corruption in China

Nikifortseva Agafia N.[1]

[1] Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article examines the theoretical and practical development of the “Three No’s” system in China's fight against corruption: "no dare to be corrupted, no option to be corrupted, and no desire to be corrupted". Since 2012, the “Three No’s” concept has been incorporated into party and state documents, as

well as anti-corruption plans. Over time, the formulation, order and content of the concept have evolved, and in 2019, the “unified promotion of the 'Three No’s'” was established as the core anti-corruption policy and an important intra-party governance strategy. The development and wording refinement of the “Three No’s” concept reflect the dynamic nature of China's anti-corruption policy. Currently, the system, based on three complementary mechanisms, is an important component of the anti-corruption policy in the People's Republic of China.

***Keywords*:** China, Xi Jinping, “Three No’s”, no dare to be corrupted, no option to be corrupted, no desire to be corrupted, corruption, anti-corruption policy.

***Author*:** *Nikifortseva Agafia N.,* Researcher of the Center for Political Research and Forecasts, postgraduate student, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0009-0001-9206-265X. E-mail: nikifortsevaag@gmail.com

***Conflict of interests*.** The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2024-0020 “State and legal construction in the PRC”).

***For citation*:** Nikifortseva A. N. (2025). Sistema «tryoh ne» v bor'be s korruptsiyey v Kitaye [The “Three No’s” system in the fight against corruption in China]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 7 (2): 6–18. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-6-18

Введение

Приход к высшей партийной власти в Китае в 2012 г. Си Цзиньпина, руководителя пятого поколения, обусловил начало масштабной антикоррупционной кампании. Было объявлено о намерении создать институциональные механизмы «не сметь быть коррумпированным, не иметь возможности быть коррумпированным, не желать быть коррумпированным» (不敢腐、不能腐、不想腐)[1], главной целью которых стало формирование «честного и чистого правительства» (“廉洁政府”). За последние 12 лет Китаю удалось добиться заметных успехов в противодействии коррупции, усовершенствовать систему контроля и нормативно-правовое регулирование антикоррупционной борьбы. Начиная с 2012 г. «три не» (“三不腐”) включались в партийные и государственные документы и в планы по противодействию коррупции. Формулировка концепции, порядок элементов и их содержание при этом претерпевали изменения. В 2019 г. «единое продвижение “трёх не”» (“一体推进不敢腐、不能腐、不想腐”) как целостной системы легло в основу политики борьбы с коррупцией в КНР и было названо важной стратегией внутрипартийного управления. Настоящая работа посвящена анализу концепции «трёх не». Рассмотрено теоретическое развитие данной концепции и практическое формирование антикоррупционных механизмов в рамках системы «трёх не».

[1] Существуют также другие варианты перевода «трёх не» на русский язык. Например, «[чтобы] на разложение не осмеливались», «[чтобы] разложение [стало] невозможным», «[чтобы никто] не желал разложения» [Трощинский 2023: 55].

История возникновения и динамика изменения концепции «трёх не»

Концепция «трёх не» в борьбе с коррупцией в современном Китае связана с именем Си Цзиньпина, однако она зародилась задолго до его прихода к высшей власти. Ещё в эпоху Мин (1368–1644 гг.) мыслитель Сюэ Сюань (薛瑄), прозванный «стальным чиновником» (“铁汉公”) за свою неподкупность, предложил классификацию честности служащих. В своём труде «Записки о правлении» (《从政录》) он выделил три категории неподкупных чиновников: те, кто «не берёт» (“不妄取者”) из соображений высокой сознательности (высший уровень); те, кто «не берёт» (“不苟取者”) из стремления сохранить свою репутацию (средний уровень); и те, кто «не смеет брать» (“不敢取者”) из страха перед законом и из стремления сохранить своё служебное положение (низший уровень) [Lu 1998: 61].

Подобная идея встречается в антикоррупционной политике Сингапура конца 1950-х гг.[2]. Борьба с коррупцией в Сингапуре строилась на трёх принципах: «не сметь быть алчным, не иметь возможности быть алчным, не желать быть алчным» (“不敢贪、不能贪、不想贪”). Первый принцип – «не сметь быть алчным» – означал страх перед законом. Его реализация достигалась с помощью строгой системы наказаний. Второй принцип – «не иметь возможности быть алчным» – осуществлялся посредством системы подотчётности, в частности, строгой системы декларирования доходов. Третий принцип – «не желать быть алчным» – состоял в значительном повышении заработной платы чиновника [Zhao 1995: 40]. Предполагалось, что благодаря данной мере у чиновников не возникнет желания прибегать к незаконным способам обогащения. Примечательно, что третий принцип наделён идеей экономической заинтересованности. Тем самым борьба с незаконным извлечением выгоды осуществлялась путём узаконивания выгодных условий работы. В содержании «трёх не», заимствованных и адаптированных подобным образом в Сингапуре, отсутствует стремление к высокой сознательности. Значение трёх элементов является исключительно практическим.

В 1970-х гг. идея «трёх не» в сингапурской формулировке легла в основу антикоррупционной политики Гонконга [Meng 2017: 25]. Вслед за этим подобная концепция появилась на Тайване. В 2002 г. в «Основных положениях осуществления плана действий по борьбе с коррупцией правительства города Тайбэя» (《臺北市政府執行肅貪行動方案實施要點》) в качестве главной цели антикоррупционной борьбы была обозначена приверженность концепции «четырёх не»[3]. Правительство Тайбэя дополнило принципы четвёртым «не»: «не сметь быть алчным, не иметь возможности быть алчным, не желать быть алчным, не иметь необходимости быть алчным» (“不敢貪、不能貪、不願貪、不必貪”). Новый принцип – «не иметь необходимости быть алчным» – предполагал улучшение материального обеспечения работников и поощрение качественной работы. Принцип «не желать быть алчным» был наделён более высоким смыслом формирования уровня сознательности.

[2] “不敢贪、不能贪、不想贪”的新加坡经验 [Опыт Сингапура: «Не сметь быть алчным, не иметь возможности быть алчным, не желать быть алчным»]. *共产党页网* [*Интернет-страница КПК*], 23.06.2016. URL: https://news.12371.cn/2016/06/23/ARTI1466617078815247.shtml (дата обращения: 15.01.2025) . (На кит.).

[3] 臺北市政府執行肅貪行動方案實施要點 [Основные положения осуществления плана действий по борьбе с коррупцией правительства города Тайбэя]. *臺北市法規查詢系統* [*База данных законов и нормативных актов г. Тайбэя*], 23.05.2002. URL: https://www.laws.taipei.gov.tw/Law/LawSearch/LawArticleContent/FL010716 (дата обращения: 15.01.2025). (На кит.).

Элементы были расположены в таком порядке, что приверженность высоким моральным принципам предваряла экономическую заинтересованность в работе.

В период работы на посту секретаря партийного комитета провинции Чжэцзян (2003–2007 гг.) Си Цзиньпин проявил себя как решительный борец с коррупцией. В 2004 г. в колонке «Новые речи Чжэцзян» (《之江新语》) газеты «Чжэцзян жибао» (《浙江日报》) он опубликовал короткое эссе, посвящённое сформулированной по-новому идее «не иметь возможности совершать деяния, не сметь совершать деяния, не желать совершать деяния» (“不能为，不敢为，不想为”). Под «деяниями» подразумеваются поступки, которые нарушают партийную дисциплину. В своём эссе Си Цзиньпин сохранил порядок «трёх не» таким, каким он существовал в формулировке, используемой в Сингапуре. Первый принцип, по его мнению, был направлен на то, чтобы посредством строгой институциональной системы и контроля сделать руководство «неспособным» действовать нечестно. В качестве документа, обеспечивающего исполнение этого принципа, он указал «Положение о внутрипартийном контроле» (《中国共产党党内监督条例》). Следующий принцип – «не сметь совершать деяния» – состоял в осознании опасности нарушения закона и дисциплины и основывался на «Положении о партийных дисциплинарных наказаниях» (《中国共产党纪律处分条例》). Третий принцип – «не желать совершать деяния» – заключался в усилении воспитания и обучения ранее упомянутым Положениям для того, чтобы повышать идеологический уровень чиновников, улучшать их осведомлённость о контроле и дисциплине, тем самым формируя у них антикоррупционный «иммунитет» (“免疫力”). В таком виде Си Цзиньпин впервые представляет концепцию «трёх не» в КНР, относя её не только к коррумпированности, но и к любым нарушениям партийной дисциплины. Около 230 коротких эссе Си Цзиньпина в колонке «Новые речи Чжэцзян» отражают его взгляды на социализм с китайской спецификой в новую эпоху и представляют собой важные для современного Китая теоретические исследования, опирающиеся на практический опыт. Включение идеи «трёх не» в эти работы подчёркивает её значимость в контексте современной китайской модели управления и усиливает её роль в будущем развитии антикоррупционной политики КНР.

После опубликования данного эссе концепция «трёх не» всё чаще становилась объектом изучения для учёных из материкового Китая. Разрабатывались модели борьбы с коррупцией, основанные на «трёх не» [Zhang 2004: 20]. Кроме этого описывалась многоплановость коррупции в Китае, утверждалось, что система управления и взгляды чиновников несовершенны и формируют идеологию «желать, быть способным и осмеливаться совершать коррупцию» [Li 2010: 55].

Для выражения значения «коррумпированности» в формулировке данной концепции в разных исторических и культурных контекстах используются различные понятия, отражающие специфику восприятия этого явления. В Китае эпохи Мин говорится о стремлении «взять силой» (取) что-либо чужое, подчёркивая значение извлечения выгоды за счёт других. В Сингапуре, Гонконге и на Тайване используется иероглиф «тань» (贪), который означает «жадность, ненасытность, алчность». Сделан акцент на стремлении к личному обогащению и наживе любой ценой. Си Цзиньпин изначально использует иероглиф «вэй» (为), то есть, «деяние». Таким образом подчёркивается необходимость противостоять различным поступкам, подрывающим моральный облик члена партии. В современном материковом Китае данная концепция записывается только с помощью

иероглифа «фу» (腐), означающего «гнить, тлеть, разлагаться». Через этот иероглиф глубже отражена суть проблемы: не просто совершение незаконных поступков, а системное моральное разложение, которое распространяется подобно гниению. Использование данного понятия акцентирует внимание на разрушительном влиянии коррупции на общественные институты, на доверие к власти и социальные устои. Борьба с этим явлением предстаёт как борьба за сохранение «здоровья» государства. Эволюция содержания термина отражает сдвиг в восприятии коррупции: от частного порока до угрозы разрушения институциональных и моральных основ общества.

Теоретическое обоснование концепции «трёх не» в Китае при Си Цзиньпине

В январе 2013 г. на втором пленарном заседании Центральной комиссии по проверке дисциплины (ЦКПД) 18-го созыва Си Цзиньпин впервые объявил о необходимости сформировать механизм взысканий «не сметь быть коррумпированным» (“不敢腐的惩戒机制”), превентивный механизм «не иметь возможности быть коррумпированным» (“不能腐的防范机制”) и защитный механизм «нелегко быть коррумпированным» (“不易腐的保障机制”). С помощью них следовало сдерживать коррупцию и осуществлять контроль над государственными служащими, «заключить власть в клетку системы» (“把权力关进制度的笼子里”)[4]. «Три не» были представлены не как принципы или идеи, но именно как механизмы (机制), что подчёркивало их практическую направленность и долговременную работу. Элемент «не желать быть коррумпированным» был заменён формулировкой, ранее не встречавшейся – «нелегко быть коррумпированным». А повышение уровня сознательности не включалось в содержание упомянутых механизмов, хотя усиление идеологического воспитания партийных кадров также упоминалось в речи Си Цзиньпина в качестве одного из основных направлений антикоррупционной работы.

Функции механизма «не сметь быть коррумпированным» заключались в увеличении числа расследований, в ускорении их проведения и в усилении наказания за коррупцию, а также в поддержании у партийных чиновников страха перед наказанием. Превентивный механизм «не иметь возможности быть коррумпированным» предполагал выстраивание рамок полномочий, которые чиновники не должны нарушать. Также предполагалось усиление контроля над государственными служащими. В частности, необходимо было избавиться от чрезмерной концентрации власти в одних руках. Защитный механизм «нелегко быть коррумпированным» должен был отвечать за увеличение прозрачности работы чиновников и за устранение «лазеек» в различных процедурах. Тем самым предполагалось усовершенствовать механизмы функционирования власти, чтобы осуществлять коррупцию было «весьма трудно».

В декабре 2013 г. был опубликован «План работы на 2013–2017 гг. по созданию надёжной системы наказания и предупреждения коррупции» (《建立健全惩治预防腐败体系

[4]习近平在十八届中央纪委二次全会上发表重要讲话 [Си Цзиньпин выступил с важной речью на втором пленарном заседании Центральной комиссии по проверке дисциплины 18-го созыва]. *共产党页网* [*Интернет-страница КПК*], 22.01.2013. URL: https://news.12371.cn/2013/01/22/ARTI1358845053529302.shtml (дата обращения: 15.01.2025). (На кит.).

2013—2017 工作规划》). В Плане «три не» легли в основу формирования эффективного научного подхода к предотвращению коррупции. Механизм «нелегко быть коррумпированным» был заменён на «не желать быть коррумпированным». Порядок элементов был записан следующим образом: «не желать быть коррумпированным, не иметь возможности быть коррумпированным, не сметь быть коррумпированным». Таким образом была подчёркнута приоритетность формирования уровня сознательности, так как прежде всего были приняты меры, направленные на улучшение партийного стиля работы, а также на усиление идеологического воспитания[5].

В 2014 г. было принято «Решение ЦК КПК по некоторым важным вопросам, касающимся всестороннего продвижения верховенства закона» (《中共中央关于全面推进依法治国若干重大问题的决定》), в котором предлагалось ускорить разработку национального антикоррупционного законодательства, а также улучшить систему наказания и предупреждения коррупции посредством формирования механизмов «не сметь быть коррумпированным, не иметь возможности быть коррумпированным, не желать быть коррумпированным» (“不敢腐、不能腐、不想腐”). С тех пор упомянутая в Решении ЦК КПК формулировка и последовательность механизмов прочно закрепилась в партийных и государственных документах и используется в речах высокопоставленных лиц. Такой порядок элементов отражает реальную динамику антикоррупционной борьбы в Китае: вначале основным инструментом стали жёсткие наказания, что привело чиновников в состояние «несмелости» перед осуществлением коррупции. Однако возможности и желание участвовать в коррупционных схемах ещё предстояло устранить. Представители ЦКПД неоднократно подчёркивали необходимость перехода от уровня «несмелости» чиновников быть коррумпированными к «невозможности» и к «нежеланию» быть коррумпированными. Например, в 2014 г. на четвёртом пленарном заседании ЦКПД 18-го созыва было сказано, что противодействие коррупции всё ещё осуществляется на уровне «не сметь быть коррумпированным», то есть на уровне сдерживания посредством строгих наказаний, а проблемы, касающиеся её предотвращения – уровней «не иметь возможности быть коррумпированным» и «не желать быть коррумпированным» – к тому времени ещё не были решены[6].

Таким образом, концепция «трёх не», впервые представленная на национальном уровне в КНР в 2013 г. и доработанная к 2014 г., состоит из двух аспектов. Во-первых, «три не» обозначают три механизма (наказание, контроль и воспитание), которые включают различные практические инструменты для борьбы и предупреждения коррупции. В связи с этим были установлены цели по практическому формированию данных механизмов. Во-вторых, «три не» как состояния «несмелости», «неспособности» и «нежелания» чиновников осуществлять коррупцию использовались для определения этапа антикоррупционной борьбы.

---

[5] В 2012 г. Политбюро ЦК КПК опубликовало «Восемь правил по улучшению стиля работы и укреплению связей с народными массами». В документе были установлены нормы поведения для членов партии в соответствии с конфуцианскими идеями.

[6] 王岐山在中国共产党第十八届中央纪律检查委员会第四次全体会议上的讲话 [Выступление Ван Цишаня на четвёртом пленарном заседании Центральной комиссии по проверке дисциплины КПК 18-го созыва]. *共产党页网* [*Интернет-страница КПК*], 25.10.2014. URL: https://news.12371.cn/2014/10/25/ARTI1414234091198525.shtml (дата обращения: 15.01.2025). (На кит.).

Практическое формирование механизмов «трёх не» в Китае

Механизм «не сметь быть коррумпированным» с 2013 г. формировался через ужесточение наказания за коррупцию. Были усилены меры по расследованию и привлечению к ответственности крупных и мелких коррупционеров, а также коррупционеров, скрывшихся за границей («тигров», «мух» и «лис») (“老虎”、“苍蝇”和“狐狸”). Помимо этого были введены строгие дисциплинарные наказания за нарушение «Восьми правил». Демонстрация неизбежности наказания посредством обнародования дел о коррупции высокопоставленных лиц и применения высшей меры наказания послужили механизмом устрашения. Действует принцип «выгода от коррупции не должна превышать плату за неё» (腐败收益不得大于“腐败成本”). Тем самым было усилено пресечение коррупции и формировалась среда, стимулирующая «несмелость» государственных служащих злоупотреблять властью. Несмотря на то, что до прихода Си Цзиньпина к высшей партийной власти в Китае звучали антикоррупционные призывы, необходимо было продемонстрировать, что на этот раз борьба с коррупцией не является лишь лозунгом, а действительно реализуется на практике.

Работа по упорядочиванию законов и правил и по формированию эффективных органов контроля стала предпосылкой для установления механизма «не иметь возможности быть коррумпированным». Были приняты такие документы, как «Некоторые принципы политической жизни партии в новых условиях» (《关于新形势下党内政治生活的若干准则》) от 2 ноября 2016 г. и «Положение о внутрипартийном надзоре» (《中国共产党党内监督条例》) от 27 октября 2016 г., «Правила контроля и соблюдения дисциплины со стороны дисциплинарных органов КПК (для пробного применения)» (《中国共产党纪律检查机关监督执纪工作规则（试行）》) от 8 января 2017 г., полноценно вступившие в силу в 2020 г., и др.

Вместе с формированием нормативно-правовой базы для предотвращения коррупции в важных партийных и государственных документах начало появляться понятие «трёх не». Данные механизмы были записаны в ранее упомянутом положении «Некоторые принципы политической жизни партии в новых условиях». Далее последовало внесение «трёх не» в Устав КПК поправками 2017 г. В 2018 г. механизмы «не сметь быть коррумпированным», «не иметь возможности быть коррумпированным», «не желать быть коррумпированным» были записаны в Законе КНР «О контроле» (《中华人民共和国监察法》), регулирующем работу нового государственного органа – Контрольного комитета (国家监察委员会).

В дополнение к созданию нормативно-правовых основ системы контроля были реорганизованы органы, обеспечивающие её работу. После пробного внедрения в 2015 г. новых органов контроля в Пекине, провинциях Шаньси и Чжэцзян, в 2018 г. на национальном уровне был сформирован Государственный контрольный комитет, отвечающий за борьбу с коррупцией. Благодаря его созданию между новым государственным органом и партийным органом – ЦКПД – были разделены задачи по контролю над чиновниками и по противодействию коррупции [Трощинский 2021: 84]. Тем самым была снижена концентрация власти отдельного партийного органа, что практически отразило заложенное ещё в 2013 г. намерение избавиться от чрезмерного сосредоточения власти «в одних руках». Создание данного органа контроля стало важным шагом в формировании механизма «не иметь возможности быть коррумпированным». Сформированные к 2019 г. органы контроля,

а также более 30 принятых к этому времени партийных и государственных документов должны были обеспечить эффективный контроль за властью.

Что касается механизма «не желать быть коррумпированным», то его формирование также началось с приходом Си Цзиньпина к высшей партийной власти. В 2012 г. был опубликован внутрипартийный документ «Восемь правил по улучшению стиля работы и укреплению связей с народными массами» (《十八届中央政治局关于改进工作作风、密切联系群众的八项规定》). Были установлены «правила поведения» для членов Политбюро КПК, а также для всех членов партии. Целью этих правил стало формирование ценностей в соответствии с идеями конфуцианства [Севальнев 2018: 72]. Для этого также проводятся партийные совещания с обсуждением идеологических ценностей и письменные тесты для проверки знания антикоррупционного законодательства и этических норм. Ежегодно с 2018 г. выпускаются документальные фильмы, в которых продемонстрированы наиболее серьёзные дела о коррупции в Китае. В дополнение к этому антикоррупционные сюжеты служат основой театральных постановок, художественных произведений и кинематографа. С помощью данного механизма создаётся среда для формирования культуры «нежелания быть коррумпированным». Поставлена цель перестроить мышление, сформировать у общества и чиновников негативное отношение к коррупции.

Из-за того, что реальная эффективность от идеологического воспитания не так очевидна, как от наказания и контроля, объявить о переходе к этапу «не желать быть коррумпированным» – действенном искоренении желания выгодоприобретательства – было бы не совсем точно. После того, как механизмы были практически сформированы к 2019 г., концепция «трёх не» претерпела теоретическую корректировку.

Единое продвижение системы «трёх не» на современном этапе борьбы с коррупцией в Китае

В ноябре 2019 г. на 3-м пленарном заседании ЦКПД 19-го созыва Си Цзиньпин впервые предложил идею «Единого продвижения “трёх не”» (一体推进不敢腐不能腐不想腐)[7]. После формирования новых органов контроля теоретическое обоснование концепции было снова пересмотрено. Подчёркивалось, что три элемента не являются разными этапами или отдельными частями антикоррупционной борьбы, а составляют органичное целое, в котором механизмы комбинируются для достижения общей цели. Механизм «не сметь быть коррумпированным» служит предпосылкой борьбы с коррупцией с помощью устрашения наказанием. «Не иметь возможности быть коррумпированным» является ключевым механизмом, который обеспечивает сдерживание коррупции за счёт строгой системы управления и контроля. «Не желать быть коррумпированным» — это корень антикоррупционной политики, обеспечивающий идеологическое воспитание[8].

[7]习近平在十九届中央纪委三次全会上发表重要讲话 [Си Цзиньпин выступил с важной речью на третьем пленарном заседании Центральной комиссии по проверке дисциплины КПК 19-го созыва]. *共产党页网* [*Интернет-страница КПК*], 11.01.2019. URL: https://www.12371.cn/2019/01/11/ARTI1547213936612384.shtml (дата обращения: 15.01.2025). (На кит.).

[8]宋伟.一体推进不敢腐不能腐不想腐（思想纵横）[Сун Вэй. Единое продвижение «не сметь быть коррумпированным, не иметь возможности быть коррумпированным, не желать быть коррумпированным» (размышления)]. *人民网* [*Жэньминь жибао*], 16.08.2022. URL: http://dangjian.people.com.cn/n1/2022/0816/c117092-32503236.html (дата обращения: 15.01.2025). (На кит.).

В 2022 г. в Уставе КПК сформулированная раннее цель «выстраивать эффективные механизмы “не сметь, не иметь возможности, не желать быть коррумпированным”» была заменена на «единое продвижение механизмов “не сметь, не иметь возможности, не желать быть коррумпированным”». Такое изменение формулировки в Уставе дополнительно указывает на то, что формирование данных механизмов завершилось, и на современном этапе задачей КПК является поддержание постоянной работы целостной системы «трёх не». Для того чтобы антикоррупционные меры были эффективны в долгосрочной перспективе, важно, чтобы три механизма действовали не поэтапно и изолированно, а как единая система – согласованно и гармонично [Guo 2021: 34]. Таким образом, прояснилась логическая взаимосвязь между элементами. На современном этапе представители ЦКПД не определяют состояние антикоррупционной борьбы в Китае как переход к этапу «не иметь возможности» или «не желать» быть коррумпированным. Звучат призывы к продвижению согласованной работы трёх механизмов как единого целого. «Единое продвижение “трёх не”» представляет собой основную политику борьбы с коррупцией и стратегию, обеспечивающую поддержание всестороннего строгого управления партией в новую эпоху[9].

На практике продолжаются серьёзные расследования и строго наказываются коррупционные нарушения. В последние годы руководство КПК ужесточает наказания за взяточничество. В 2023 г. в Уголовный кодекс КНР были внесены значимые антикоррупционные поправки. Изменения включают наказания за различные формы дачи взяток со стороны физических и юридических лиц. Особое внимание уделяется «взяткодателям», к которым ранее применялись более мягкие меры [Трощинский 2023: 19].

Несмотря на то, что на современном этапе три механизма интегрированы в целостную систему и действуют более согласованно, механизм «не иметь возможности быть коррумпированным» играет доминирующую роль. Контролю над государственными служащими уделяется наиболее пристальное внимание. Государственный контрольный комитет совместно с Центральной комиссией по проверке дисциплины выполняют функции основных органов, обеспечивающих контроль над чиновниками. Устанавливается принцип «верховенства закона» (“法治”), а также формируется антикоррупционная правовая база [Лю 2017: 117]. Политика «трёх не» также применяется при создании нормативно-правовых документов для профилактики, контроля и наказания за коррупцию [Лю 2017: 143]. Для осуществления более эффективного контроля разрабатываются и внедряются новые антикоррупционные инструменты. Например, согласно «Плану работы координационной группы ЦК по борьбе с коррупцией на 2023–2027 гг.» (《中央反腐败协调小组工作规划（2023—2027 年）》) одной из задач партии к 2027 г. является формирование «чёрного списка» (黑名单) лиц, уличённых в даче и получении взяток. Помимо этого постоянно совершенствуется нормативно-правовое регулирование, связанное с контролем над государственными служащими.

[9]蔡志强.坚持一体推进不敢腐、不能腐、不想腐（深入学习贯彻习近平新时代中国特色社会主义思想）[Цай Чжицян. Придерживаться единого продвижения «не сметь быть коррумпированным, не иметь возможности быть коррумпированным, не желать быть коррумпированным» (Глубокое изучение и реализация «Мысли Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху»)]. *中国共产党新闻网* [*Новостная страница КПК*], 24.01.2024. URL: http://dangjian.people.com.cn/n1/2024/0124/c117092-40165428.html (дата обращения: 15.01.2025). (На кит.).

Согласно утверждению А.В. Виноградова, проблема коррупции в государстве может быть решена только через нравственное воспитание [Виноградов 2014: 95]. Позже нравственное воспитание действительно стало ключевым направлением современной антикоррупционной политики Китая [Виноградов, Трощинский 2022: 17]. Однако практически невозможно изменить убеждения зрелых партийных кадров, чья личность уже сформирована. В связи с этим нравственное воспитание предполагает разные подходы для разных поколений. Современное «исправление стиля» с помощью «Восьми правил» проявляется в сдерживании коррупционного поведения чиновников и в стимулировании нравственных поступков у зрелых личностей в партийных структурах. Создаются условия прагматической заинтересованности субъекта совершать то или иное деяние. Выгодно поступать нравственно, иначе за нарушением правил последуют различные меры наказания. При этом молодое поколение должно вырасти в среде, в которой коррупция является недопустимой. В связи с этим молодые партийные кадры изучают биографии и карьерные пути чиновников, избежавших соблазнов коррупции, и проходят курсы, посвящённые моральным и этическим стандартам государственных служащих. В дополнение к этому антикоррупционная пропаганда активно распространяется через СМИ и интернет, способствуя созданию среды, свободной от коррупции.

Основным методом современного антикоррупционного воспитания в Китае является обучение на примерах. Негативные и положительные примеры чиновников широко представлены в художественных и документальных фильмах, а также в учебных материалах и интернет-публикациях. Особое внимание уделяется разоблачению реальных коррупционных дел: государственные СМИ регулярно освещают случаи коррупции среди высокопоставленных лиц. Такие истории сопровождаются детальным разбором ошибок и нарушений и их публичным осуждением, что служит предупреждением для других чиновников. Одновременно с этим пропагандируются образы «чистых» и самоотверженных государственных служащих, которые действуют в интересах народа и страны. Метод обучения на примерах в современном Китае сочетает в себе устрашающий эффект от реальных наказаний и вдохновляющий пример неподкупных чиновников. Тем самым создаются нужные условия для формирования нравственных ориентиров у молодого поколения. Постепенно антикоррупционные ценности способны стать частью общественного сознания.

Заключение

Концепция «трёх не», зародившаяся ещё в эпоху Мин, была заимствована разными странами и регионами, где она была адаптирована и трансформирована и отражала исторические, социальные, политические и культурные изменения. Её применение в Китае стало возможным благодаря многолетнему теоретическому осмыслению Си Цзиньпином и китайскими учёными опыта борьбы с коррупцией внутри страны и за её пределами. Впервые попытка внедрения этой модели на практике была предпринята Си Цзиньпином во время его руководства провинцией Чжэцзян, а впоследствии она легла в основу национальной антикоррупционной стратегии.

Первоначально концепция «трёх не» представляла собой набор отдельных принципов, которые со временем наполнялись новым содержанием. До 2019 г. не существовало чёткой

взаимосвязи между тремя механизмами — «не сметь быть коррумпированным», «не иметь возможности быть коррумпированным» и «не желать быть коррумпированным». Это приводило к восприятию их как последовательных этапов борьбы с коррупцией. Однако в настоящее время эти механизмы рассматриваются как единая взаимосвязанная система, работающая на всех уровнях управления.

На современном этапе ключевая роль в этой системе принадлежит механизму контроля над государственными служащими, реализуемому через верховенство закона и развитие нормативно-правовой базы. Важную роль также играет идеологическая составляющая, направленная на формирование у чиновников высокого уровня сознательности и внутреннего антикоррупционного «иммунитета». Для стимулирования «нежелания быть коррумпированным» к представителям разных поколений применяются разные подходы. «Нежелание» зрелых партийных кадров быть коррумпированными основано не на искреннем стремлении к нравственности, а на прагматичном соблюдении правил поведения. Существует стремление формировать молодое поколение в среде, где коррупция воспринимается как недопустимое явление. Наряду с этими мерами продолжается применение строгих наказаний за коррупцию и демонстрируется неизбежность наказания.

Согласованное функционирование трёх механизмов направлено не только на борьбу с коррупцией, но и на её предотвращение с помощью создания среды, в которой государственные служащие, в зависимости от их личностных качеств и убеждений, попадают под действие одного из элементов данной системы. Таким образом, современная антикоррупционная стратегия Китая представляет собой комплексную модель, где правовые, институциональные и идеологические инструменты работают совместно, обеспечивая долгосрочную эффективность борьбы с коррупцией. Развитие и уточнение формулировки концепции «трёх не» свидетельствует о динамике антикоррупционной политики Китая. В настоящее время система, основанная на трёх дополняющих друг друга механизмах, является ключевой составляющей антикоррупционной политики КНР, а также инструментом поддержания общественного доверия к власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Виноградов А.В. Власть, бизнес и коррупция в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 1. С. 89–96.

Виноградов А.В., Трощинский П.В. Заключительная сессия ВСНП 13-го созыва и некоторые итоги государственного строительства за 10 лет // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 4. С. 7–21. DOI 10.31857/S013128120021696-6

Лю Х. Системное реформирование китайского антикоррупционного законодательства и правоприменительной практики // Правоприменение. 2017. № 1 (4). С. 140–147. DOI 10.24147/2542-1514.2017.1(4)

Лю Х. Стратегическая трансформация законодательства в сфере противодействия коррупции в Китае // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5 (66). С. 116–121. DOI 10.12737/article_59bbac202b31d8.53700151

Севальнев В.В. Правовое регулирование противодействия коррупции в Китае // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 2. С. 69–74. DOI 10.12737/art.2018.2.10

Трощинский П.В. Конституционно-правовые основы институционализации противодействия коррупции в КНР // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 6. С. 78–90. DOI 10.12737/jflcl.2021.06

Трощинский, П.В. Законодательное развитие КНР // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2023. М.: Институт Китая и современной Азии РАН. С. 14–27.

REFERENCES

Liu H. (2017). Sistemnoye reformirovaniye kitayskogo antikorruptsionnogo zakonodatel'stva i pravoprimenitel'noy praktiki [Systemic reform of Chinese anti-corruption legislation and enforcement practices]. *Pravoprimeneniye* [*Law Enforcement Review*], 1 (4): 140–147. (In Russian). DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(4)

Liu H. (2017). Strategicheskaya transformatsiya zakonodatel'stva v sfere protivodeystviya korruptsii v Kitaye [Strategic transformation of anti-corruption legislation in China]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [*Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*], 5 (66): 116–121. (In Russian). DOI 10.12737/article_59bbac202b31d8.53700151.

Sevalnev V.V. (2018). Pravovoye regulirovaniye protivodeystviya korruptsii v Kitaye [Legal regulation of anti-corruption measures in China]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [*Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*], 2: 69–74: (In Russian). DOI 10.12737/art.2018.2.10

Troshchinskiy P.V. (2021). Konstitutsionno-pravovyye osnovy institutsionalizatsii protivodeystviya korruptsii v KNR [Constitutional and legal foundations of the institutionalization of anti-corruption in the PRC]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [*Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*], 17 (6): 78–90. (In Russian). DOI 10.12737/jflcl.2021.06

Troshchinskiy P.V. (2023). Zakonodatel'noye razvitiye KNR [Development of the PRC legislation]. *Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura* [*The People's Republic of China: Politics, Economics, Culture*]. Moscow: ICCA RAS. P. 14–27. (In Russian).

Vinogradov A.V. (2014). Vlast', biznes i korruptsiya v Kitaye [Government, business and corruption in China]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [*Far Eastern Studies*], 1: 89–96. (In Russian).

Vinogradov A.V., Troshchinskiy P.V. (2022). Zaklyuchitel'naya sessiya VSNP 13-go sozyva i nekotoryye itogi gosudarstvennogo stroitel'stva za 10 let [The final session of the 13th NPC and some results of state-building over 10 years]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [*Far Eastern Studies*], 4: 7–21. (In Russian). DOI 10.31857/S013128120021696-6

* * *

Guo X. (2021). Jiyu xitong guannian yiti tuijin bugan fu buneng fu buxiang fu jizhi de lilun tanxi [Theoretical Analysis on the Unified Promotion of the Mechanisms No Dare to be Corrupted, No Option to be Corrupted, and No Desire to be Corrupted Based on the Systemic Concept of Integration]. *Renwen zazhi* [*The Journal of Humanities*], 11: 28–38. (In Chinese). [郭兴全。基于系统观念一体推进不敢腐不能腐不想腐机制的理论探析。人文杂志。2021 年，(11), 28–38].

Li Y. (2010). Rang ganbu buxiang fu, buneng fu, bugan fu [The Practice of Making Cadres Not Want to Corrupt, Not Be Able to Corrupt, and Not Dare to Corrupt]. *Sixiang lilun ban* [*Thought and Theory Edition*], 137 (4): 20–21. (In Chinese). [李延英。让干部不想腐、不能腐、不敢腐。思想理论版。2010 年，2, 55].

Lu M. (1998). Bu wangqu bugou qu bugan qu [Do not take recklessly, do not take carelessly, do not dare to take]. *Tongji yu yuce* [*Statistics and Forecasting*], 137 (4): 20–21. (In Chinese). [鲁民。不妄取不苟取不敢取。统计与预测。1998 年，(01), 61].

Meng Qingshun (2017). *Xianggang lianzheng zhidu yanjiu* [*Study on Hong Kong's Integrity System*]. Hong Kong: Sanlian shudian, 252 p. (In Chinese). [孟慶順。香港廉政制度研究].

Zhang Y. (2004). Dui jiada fanfubai lidu de sikao [Thoughts on intensifying anti-corruption efforts]. *Daqing shehui kexue* [*Daqing Social Sciences*], 137 (4): 20–21. (In Chinese). [张彦中。对加大反腐败力度的思考。大庆社会科学。2004 年，137 (4), 20–21].

Zhao S. (1995). Cong buneng tan, bugan tan, dao bu yuan tan ― ―Xinjiapo de lianzheng jianshe lüeying [From not being able to be corrupt, not daring to be corrupt, to not wanting to be corrupt - Singapore's Integrity Building Snapshots]. *Dangfeng yu lianzheng* [*Party Style and Integrity*], 137 (4): 20–21. (In Chinese). [赵树元。从不能贪、不敢贪，到不愿贪──新加坡的廉政建设掠影。党风与廉政。1995 年，(07), 40].

Поступила в редакцию:	11.03.2024	Received:	Mar 11, 2025
Принята к публикации:	21.03.2025	Accepted:	Mar 21, 2025

DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-19-31

Перспективы развития рынка электромобилей в АСЕАН: глобальные тенденции и региональная специфика

Новикова Екатерина Сергеевна[1],
Прокудин Михаил Сергеевич[1]

[1] Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы развития рынка электромобилей в странах АСЕАН в контексте глобальных тенденций и региональных особенностей. Анализируются факторы, способствующие росту отрасли, текущее состояние рынка, инвестиционная активность, а также технологические и инфраструктурные ограничения. Особое внимание уделено роли государственных программ в стимулировании производства и интеграции региона в международные цепочки поставок. Выделены основные барьеры, замедляющие развитие сектора, в том числе высокая стоимость технологий, недостаточная инфраструктура зарядки и необходимость локализации производства ключевых компонентов. На основе исследования предлагаются рекомендации по укреплению позиций региона, включающие меры по развитию локализованного производства, по расширению сети зарядных станций и по поддержке инноваций. Авторы также подчеркивают потенциал АСЕАН как перспективного центра глобального производства электромобилей.

***Ключевые слова*:** АСЕАН, электромобили, глобальные тенденции, инвестиции, зарядная инфраструктура, локализация производства, экологическая устойчивость, транспортная отрасль, интеграция цепочек поставок, рынок электротранспорта.

***Авторы*:**

Новикова Екатерина Сергеевна, кандидат экономических наук, кафедра экономической теории, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (адрес: 115054, Москва, Стремянный переулок, 36). ORCID: 0000-0003-2342-6939. E-mail: Novikova.ES@rea.ru

Прокудин Михаил Сергеевич, магистр, Высшая школа экономики и бизнеса, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, (адрес: 115054, Москва, Стремянный переулок, 36). ORCID: 0009-0007-0603-2483. E-mail: misha0612000@gmail.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Новикова Е.С., Прокудин М.С. Перспективы развития рынка электромобилей в АСЕАН: глобальные тенденции и региональная специфика // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 2. С. 19–31. (На англ.). DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-19–31

Prospects for electric vehicle market development in ASEAN: global trends and regional specifics

Novikova Ekaterina S.[1]**,**
Prokudin Mikhail S.[1]

[1] Plekhanov Russian University of Economics

Abstract. The article considers the prospects for the development of the electric vehicle market in ASEAN countries in the context of global trends and regional peculiarities. The factors contributing to the growth of the industry, the current state of the market, investment activity, as well as technological and infrastructural limitations are analyzed. Special attention is paid to the role of government programs in stimulating production and integrating the region into the international supply chains. The main barriers slowing down the development of the sector are highlighted, including the high cost of technology, insufficient charging infrastructure, and the need to localize the production of key components. Based on the study, recommendations are offered to strengthen the region's position, covering measures to promote localized manufacturing, expand the network of charging stations, and support innovation. The authors highlight the potential of ASEAN as a promising center for global electric vehicle production.

***Keywords*:** ASEAN, electric vehicles, global trends, investment, charging infrastructure, localization of production, environmental sustainability, transport industry, supply chain integration, electric transport market.

***Authors*:**

Novikova Ekaterina S., PhD (Economics), Department of Economic Theory, Plekhanov Russian University of Economics (address: 36 Stremyannyy Pereulok, Moscow, 115093, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-2342-6939. E-mail: Novikova.ES@rea.ru

Prokudin Mikhail S., Master's student, High School of Economics and Business, Plekhanov Russian University of Economics (address: 36 Stremyannyy Pereulok, Moscow, 115093, Russian Federation). ORCID: 0009-0007-0603-2483. E-mail: misha0612000@gmail.com

***Conflict of interests*.** The authors declare the absence of the conflict of interest.

***For citation*:** Novikova E.S., Prokudin M.S. (2025). Perspektivy razvitiya rynka elektromobiley v ASEAN: global'nyye tendentsii i regional'naya spetsifika [Prospects for electric vehicle market development in ASEAN: global trends and regional specifics]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 7 (2): 19–31. DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-19-31

Introduction

The global shift to clean transportation in the 21st century has become a central trend with economic, energy and environmental impacts. The introduction of electric vehicles is seen as a key alternative to traditional modes of transportation, playing an important role in reducing carbon emissions and achieving sustainable development goals. This process involves not only the world's leading economies, but also countries with dynamic industries, including ASEAN states. The region was striving to take its rightful place in global production chains by capitalizing on new economic opportunities and attracting investment.

With a strong industrial sector and consumer demand and a strategically advantageous geographical location, ASEAN countries have the potential to transform themselves into one of the largest electric vehicle manufacturing centers. However, along with its advantages, the region faces

serious challenges: high technology costs, lack of developed infrastructure and fierce competition from the traditional automotive industry. The key conditions for the successful development of this industry are the expansion of local production and the transition to clean energy sources.

This study analyzes the prospects for the development of the electric vehicle sector in ASEAN countries in the context of global trends and regional characteristics. The paper examines the dynamics of the industry's development at the global level, government support measures, investment activity, as well as key challenges and potential growth points. The analysis is based on a wide range of data, including statistics, legislative initiatives, examples of successful investment projects and strategies of leading automakers.

The paper aims to identify the prospects and constraints faced by ASEAN countries in developing an innovative and environmentally sustainable automotive industry, and to offer recommendations to strengthen their position in the global market.

Both qualitative and quantitative methods of analysis were used to achieve the set objectives. Statistical processing of data was based on information from various sources including the ASEAN Statistical Yearbook, ASEAN Investment Report, and official government reports. The comparative analysis explored the differences in electric vehicle market development and government policies between ASEAN countries and the leading global players – China, the US and the EU. In addition, expert analysis was conducted covering government programs, investment trends, and technological advancements in the sector. Analysis of regulations, policy documents, and official statements provided a detailed look at the existing regulatory environment. A foresight method based on current market dynamics and political trends was applied to assess future scenarios and identify potential growth areas in the electric vehicle sector.

Literature review

The development of electric transport in ASEAN countries has been the subject of active study by researchers analyzing its impact on the economy, the sustainability of the transport system, and the region's integration into global production chains. In particular, considerable attention has been paid to the trade cooperation among ASEAN states and its role in shaping a sustainable automotive sector, as well as the adoption of clean technologies [Haghani et al. 2023].

One of the central aspects of research is the possibility of reducing CO_2 emissions by coordinating trade agreements and implementing cooperative electromobility strategies. Researchers consider the impact of tax incentives, subsidies and investments in charging infrastructure as the main instruments to promote the demand for electric vehicles [Peng et al. 2023]. These issues are also addressed in another study [Khaleel et al. 2024], which presents a comparative analysis of global electric vehicle market trends in China, Europe and the United States, and identifies key differences between regional patterns.

Additionally, the recycling of electric vehicle batteries in ASEAN countries is examined, reducing dependence on rare earth metals and increasing technology availability for developing economies [Doi et al. 2024]. The barriers to the spread of electric vehicles in countries in the early electrification phase, such as lack of infrastructure, high cost of cars, and low public awareness, which is particularly evident in India, are also analyzed [Yadav et al. 2024].

The study of the Malaysian electric vehicle market focuses on the impact of Tesla's entry into the region and the adaptation of international automakers to local conditions. It looks at pricing

policies, service infrastructure development, and companies' interaction with government agencies [Lee, Ewe 2024]. A similar analysis has been done for Japan, where domestic and international factors affecting the spread of electric vehicles are examined [Satrio et al. 2023]. In Indonesia, special attention is paid to the strategy of using nickel reserves to organize local production of batteries and EVs [Schröder 2023]. Vietnamese electromobility policies are examined in the context of developed country experiences [Nguyen et al. 2020].

Furthermore, the impact of the ecosystem approach on EV adoption in the region is explored, emphasizing the need for coordination between automakers, government agencies, infrastructure companies and consumers [Ciptomulyono et al. 2024]. These findings are supported by work on the prospects for mass adoption of electric vehicles in ASEAN countries [Barus 2024]. An analysis of international regulatory practices that can be adapted for countries in the region is also provided [Hoang et al. 2020].

Thus, the authors conclude that further development of the EV sector in ASEAN countries requires a comprehensive approach that includes government support, expansion of charging infrastructure, improvement of supply chains, and stimulation of consumer demand. The effectiveness of the implemented strategies and the ability of the countries in the region to adapt to technological changes will be the determining factors for the successful integration of ASEAN into the global EV market.

Global trends in the production of electric vehicles

The production and sales of electric vehicles have shown dynamic growth in recent years, driven by global initiatives to reduce carbon emissions, technological advances, and increasing demand for clean transportation. Global electric vehicle sales will approach 17 million units in 2024, up from 13 million units in 2023, representing a compound annual growth rate of around 30 %. The main markets remain China, Europe and the US, which together account for more than 80 % of all electric vehicles sold[1].

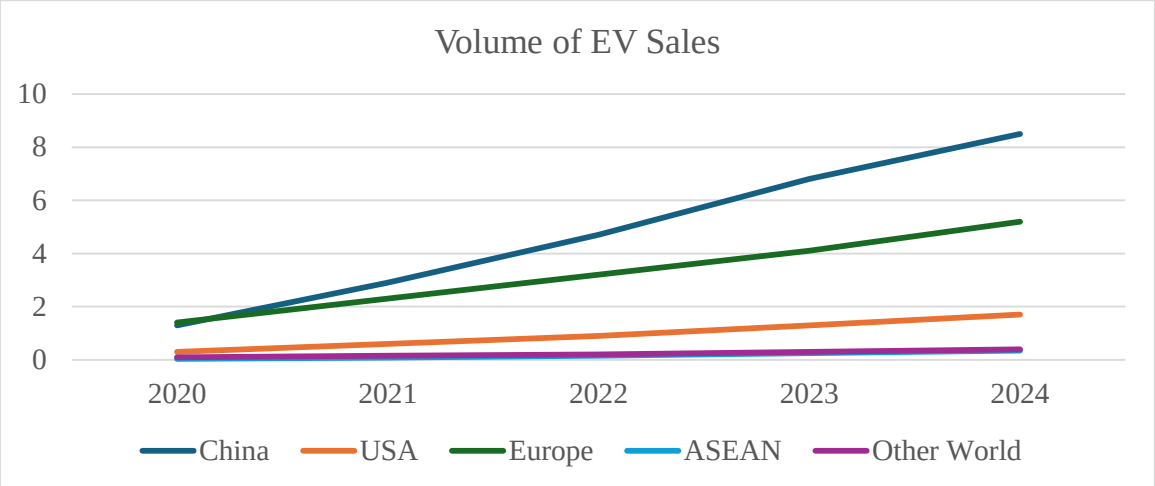


Figure 1. EV sales volume, in millions of units.

Source: Compiled by the authors based on data from Tracking global data on electric vehicles. URL: https://ourworldindata.org (accessed: Jan 25, 2024).

[1] Global EV Outlook 2024. *International Energy Agency*, Apr 2024. URL: https://www.iea.org/reports/global-ev-outlook-2024 (accessed: Jan 25, 2025).

The growth of the electric vehicles market is driven by intensifying environmental regulations and increased public focus on reducing carbon dioxide emissions, thereby promoting the adoption of electric vehicles. The EU and the US have support programs in place, including subsidies for the purchase of electric vehicles, tax breaks, and grants for the development of a network of charging stations[2].

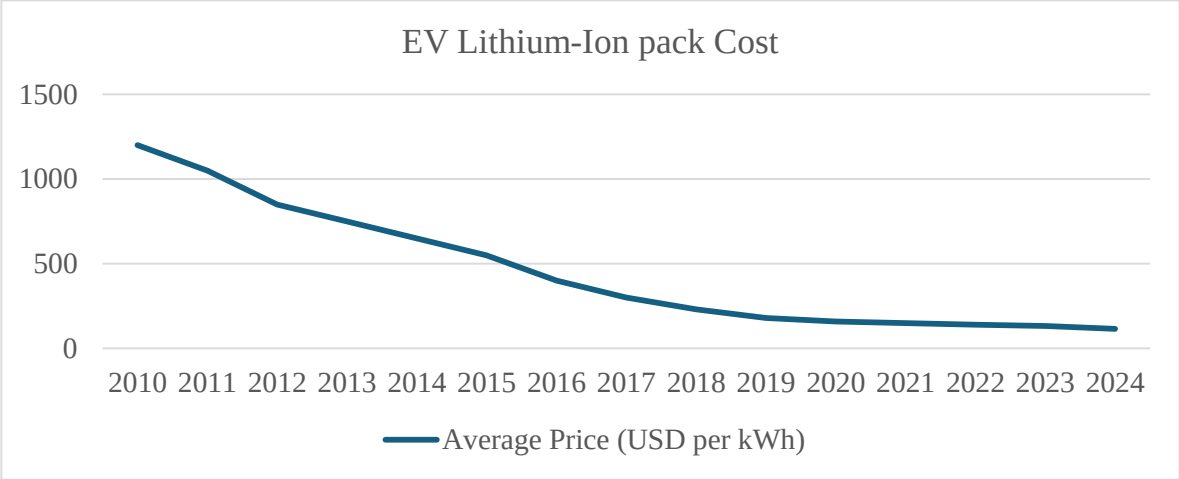


Figure 2. The cost of Lithium-Ion pack in USD (2010–2024).

Source: Compiled by the authors based on data from Green car reports. URL: https://www.greencarreports.com (accessed: Jan 25, 2024).

Recently there is a trend that electric cars became affordable for most of consumers. It's all down to lithium-ion batteries – these energy bricks used to take up to 40 % of the car's cost. But since 2010 their price has simply collapsed: if before the price for 1 kW/h was 1200 dollars, now it is around 115 dollars (beginning of year 2024).

China has the leading place with the production of such equipment for electric cars. By the end of 2025, it promises 12.5 million chargers – more than all other countries combined. Moreover, China plans to sell 9 million electric cars in the domestic market this year.

At the same time key players in the automotive market continue to fight for the leadership. According to the latest reports, the competition between Tesla and BYD has reached a critical point: the gap in production volumes has narrowed to 10 thousand units (1.79 million vs. 1.78 million cars for the reporting period) (Table 1). Such a minimal gap, characteristic of highly competitive industries, creates prerequisites for a radical redistribution of market shares. Analysts' forecasts indicate that if current growth rates are maintained, Chinese manufacturers could secure 18 % of the global electric vehicle market, a figure comparable to the share of traditional leaders in the internal combustion engine segment.

Escalating competition is exacerbated by the involvement of Volkswagen and Hyundai, which are actively pursuing aggressive pricing strategies (average price reductions of 8–12 % for electric models over 2023) and accelerating battery technology development cycles (solid-state batteries and regenerative systems are leading in terms of patent applications).

[2] Federal EV Policy. *Electrification Coalition*. URL: https://electrificationcoalition.org/work/federal-ev-policy/ (accessed: Jan 25, 2025).

Regarding the prospects of internal combustion engine technologies, current forecasting models give conflicting estimates. According to the International Energy Agency[3], a full transition to electric vehicles in developed countries is possible by 2035–2040, but this scenario depends on infrastructure investment dynamics (charging networks, battery recycling), regulatory constraints (e.g. bans on internal combustion engine sales in the EU from 2035) and breakthroughs in alternative technologies (hydrogen engines, synthetic fuels).

Table 1. The most important measurements of the world's car companies.

Position	Brand	Sales (2024, mln units)	Market share (%)	Key markets
1	BYD	1,79	20	China, ASEAN
2	Tesla	1,77	18	USA, Europe, China
3	Volkswagen Group	1,5	14	Europe, China
4	SAIC-GM-Wuling	1,1	10	China, ASEAN
5	Hyundai-Kia	0,9	8	USA, Europe, South Korea
6	BMW Group	0,7	6	Europe, USA
7	Mercedes-Benz	0,6	5	Europe, USA, China
8	Renault-Nissan-Mitsubishi Alliance	0,5	4	Europe, Japan, ASEAN
9	Geely (including Volvo, Polestar)	0,5	4	Europe, China
10	Stellantis	0,4	3	Europe, USA

Source: Compiled by the authors based on data from Alcott global. URL: https://alcottglobal.com (accessed: Jan 25, 2024).

Southeast Asian (SEA) countries are shaping a new paradigm for the global energy transition, combining technology localization and commodity sovereignty. Thai startups (EVATAN) are adapting Tesla's solutions using local materials. For example, Malaysian lepidocrocite reduces battery costs by 22 %. Indonesia, controlling 24 % of the world's nickel reserves, banned the export of raw materials, which increased the capacity of local battery plants 7 times in 2 years. Vietnam's VinFast, integrating into European power grids through a partnership with E.ON, is showing aggressive expansion. According to the IMF Data[4], this will reduce the region's oil dependence (to 4 % of GDP), create 2.8 million jobs by 2030 and redistribute 12–18 % of value chains in the battery industry. SEA is moving from imitation to systemic market transformation.

A key success factor for ASEAN countries has been flexible integration into transnational production networks. For example, the synthesis of Chinese investment (Geely), German engineering (Bosch) and Singaporean logistics platforms (PSA) has enabled the development of electric vehicles in the $15,000 price range with fast charging functions compatible with urban grid infrastructure.

[3] Global EV Outlook 2024. *International Energy Agency*, Apr 2024. URL: https://www.iea.org/reports/global-ev-outlook-2024 (accessed: Jan 25, 2025).

[4] IMF Data. *International Monetary Fund.* URL: https://www.imf.org/en/Data (accessed: Jan 25, 2025).

While the EU focuses on the debate over emission quotas, ASEAN is implementing structural changes. According to the ASEAN Automotive Federation[5], Thailand, which previously specialized in pickup trucks for the agricultural sector (82 % of production in 2020), could account for 31 % of global electric crossover production by 2026 thanks to:

– re-industrialization of factories (robotization of Toyota and Ford assembly lines);

– tax incentives for export of 'green' cars (VAT reduction to 2 % with localization of 60 % of components).

The projected increase in quality ('Malaysian standard') is associated with introduction of German management systems (VDA 6.1 at Proton factories) and increased patent activity (140 % increase from 2020 in the Battery Management System segment).

Prospects to produce electric cars in ASEAN countries

ASEAN countries are transforming geographic and resource advantages into key assets for the global electric vehicle industry.

Geo-economic hub: Logistical accessibility (battery delivery from Thailand to Shanghai/Dubai in 48 hours, according to Frost & Sullivan[6], makes the region a supply chain hub. Concentration of 35 % of global maritime trade routes[7] reduces transaction costs by 12–18 % vs. Europe/US.

Commodity dominance: Indonesia, providing 22 % of global nickel, plans to produce 45 % of cathode materials for Li-ion batteries by 2026[8]; Malaysia is revitalising abandoned rare earth mines, increasing neodymium processing by 300 % from 2020[9].

State protectionism: Vietnam is granting 12,000 ha for EV clusters[10]. Thailand provides $3,000 subsidy per EV sold + tax holiday for gigafactories. Philippines is organizing retraining programme for 240,000 diesel jeepney drivers[11].

ASEAN's share of global electric vehicle production grows from 1.8 % (2020) to 7 % (2023), outpacing China and the EU[12]. By 2030, the region plans to have 15+ megafactories with 100+ GWh/year capacity, 40 % chain localization (vs. 18 % in 2023), $85 billion worth of EV component exports[13].

[5] Statistics in 2024. *ASEAN Automotive Federation.* URL: https://www.asean-autofed.com/statistics.html (accessed: Jan 25, 2025).

[6] EV Market Analysis. *Frost.com.* URL: https://store.frost.com/2024-prediction-of-the-global-electric-car-growth-outlook.html (accessed: Jan 25, 2024).

[7] UN Trade and Development. *UNCTAD.* URL: https://unctadstat.unctad.org/EN/ (accessed: Jan 25, 2025).

[8] Inside Indonesia's nickel industry. *Benchmark Mineral Intelligence.* URL: https://source.benchmarkminerals.com/video/watch/inside-indonesias-nickel-industry (accessed: Jan 25, 2025).

[9] MITI Report 2024. *Ministry of Investment, Trade and Industry.* URL: https://www.miti.gov.my/index.php/pages/view/10720 (accessed: Jan 25, 2025).

[10] Decision 1363/QD-TTg 2022 Master Plan of Ha Tinh province for the 2021-2030 period. *LuatVietnam.* URL: https://english.luatvietnam.vn/decision-no-1363-qd-ttg-approving-the-master-plan-of-ha-tinh-province-for-the-2021-2030-period-with-a-234463-doc1.html?utm_source=chatgpt.com (accessed: Jan 25, 2025).

[11] Annual Portfolio Performance Report. *ADB Funding.* URL: https://www.adb.org/what-we-do/funds (accessed: Jan 25, 2025).

[12] Electric Vehicle. *Counterpoint Research.* URL: https://www.counterpointresearch.com/coverage/coverage-electric-vehicle (accessed: Jan 25, 2025).

[13] ASEAN Investment Report 2024. *ASEAN Secretariat.* URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/10/AIR2024-3.pdf (accessed: Jan 25, 2025).

The key result is that ASEAN is moving from being an outsider to a systemically important player through a symbiosis of resource sovereignty, infrastructure investment and aggressive regulatory lobbying (Table 2).

Table 2. Distribution of EV infrastructure investment in ASEAN countries in 2024.

Country	Investments, bln US dollars	Main projects
Thailand	3,5	BYD's $500 million electric vehicle plant; Great Wall Motors (GWM) plant; MG Motors expansion
Indonesia	8	Tesla's US$5 billion nickel deal; Hyundai's US$1.5 billion electric car plant; LG's US$1.1 billion battery production
Vietnam	2,8	VinFast's $2 billion plants and R&D; collaboration with Samsung on battery technology; partnership with CATL
Malaysia	1,2	Foxconn-Geely electric car production; Tesla infrastructure and local assembly plans

Source: Compiled by the authors based on data from Mordor intelligence. URL: https://www.mordorintelligence.com (accessed: Jan 26, 2024).

Thailand, the largest automaker in Southeast Asia, has thrown all its energies into the development of electric vehicles. It set the goal to make every third car coming off local assembly lines a hybrid or electric car by 2023. The authorities go further: according to the strategy “30 to 30” by 2030 30 % of cars on the country's roads should be electric – it's like turning Bangkok from a city of traffic jams to the capital of “green” transportation.

Indonesia is not lagging behind. The country, which controls almost a quarter of the world's nickel reserves (a key component for batteries), has become a magnet for giants like Tesla and LG Energy Solution. They are investing billions to build battery plants, turning Indonesia into Asia's “lithium forge”. It's not just an investment – it's a bet on controlling the entire chain: from raw material extraction to battery assembly.

Vietnamese automaker VinFast continues to expand its presence in international markets, exporting electric vehicles to the US and Europe. The company produced more than 50,000 electric vehicles in 2023 and plans to further increase its output[14].

Malaysia is emphasizing on manufacturing components for electric vehicles and developing joint ventures with leading global automakers. A significant role in this process is played by the National Automotive Policy 2020 initiative aimed at attracting investment in environmentally friendly transportation.

International investment in the electric vehicle sector in ASEAN has shown steady growth. In 2024, total investment in the industry will reach $15 billion, including projects by Tesla in Indonesia and BYD in Thailand. The region also has significant reserves of natural resources required for battery production, including nickel, lithium, and cobalt. Indonesia and the Philippines are leaders in nickel mining, which gives them a distinct competitive advantage.

The combination of these factors, along with increased demand for electric vehicles, has led to a 45 % increase in electric vehicle sales in ASEAN, with Thailand and Vietnam recording the highest levels of consumption.

[14] ASEAN 2024 Key Indicators. *ASEAN Secretariat.* URL: https://data.aseanstats.org (accessed: Jan 26, 2024).

Despite the significant growth potential of the industry, the region faces several challenges. Some of the major challenges include high cost of technology, need for modern infrastructure, and limited production capacity. However, with government support, access to important resources, and sustained global demand for electric vehicles, ASEAN countries have the potential to transform the region into one of the largest electric vehicle manufacturing hubs.

Barriers to the development of electric vehicle production in ASEAN

Despite the high potential of the industry, ASEAN countries face a number of factors that hinder the large-scale production of electric vehicles. The main challenges include high production costs, lack of infrastructure, limited access to advanced technologies, and lack of public awareness of the benefits of electric vehicles[15].

One of the most serious constraints remains the high cost of batteries, which account for up to 40 % of the total price of an electric vehicle. In ASEAN countries, battery production is more expensive than in developed markets due to low localization and dependence on imports of key components.

Another significant barrier is the underdevelopment of the charging stations network. In 2023, ASEAN countries have less than 30,000 charging points, compared to more than 5 million in China. Limited charging infrastructure reduces the usability of electric vehicles and hinders their mass adoption.

As shown in Table 3, despite the increasing sales of electric vehicles, ASEAN consumers still prefer internal combustion engine vehicles. This is not only due to the lack of charging infrastructure, but also due to the lack of awareness of the benefits of electric vehicles. Stereotypes about the high cost of ownership and doubts about the reliability of electric vehicles are also common among the population.

Table 3. Share of sales of internal combustion engine and electric vehicles in ASEAN countries, %.

Period	2020	2021	2022	2023	2024
Share of engine vehicles, %	97,5	95,2	92,7	89,5	85
Share of electric vehicles, %	2,5	4,8	7,3	10,5	15

Source: Compiled by the authors based on data from Mordor intelligence – ASEAN EV Market Size & Share Analysis. URL: https://www.mordorintelligence.com (accessed: Jan 29, 2024).

ASEAN countries are developing the electric vehicle industry according to the ‘tropical’ model, combining low investment in R&D (1 % of GDP vs. 3–4 % in China and the EU) with the adaptation of foreign technologies. Slow commercialization of patents (5.2 years in Malaysia vs. 2.8 in China) is offset by reverse engineering – e.g. Tesla's BMS reproduction in 18 months. Palm oil biopolymers reduce battery costs by 15–20 % but limit energy intensity. Strategies include ‘retro innovation’ (diesel-powered hybrids) and niche markets (EVs for the tropics). The technology gap will persist into the 2030s due to dependence on Chinese patents (42 % of BMS solutions) and

[15] ASEAN 2024 Key Indicators. *ASEAN Secretariat.* URL: https://data.aseanstats.org (accessed: Jan 28, 2024).

environmental costs of nickel mining. The main asset is sustainability through flexibility, not breakthroughs[16].

ASEAN countries face contradictions in the development of the electric vehicle industry. State support, as in Thailand (VAT reduction to 2 %), is hampered by bureaucracy – project approval times are 3 times longer than in China. The traditional car industry (9 % of the region's GDP) resists the transition by lobbying for hybrids. The technology gap is exacerbated by low investment in R&D: Indonesia spends 2.1 billion dollars compared to Shenzhen's 130 billion dollars. Vietnamese engineers are working with outdated Chinese patents, 2–3 generations behind.

Adaptations include replacing cobalt with cheap graphite (18 % savings) and building gigafactory on nickel deposits ('mine-to-mill'), as well as niche specialization on EVs for the tropics (anti-corrosion solutions) and budget segment ($8,000–12,000). Forecast is to achieve a 15 % share in global EV production by 2030, which requires overcoming the paradox of dependence on Chinese technology while declaring raw material sovereignty. The main risk is consolidation of low-value-added assembly plant status.

ASEAN chooses a unique hybrid path – raw material rents instead of breakthrough innovation, which yields rapid growth but limits technological sovereignty.

Prospects and opportunities for growth

The ASEAN countries are demonstrating a dynamic electric vehicle industry, driven by a combination of unique geographic, resource and regulatory factors. According to the region's strategic plans, electric vehicle production is expected to quintuple by 2030, representing an annual growth rate of 23 %[17]. This transformation requires analyzing key drivers and systemic constraints.

1. Factors of growth

1.1 Consumer demand.

Surveys indicate that 47 % of the urban population in Malaysia are considering switching to EVs in the medium term[18]. In Thailand, a similar trend is observed among commercial vehicle drivers, with 60 % of tuk-tuk operators supporting the replacement of petrol stations with charging nodes.

1.2 Investment activity.

Chinese corporations (BYD, Geely) invested $7.8 billion in Vietnamese startups over 2022–2023, focusing on battery technology development[19]. The construction of Tesla's 280,000 m² plant in Thailand will create 12,000 jobs and increase the region's export capacity by $4.5 billion/year.

1.3 Government initiatives.

Indonesia has introduced tax holidays for manufacturers localizing more than 60 % of value chains[20]. Thailand has a $3,000 subsidy for the purchase of EVs provided that internal combustion engine vehicles are scrapped[21].

---

[16] ASEAN Statistical Yearbook 2024. *ASEAN Secretariat*. URL: https://aseandse.org/asean-statistical-yearbook-2024/ (accessed: Jan 31, 2024).

[17] ASEAN 2024 Key Indicators. *ASEAN Secretariat.* URL: https://asean.org/serial/asean-key-figures-2024/ (accessed: Feb 1, 2024).

[18] EV Market Analysis. *Frost.com.* URL: https://store.frost.com/2024-prediction-of-the-global-electric-car-growth-outlook.html (accessed: Feb 1, 2024).

[19] The Future of Asia. *Nikkei Asia.* URL: https://asia.nikkei.com/Spotlight/The-Future-of-Asia?page=1 (accessed: Feb 1, 2024).

2. Technological and infrastructural challenges

2.1 Dependence on external patents.

65 % of technology solutions in the ASEAN EV sector are based on licenses from Chinese companies, limiting the region's innovation potential[22].

2.2 Environmental trade-offs.

Nickel mining in Indonesia, critical for battery production, increased CO_2 emissions by 18 % in 2022, creating a conflict between climate goals and industrialization[23].

2.3 Infrastructure imbalances.

70 % of charging stations are concentrated in metropolitan areas, making it difficult to integrate EVs in rural areas[24].

ASEAN has a significant potential for transformation into a global EV hub, but success depends on overcoming structural contradictions. The balance between utilizing resource advantages (nickel, graphite) and developing endogenous technologies becomes critical.

Potential EV market leaders

China continues to strengthen its position in the region, and this is visible to the naked eye. In recent years alone, Chinese giants BYD and Great Wall Motor have invested more than $1.44 billion in building factories in Thailand, Indonesia and Vietnam. These countries are turning not just into “assembly plants” but into springboards for exporting electric cars throughout Asia.

For example, the BYD plant in Thailand was launched in 2023, and it is already capable of producing up to 150,000 cars a year. Thanks to this, Thailand is becoming not only a local player, but also the center of electric car supply from Australia to the Middle East.

Controlling 70 % of lithium battery production in the region is not only China's trump card. It all starts with raw materials: nickel from Indonesia, cobalt from other ASEAN countries – Chinese companies have built a chain from mines to conveyors. In Malaysia and Vietnam, they are already building giant factories, turning the region into the “brain” of their industrial ecosystem. This is not just expansion – it is a geo-economic strategy, where ASEAN becomes a cog in the machine of Chinese dominance.

The projects like “Belt and Road” only reinforce this dependence. Thanks to RCEP, electric vehicles and components from the PRC have flowed into the region like water through open floodgates. While other players argue over quotas, China is already investing in technology, infrastructure and lobbying for its standards. As a result, ASEAN risks becoming not a partner but a periphery of China's green empire.

---

[20] MITI Report 2024. *Malaysia Ministry of Investment, Trade and Industry.* URL: https://www.miti.gov.my/index.php/pages/view/10720 (accessed: Feb 2, 2025).

[21] Thailand approves budget for EV subsidiary. *VnExpress.* URL: https://e.vnexpress.net/thailand-ev-subsidy/tag-1704237.html (accessed: Feb 2, 2025).

[22] Global Innovation Index 2023. *WIPO.* URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2023-en-main-report-global-innovation-index-2023-16th-edition.pdf (accessed: Feb 4, 2025).

[23] Emerging captive coal power: Dark clouds on Indonesia’s clean energy horizon. *Global Energy Monitor.* URL: https://globalenergymonitor.org/wp-content/uploads/2023/09/CREA_GEM_Indonesia-Captive_2023.pdf?utm_source=chatgpt.com (accessed: Feb 4, 2025).

[24] Outlook 2024. *Asian Development Bank.* URL: https://www.adb.org/publications/asian-development-outlook (accessed: Feb 5, 2025).

Conclusion

The development of electric vehicles in ASEAN countries is not just a fashion, but a strategic leap that could turn the region's role in the global auto industry upside down. A shift away from oil, thousands of new jobs, and an influx of technology are all real prospects. But the main question remains behind the scenes: will ASEAN countries be able to turn the “green revolution” into a path to self-sufficiency, or will they become mere cogs in someone else's machine?

China is certainly setting the tone. Its factories, charging stations and billions of dollars of investment are already reshaping the region's map. Thanks to RCEP and Belt and Road Initiative, electric cars from the PRC are filling ASEAN markets like a tidal wave. But there's a hard logic behind it: control over lithium batteries, Indonesia's nickel and assembly chains. Case in point: when LG Energy Solution builds a plant in Jakarta, it's not just “cooperation” – it's a move to make ASEAN forever dependent on Chinese technology.

However, the region has its own leverage. Indonesia's nickel is not just a resource, but a lever of influence. The ban on exporting raw materials without local processing has already forced Tesla and Hyundai to invest in local facilities. This is a model of success that can be replicated: 1) Require foreign companies to transfer know-how in exchange for access to resources; 2) Create smart charging networks using Singapore's experience in digitalization; 3) Focus on battery recycling because, as long as China dominates manufacturing, ASEAN can lead the way in the sustainable cycle.

The main threat is not China, but lack of unity. While Thailand competes with Indonesia for factories and Vietnam with Malaysia compete for investment, Beijing can easily play on these tensions. The answer should be a common strategy: standardization, joint R&D centers, and green corridors for cross-border logistics.

The bottom line is that electric vehicles are a battle for the future. Either ASEAN will utilize its resource and geographic potential to become an equal partner in the global chain, or it will forever remain an “assembly line” between China and the world. The choice is up to the region, and the time for reflection is rapidly melting away.

REFERENCES

Haghani M., Spray F., Kazemzadeh K., Shahhosseini Z., Aghaei J. (2023). Automotive industry in Southeast Asia: Can regional trade cooperation promote sustainability? *Transportation Research Part D: Transportation and Environment*, 136: 103049. DOI 10.1016/j.trd.2023.103049

Peng R., Hayes J., Tang K.G., Yang H., Meng M., Zhang J., Zhuge K. (2023). Electric vehicle adoption in ASEAN countries: assessing the role of policy measures and market dynamics. *Applied Energy*, 347: 121732. DOI 10.1016/j.apenergy.2023.121732

Khaleel M., Nassar Y., El-Khozondar H.J., Elmnifi M., Rajab Z., Yaghoubi E., Yaghoubi E. (2024). Electric vehicles in China, Europe and the USA: Current trend and market comparison. *International journal of electrical engineering and sustainable development*, 15 (3): 111. DOI 10.3390/wevj15030111

Yadav N., Pratibha, Tripathi R., Neha, Kushava V. (2024). Charging ahead: Removing key barriers to electric vehicle market penetration in India. *International journal of innovative research in computer science and technology (IJIRCST)*, 7 (3): 72. DOI 10.21276/ijircst.2024.7.3.72

Doi N., Purtanto A.J., Suehiro S., Morimoto S., Takamine A., Kawada Y., Sasaki K., Matsuo Y. (2024). Battery reuse of electric vehicles in ASEAN countries. *Economic Research Institute for ASEAN and East Asia (ERIA).* DOI 10.13140/RG.2.2.34578.39841

Lee Y.Q., Ewe S.Y. (2024). Tesla's market entry and electric vehicle market dynamics in Malaysia. ResearchGate, case study. DOI 10.13140/RG.2.2.32164.12165

Satrio J., Juned M., Salam S. (2023). International and domestic factors of battery electric vehicle diffusion in Japan. *Asia-Pacific Review*, 30 (1): 94–118. DOI 10.1007/s12140-023-09418-4

Schröder M. (2023). From nickel to electric cars? Indonesian resource and automobile policy. *Journal of Asia-Pacific Economics*, 28 (3): 312–335. DOI 10.1080/13547860.2023.2231192

Nguyen H.P., Hoang A.T., Le A.T., Pham V.V., Tran V.N. (2020). Exploring policy experiences and roadmap of advanced countries for electric vehicle development in Vietnam. *Energy Sources, Part A: recovery, utilization and environmental impact*, 42 (24): 2987–3003. DOI 10.1080/15567036.2020.1811432

Ciptomulyono U., Wirjodirdjo B., Prastawa A., Sasongko T.W. (2024). Identifying drivers of electric vehicle adoption and production: An ecosystem perspective. *Cogent Business & Management*, 11 (1): 2332497. DOI 10.1080/23311975.2024.2332497

Barus D.H.N. (2024). Electric vehicle market development in ASEAN: does it have potential? *International journal of social sciences and humanities research*, 7 (3): 2–17. DOI 10.21276/ijsshr.2024.7.3.2

Поступила в редакцию:	19.03.2025	Received:	Mar 19, 2025
Принята к публикации:	16.04.2025	Accepted:	Apr 16, 2025

DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-32-45

Изменение косвенной зависимости США от КНР за период 2017–2023 гг. вследствие увеличения торговых и производственных отношений с Вьетнамом

Конь Илия Романович[1]

[1] МГУ им. М.В. Ломоносова

Аннотация. Фрагментация мировой экономики и связанная с ней реконфигурация глобальных производственных сетей обсуждается в научной и деловой литературе относительно давно, однако тема разделения мира на геополитически обусловленные торговые и производственные блоки привлекает наибольшее внимание в последние 7 лет, с начала торгового противостояния США и КНР. Данное исследование посвящено количественной оценке изменения косвенной зависимости США от КНР за период с 2017 по 2023 гг. вследствие инициированного американским правительством процесса увеличения торговых и производственных связей с Вьетнамом (френдшоринга). Под изменением косвенной зависимости понимается изменение доли добавленной стоимости страны-геополитического противника в структуре экспорта добавленной стоимости страны-геополитического союзника или нейтральной страны в страну-инициатор френдшоринга. Информационной базой исследования являются многорегиональные таблицы «затраты-выпуск», выпущенные Азиатским банком развития в 2024 г., на основе которых была рассчитана структура добавленной стоимости в экспорте Вьетнама в США за 2015–2023 гг. Полученные данные свидетельствуют о росте косвенной зависимости США от КНР, выраженной в увеличении доли китайской добавленной стоимости во вьетнамском экспорте в США, за 2017–2023 гг. на 4,5 п. п., однако наблюдается секторальная и временная специфика. Доля китайской добавленной стоимости в экспорте Вьетнама была максимальной в 2021 г., а её наибольший прирост в экспорте в США среди пяти ведущих вьетнамских отраслей наблюдается в единственной высокотехнологичной среди них. Предложены непротиворечивые факторы, которые могли повлиять на увеличение доли китайской добавленной стоимости во вьетнамском экспорте в США, среди них: пространственная близость, экономические различия в уровне развития Вьетнама и КНР, а также социокультурные связи.

Ключевые слова: США, КНР, фрагментация мировой экономики, френдшоринг, торговая война, таблицы «затраты-выпуск».

Автор: *Конь Илия Романович*, студент, МГУ им. М.В. Ломоносова (адрес: 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские Горы, д. 1). ORCID: 0009-0006-0209-6298. E-mail: ilyushenkakon@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Конь И.Р. Изменение косвенной зависимости США от КНР за период 2017–2023 гг. вследствие увеличения торговых и производственных отношений с Вьетнамом // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 2. С. 32–45. DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-32-45

Change in indirect U.S. dependence on the PRC over the 2017–2023 period due to increased trade and manufacturing relations with Vietnam

Kon' Ilia R.[1]

[1] Lomonosov Moscow State University

Annotation. The fragmentation of the world economy and the associated reconfiguration of global production networks have been discussed in academic and business literature for a relatively long time, but the topic of the division of the world into geopolitically determined trade and production blocs has received the most attention in the last 7 years, since the beginning of the trade confrontation between the US and the PRC. This study focuses on quantifying the change in the US indirect dependence on the PRC over the period from 2017 to 2023 due to the US government-initiated process of increasing trade and production ties with Vietnam (friendshoring). The change in indirect dependence refers to the change in the share of value added of a geopolitical adversary country in the structure of value-added exports of a geopolitical ally or neutral country to the initiating country of friendshoring. The information base of the study is the latest multiregional input-output tables released by the Asian Development Bank in 2024, based on which the value-added structure of Vietnam's exports to the US for 2015–2023 was calculated. The findings show an increase in the indirect dependence of the US on the PRC, expressed in the increase in the share of Chinese value added in Vietnam's exports to the US, over 2017–2023 by 4.5 p. p., but there is a sectoral and temporal specificity. The share of Chinese value-added in Vietnam's exports was highest in 2021, and among the top five sectors of the Vietnamese economy in terms of absolute increase in exports to the US, the increase in Chinese value-added share in their exports is the highest in the only high-tech sector among them. Consistent factors that may have influenced the increasing share of Chinese value-added in Vietnamese exports to the US are suggested. Among them are spatial proximity, economic differences in the level of development between Vietnam and the PRC, and socio-cultural ties.

Keywords: US, PRC, fragmentation of the world economy, friendshoring, trade war, multiregional input-output tables.

Author: *Kon' Ilia R.*, student, Lomonosov Moscow State University (address: 1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation). ORCID: 0009-0006-0209-6298. E-mail: ilyushenkakon@gmail.com

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interests.

***For citation*:** Kon' I.R. (2025). Izmeneniye kosvennoy zavisimosti SSHA ot KNR za period 2017–2023 gg. vsledstviye uvelicheniya torgovykh i proizvodstvennykh otnosheniy s V'yetnamom [Change in indirect U.S. dependence on the PRC over the 2017–2023 period due to increased trade and manufacturing relations with Vietnam]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 7 (2): 32–45. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-32-45

Введение

Фрагментация мировой экономики, вызванная изменением отношения общества и политиков развитых стран к глобализации вследствие потери рабочих мест и роста неравенства [Goldberg, Reed 2023], нарушениями в функционировании глобальных цепочек поставок во время пандемии COVID-19 [Aiyar, Ilyina 2023], а также растущим геополитическим напряжением [Gopinath et al. 2024], отражается, помимо прочего, в

реконфигурации глобальных производственных сетей [Gong et al. 2022]. Так, одним из проявлений текущих изменений в подходах к территориальной организации производства и торговли является френдшоринг. Данный термин, впервые использованный в 2021 г., а затем популяризированный Джанет Йеллен в 2022 г. [Goldberg, Reed 2023], не получил пока общепринятого толкования. С одной стороны, под френдшорингом понимают стратегию государств, направленную на увеличение торговли и создание устойчивых производственных сетей с политически близкими (дружественными) государствами за счёт уменьшения связей с недружественными [Kalvelage, Tups 2024; Nedumpara 2024]. С помощью френдшоринга страны стремятся избежать рисков, связанных с нарушением цепочек поставок и использованием их в качестве воздействия, а также укрепить своё влияние на другие государства. Однако вследствие того, что основными акторами в глобальных производственных сетях на данный момент выступают частные компании[1], политика френдшоринга проявляется прежде всего в создании заинтересованным государством необходимых условий для усиления торговой и производственной кооперации с дружественными странами (с помощью специальных институтов, заключения торговых соглашений и т.д.) [Kalvelage, Tups 2024]. Помимо политики, направленной на создание благоприятных условий торговли с политически близкими странами, некоторые исследователи также относят к мерам френдшоринга санкции и прочие способы, направленные на непосредственное изменение экономической эффективности связей с недружественными странами на фирменном уровне и тем самым принуждение компаний, работающих на местном рынке, к кооперации с партнёрами из дружественных государств [Wolfe 2023]. С другой стороны, френдшоринг рассматривается как непосредственный результат описанной стратегии, заключающийся «в производстве и поиске компонентов и сырья в группе стран с общими ценностями»[2]. В частности, примерами френдшорига являются переориентация внешней торговли и производственных отношений США с КНР на более нейтральные [Alfaro, Chor 2023] и политически близкие Вьетнам и Мексику.

Поскольку целью френдшоринга является увеличение устойчивости цепочек поставок к геополитическим потрясениям за счёт снижения зависимости от недружественных стран, то он должен приводить к усилению фрагментации мировой экономики и её распаду на «блоки». Однако ряд исследований указывает на то, что отношения между странами в условиях географически рассредоточенного и функционально фрагментированного производства сложнее, и сокращение прямых экспортно-импортных отношений ещё не означает аналогичного снижения косвенных, осуществляемых через производственные сети и цепочки [Baldwin et al. 2023]. Так, исследования, основанные на классической торговой статистике и посвящённые эффективности френдшоринга (то есть глубине разрыва связей), показывают положительную связь увеличения доли Вьетнама и Мексики в импорте США и увеличения их импорта из КНР (при этом на продуктовом уровне) [Alfaro, Chor 2023]. Другие работы, посвящённые в основном вопросам разделения мира на конкурирующие

[1] Строго говоря, компания может сама принять решение о переориентации торговых и производственных отношений в пользу дружественных стран (чтобы, например, избежать рисков, связанных с санкциями), однако в данном случае она всё равно будет действовать в рамках, заданных государством.

[2] What ‘Friend-Shoring’ Means for the Future of Trade. *Bloomberg*, Sep 11, 2023. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-09-11/-friend-shoring-is-a-us-trade-policy-that-s-good-news-for-india-vietnam (accessed: Jan 20, 2025).

политические блоки[3], позволили выявить помимо геополитически определённых объединений государств достаточно крупную группу стран, названных «посредниками» [Gopinath et al. 2024]. Данные страны сохраняют связи с обеими геополитическими группировками и позволяют им осуществлять косвенные взаимодействия [Aiyar, Ohnsorge 2023]. Таким образом, на настоящий момент не существует достоверных количественных оценок глубины разрыва связей США и КНР (как главных центров сформировавшихся геополитических блоков) вследствие френдшоринга, так как классическая торговая статистика не позволяет установить происхождение добавленной стоимости в экспорте стран-посредников. Целью данной работы является анализ изменений косвенной зависимости США от Китая вследствие увеличения импорта США из Вьетнама в период с 2017 по 2023 гг. на основе изучения потоков добавленной стоимости, выполненного по новейшим многорегиональным таблицам (2024 г.) «затраты-выпуск» Азиатского банка развития[4]. Необходимо заметить, что в данном исследовании мы анализируем, как изменилась косвенная зависимость США от КНР в результате увеличения торговых и производственных отношений с Вьетнамом (страной-посредником) относительно предыдущих значений таковой зависимости. При этом мы не оцениваем изменения зависимости США от КНР с учётом их масштабов в сравнении с прямой зависимостью – этот вопрос требует отдельного изучения.

Методы исследования

В условиях преобладания[5] торговли в рамках глобальных цепочек добавленной стоимости производственные и торговые связи между странами, а следовательно, и их фрагментация, могут быть оценены через изучение как непосредственных каналов (например, прямые экспорт и импорт), так и косвенных взаимодействий (в рамках производственных сетей) [Baldwin et al. 2023]. Очевидно, что экспорт страны равен экспортированной домашней добавленной стоимости только в том случае, когда товары и услуги производятся полностью в пределах национальных границ. Однако если данная страна участвует в международных цепочках добавленной стоимости в качестве импортёра промежуточных товаров, её экспорт включает не только домашнюю, но и иностранную добавленную стоимость, в том числе потенциально и ту, что произведена в стране-геополитическом противнике импортёра. Из этого следует, что анализ фрагментации мировой экономики вследствие появления стран-посредников должен основываться не только на классической торговой статистике, но и на анализе структуры добавленной стоимости в их экспорте, так как изменения в прямых торговых отношениях между противоборствующими странами ещё не означают аналогичных по направленности изменений в косвенных.

Применительно к оценке фрагментации мировой экономики вследствие френдшоринга на примере вьетнамского экспорта в США, признаком усиления процессов пространственной экономической фрагментации за период 2017–2023 гг. будем считать

[3] Данные блоки определяются как совокупность стран, попадающих в верхний квартиль по геополитической близости к США или КНР, определённой на основании предпочтений в голосовании Генеральной Ассамблеи ООН [Gopinath et al. 2024].

[4] ADB Multiregional Input-Output Tables at current prices. *Key Indicators Database*. URL: https://kidb.adb.org/globalization (accessed: Jan 20, 2025)

[5] 80 % of trade takes place in ‘value chains’ linked to transnational corporations, UNCTAD report says. *UNCTAD*, Feb 27, 2013. URL: https://unctad.org/press-material/80-trade-takes-place-value-chains-linked-transnational-corporations-unctad-report (accessed: Jan 20, 2025).

более высокие темпы роста экспорта продукции Вьетнама в США, чем темпы роста китайской добавленной стоимости, включённой во вьетнамский экспорт в США. Иначе говоря, бóльшие темпы роста экспорта из Вьетнама в США, чем темпы роста китайской добавленной стоимости в экспортированных вьетнамских продуктах и услугах, будут свидетельствовать об относительном уменьшении в них содержания китайской добавленной стоимости и, следовательно, однозначно падающей (относительно исходного состояния) зависимости США от КНР вследствие усиления производственной и торговой кооперации американских фирм с Вьетнамом. Обратное будет означать, что рост экспорта из Вьетнама в США вызывает бóльший рост импорта китайской добавленной стоимости во Вьетнам, а значит, прямое снижение зависимости США от КНР с помощью френдшоринга влечёт увеличение зависимости дружественных или политически близких стран от КНР как поставщика промежуточных товаров.

Информационной базой исследования являются новые многорегиональные таблицы «затраты-выпуск» ADB MRIO за период 2015–2023 гг.[6], являющиеся основой для вычисления потоков добавленной стоимости между национальными экономиками и их секторами с 2017-го по 2023 г. в текущих ценах. Многорегиональные таблицы «затраты-выпуск» были обработаны с помощью модуля exvatools [Feas 2024] в среде программирования R. Информация о странах и секторах происхождения добавленной стоимости[7], экспортёрах и импортёрах представлены в таблице 1.

Таблица 1. Основные характеристики вычисленных потоков добавленной стоимости.
Table 1. Main characteristics of the calculated value-added flows.

Показатель	Происхождение добавленной стоимости в экспорте
Страна происхождения добавленной стоимости	Вьетнам, Республика Корея, КНР, США, Япония, остальные
Сектор происхождения добавленной стоимости	Все
Страна-экспортёр	Вьетнам
Страна-импортёр	США
Отрасль-экспортёр (в скобках указаны отрасли по ISIC Rev.3.1 1 digit)	Все, Производство текстильной продукции (17, 18), Производство кожи и обуви (19), Производство резины и пластика (25), Производство металлов и металлической продукции (27, 28), Производство компьютеров, электроники, оптического и электрического оборудования (30, 31, 32, 33)

Источник / Source: Compiled from ADB Multiregional Input-Output Tables at current prices. URL: https://kidb.adb.org/globalization (accessed: Jan 20, 2025).

[6] ADB Multiregional Input-Output Tables at current prices. *Key Indicators Database*. URL: https://kidb.adb.org/globalization (accessed: Jan 20, 2025).

[7] Более правильно, в соответствии с методикой Борина и Манчини, говорить в данном случае о содержании домашней и иностранной добавленной стоимости, которая отличается от добавленной стоимости на величину домашнего и иностранного двойного учёта соответственно. Однако, поскольку другие источники данных о торговле добавленной стоимостью (в частности, TiVA OECD) считают добавленной стоимостью её собственное содержание, мы для удобства интерпретации также будем использовать этот подход — с учётом методологических различий, отмеченных Бориным и Манчини [Borin, Mancini 2023]. Также необходимо отметить, что в данной работе мы не приводим математических формулировок, при этом они доступны и описаны в статье, посвящённой используемому модулю exvatools [Feas 2024].

Необходимо заметить, что предложенный метод имеет ряд допущений и ограничений, поскольку в данном случае весь прирост экспорта продукции Вьетнама в США атрибутируется к процессу френдшоринга. Данный подход, строго говоря, неточен (так как помимо френдшоринга могут существовать другие причины роста экспорта из Вьетнама в США). Помимо названных ограничений, при интерпретации и дальнейшем использовании результатов следует учитывать допущения, принятые при создании многорегиональных таблиц.

Результаты

Несмотря на нелинейность изменения структуры происхождения добавленной стоимости в экспорте Вьетнама, можно утверждать, что его резкий рост в США за период 2017–2023 гг. (почти в 2 раза) сопровождался большими темпами роста китайской добавленной стоимости (в 2,7 раза), включённой во вьетнамскую экспортную продукцию. Результатом различных темпов роста экспорта Вьетнама в США и включённой в него китайской добавленной стоимости стало относительное увеличение её содержания (рис. 1). Таким образом, в целом, за период 2017–2023 гг. переориентация США на торговлю и производственную кооперацию с Вьетнамом сопровождалась усилением косвенной зависимости от Китая, который усилил свои позиции в качестве поставщика промежуточных товаров для производства экспортной продукции во Вьетнаме. Доля китайской добавленной стоимости в экспорте Вьетнама в США возросла с 14,3 % в 2017 г. до 18,8 % в 2023 г., что стало наибольшим увеличением среди всех источников добавленной стоимости (рис. 2).

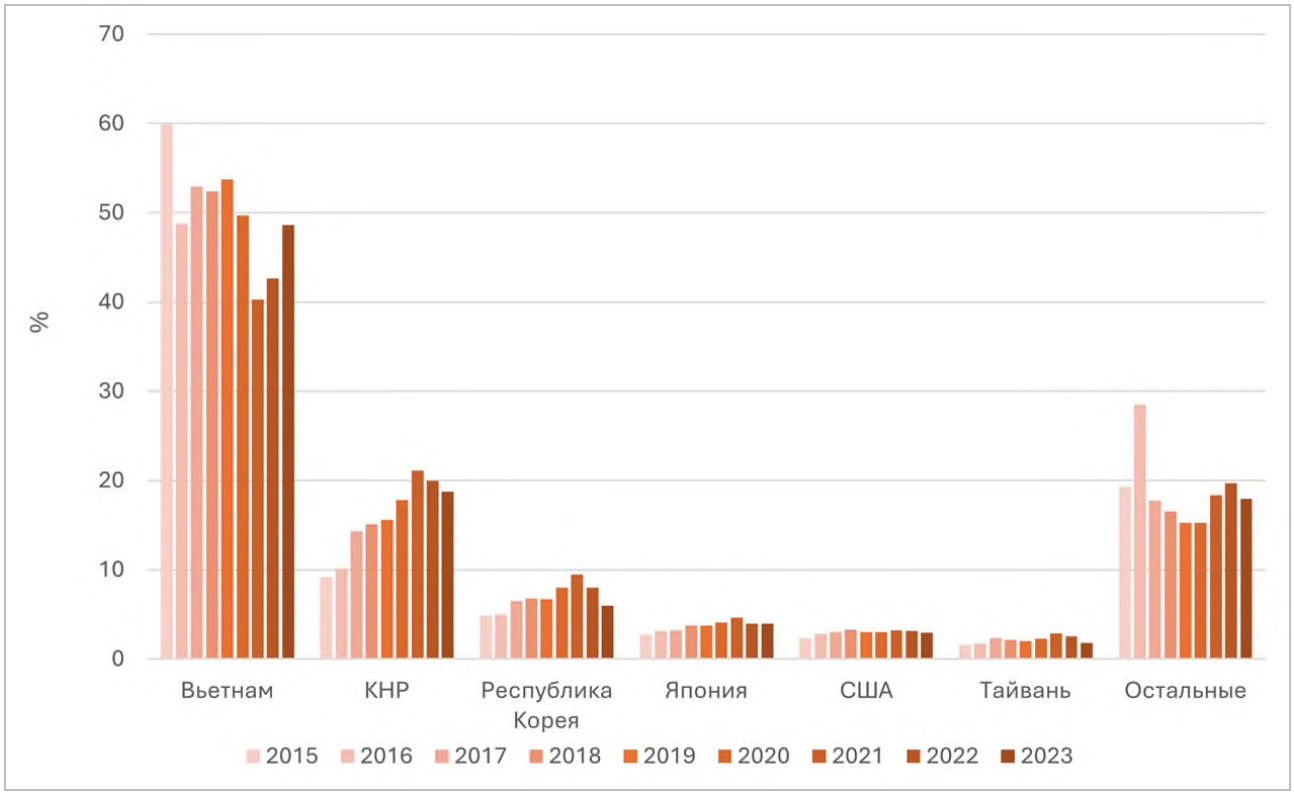


Рис. 1. Структура добавленной стоимости по происхождению в экспорте Вьетнама в США, 2015–2023 гг.
Fig. 1. Value-added structure by origin in Vietnam's exports to the US, 2015–2023.

Источник / Source: Calculated from ADB Multiregional Input-Output Tables at current prices. URL: https://kidb.adb.org/globalization (accessed: Jan 20, 2025).

Однако значения, взятые в отдельных краевых точках (2017 и 2023 гг.), не дают представления о динамике структуры добавленной стоимости во вьетнамском экспорте в США, которая показывает более сложную картину. Во-первых, на данный момент миновал пик содержания китайской добавленной стоимости в экспорте Вьетнама в США (21,1 % в 2021 г.), аналогично для Республики Корея, Японии и Тайваня (9,5 %, 4,6 % и 2,9 % в том же году соответственно). Во-вторых, после наибольшего падения доли домашней (для Вьетнама) добавленной стоимости в экспорте в США в 2021 г. (40,3 %), она вышла на относительно устойчивый рост, которого не наблюдалось за весь анализируемый период (2015–2023 гг.), и достигла 48,6 % в 2023 г. В-третьих, доля американской добавленной стоимости в экспорте Вьетнама в США не показала прироста, аналогичного таковому для китайской, корейской или же японской добавленной стоимости. Иначе говоря, США не стали главными бенефициарами от резкого увеличения экспорта Вьетнама вследствие возросшего спроса на его продукцию со стороны американского рынка. Основными источниками промежуточных продуктов и услуг для вьетнамских производителей и размещённых там иностранных предприятий остались КНР, Республика Корея и Япония, сумевшие в различной степени воспользоваться изменившимися условиями торговли.

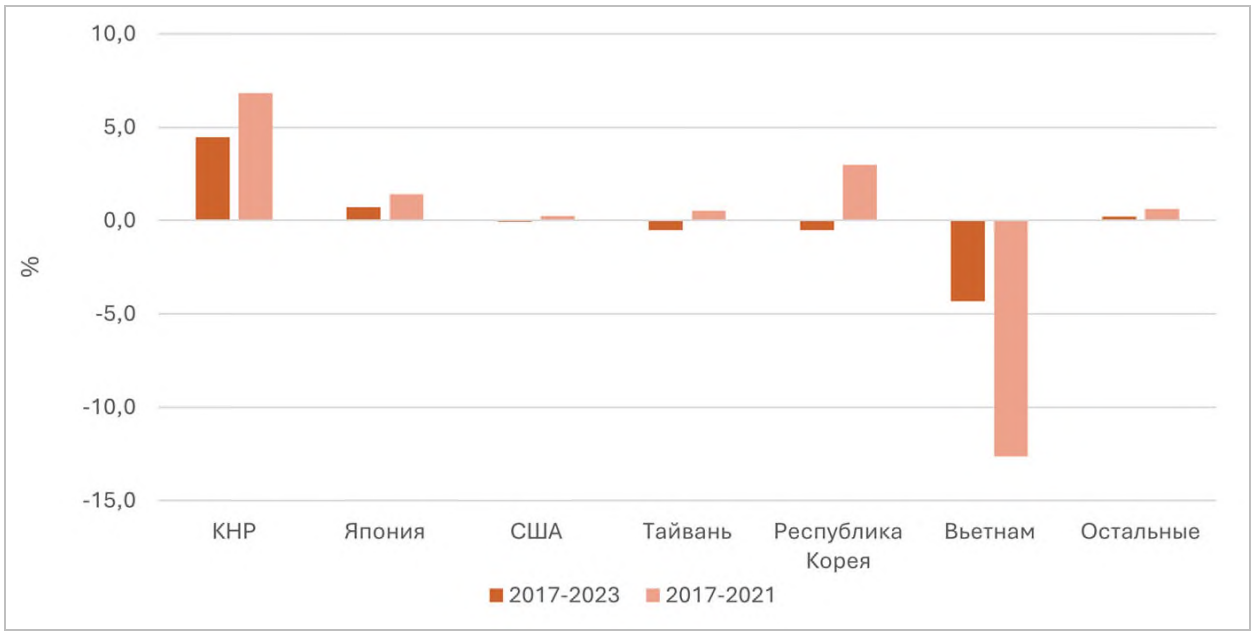


Рис. 2. Изменения в структуре добавленной стоимости по происхождению в экспорте Вьетнама в США[8], 2017–2023 гг.
Fig. 2. Changes in value added by origin in Vietnam's exports to the US, 2015–2023.

Источник / Source: Calculated from ADB Multiregional Input-Output Tables at current prices. URL: https://kidb.adb.org/globalization (accessed: Jan 20, 2025).

Более значительны и контрастны изменения в структуре добавленной стоимости в экспорте тех пяти отраслей, прирост экспорта продукции которых был наибольшим

[8] Здесь и далее среди стран указаны 5 крупнейших внешнеторговых партнёров Вьетнама в 2023 г.

в абсолютном выражении за 2017–2023 гг. (рис. 2)[9]. С одной стороны, вьетнамские производители сумели значительно нарастить свои компетенции в низкотехнологичных[10] отраслях (производство текстильной продукции, кожи и обуви), а также одной из среднетехнологичных (производство металлов и металлической продукции), что отразилось на увеличении доли вьетнамской добавленной стоимости в трёх названных секторах на 9, 1,5 и 11,4 п. п. соответственно. В то же время в высокотехнологичной отрасли производства компьютеров, электроники, электрического и оптического оборудования[11], а также среднетехнологичной отрасли производства резины и пластика доля вьетнамской добавленной стоимости уменьшилась на 6 и 4,4 п. п. соответственно.

Примечательно, что в единственной высокотехнологичной отрасли, входящей в первую пятёрку лидеров по приросту экспорта в США в 2023 г. относительно 2017 г. и крупнейшей в стоимостном выражении (45 % экспорта Вьетнама в 2023 г.), наибольшее увеличение доли в структуре добавленной стоимости продемонстрировала КНР – на 8,7 п. п., что почти вдвое больше, чем увеличение китайской доли в структуре добавленной стоимости всего экспорта Вьетнама. В то же время традиционные промышленно развитые страны-поставщики промежуточных товаров для электроники (Тайвань, Республика Корея и США, за исключением Японии) не только не сумели воспользоваться сложившейся геополитической обстановкой и санкционным давлением на КНР для увеличения своей доли, но и уменьшили её.

Рис. 3. Изменения в структуре добавленной стоимости по происхождению в экспорте крупнейших пяти отраслей вьетнамской экономики по приросту экспортных поставок в США, 2017–2023 гг.
Fig. 3. Changes in the value-added structure by origin in the exports of the largest five sectors of the Vietnamese economy by export growth to the US, 2017–2023.

[9] Среди данных пяти отраслей мы не рассматриваем сектор «Остальное машиностроение» (36–37).

[10] Здесь и далее уровень технологичности отрасли дан в соответствии с классификацией OECD [Galindo-Rueda, Verger 2016].

[11] Согласно делению OECD отраслей ISIC Rev.3.1 по степени технологичности, отрасли 30, 32 и 33 относятся к высокотехнологичным, а отрасль 31, представленная производством электрического оборудования, отнесена к среднетехнологичным.

Источник / Source: Calculated from ADB Multiregional Input-Output Tables at current prices. URL: https://kidb.adb.org/globalization (accessed: Jan 20, 2025).

Таким образом, очевидно, что увеличение импорта США из Вьетнама хотя и привело к уменьшению прямой зависимости от КНР (в результате уменьшения доли Китая в структуре импорта США), но сказалось на увеличении косвенной и более трудно контролируемой зависимости через Вьетнам. Более того, косвенная зависимость, выраженная в увеличении доли китайской добавленной стоимости в общем и отраслевом экспорте Вьетнама в США, в большей степени проявилась в высокотехнологичной отрасли, чем в средне- и низкотехнологичных отраслях.

О возможных причинах увеличения зависимости Вьетнама от КНР в качестве поставщика промежуточных товаров

Как было показано выше, уменьшение прямой зависимости США от КНР сопровождалось усилением аналогичной зависимости Вьетнама. Несмотря на множественность факторов, которые оказали влияние на структуру производственных сетей, замкнутых на Вьетнаме как экспортёре и на США как на потребителе, можно предпринять попытку их систематизации в трёх основных направлениях: пространственном, экономическом и социокультурном.

Несмотря на значительное развитие транспортных технологий, пространство как барьер на пути перемещения товаров и услуг остаётся экономически значимым: увеличение расстояния между странами[12] в два раза уменьшает интенсивность двусторонней торговли между ними в той же степени [Head, Mayer 2014]. Более того, функционально фрагментированное и географически рассредоточенное производство, ставшее возможным в результате снижения транспортных издержек, парадоксальным образом привело к их постепенному накоплению. Развитие транспортных технологий, сделавшее возможным широкое распространение организации производственного процесса в соответствии с концепцией “just in time”, нашло отражение в возросших требованиях к точности сроков поставок. В результате производственный процесс стал характеризоваться, с одной стороны, увеличившимся количеством транзакций, которые могут способствовать накоплению временных издержек, а с другой стороны, возросшими требованиями к срокам поставок комплектующих. Применительно к торговле товарами различной степени готовности такое сочетание условий привело к большим издержкам, связанным с перемещением промежуточных товаров, и меньшим, связанным с перемещением конечных товаров [Conconi et al. 2020; Miroudot et al. 2009]. Таким образом, пространственная концентрация стран-производителей комплектующих и стран-сборщиков является естественным результатом стремления компаний к увеличению экономической эффективности. Из этого следует, что успех КНР как поставщика промежуточных товаров для производителей экспортной продукции во Вьетнаме лежит во многом в плоскости действия пространственных факторов, так как, помимо близости, для названных стран характерна смежность, которая вносит дополнительный вклад в снижение транспортных издержек, во-первых, за счёт единственной пересекаемой границы, во-вторых, вследствие возможности

[12] В данном контексте «увеличение расстояния» не означает физического изменения расстояния между странами (т.к. географическое положение неизменно), а отражает сравнение торговых пар между разными странами с разной удалённостью. – *Прим. ред.*

использования сухопутных видов транспортировки, которые в ряде случаев могут быть более выгодными (с учётом временной составляющей), чем морские.

Экономические факторы увеличения содержания китайской добавленной стоимости в экспорте Вьетнама в США связаны, с одной стороны, с неспособностью вьетнамских производителей[13] справиться только за счёт собственных производственных мощностей с количественно и качественно возросшим спросом на свою продукцию, а с другой стороны, с наращиванием Китаем компетенций в производстве комплектующих, в том числе для высокотехнологичных отраслей. В целом, оба фактора взаимосвязаны, так как представляют собой элементы одной цепи перехода национального промышленного комплекса от сборочной площадки к всесторонне развитой системе поставщиков и конечных производителей. Данный переход описывается в рамках концепции «летящих гусей» Акамацу [Akamatsu 1962], адаптированной Куройвой и Умезаки для современных условий территориально разнесённого и функционально фрагментированного производства [Kuroiwa, Umezaki 2024]. На начальной стадии участия в ГЦДС страны, как правило, специализируются на производстве первичных товаров, что сохраняет ограниченность спроса на промежуточные товары со стороны местных производителей. Однако, по мере трансформации промышленности в сторону увеличения доли обрабатывающего сектора, государство, в силу недостатка собственных компетенций в производстве компонентов и деталей, начинает их импортировать из более развитых стран. В определённый момент времени спрос на промежуточные товары настолько велик, что их производство в пределах национальных границ может стать выгоднее, чем импорт (помимо роста спроса могут быть и иные причины развития сети местных поставщиков, например, грамотная промышленная политика). Усиление позиций местных производителей комплектующих за счёт внутреннего рынка приводит к началу их внешнеторговой экспансии, которая позволяет извлекать дополнительную экономию от масштаба [Kuroiwa, Umezaki 2024]. Таким образом, классическая модель Акамацу, справедливая для потребительских товаров периода её разработки (вторая половина XX века) и представляющая собой последовательность «импорт – производство – экспорт», в настоящее время реализуется в ряде стран Азии для промежуточных товаров по мере развития их промышленности. Так, КНР, начавшая реализацию своего «экономического чуда» в качестве экспортной платформы, в рамках которой производилась сборка комплектующих из Японии, Республики Корея и Тайваня для последующего экспорта в развитые страны [Kang, Lee 2007; Ma et al. 2009], уже в 2002 г. стала нетто-экспортёром промежуточных товаров[14]. Активная и постоянно подстраивающаяся под реалии ведения бизнеса промышленная политика, умелое сочетание развития внутренних компетенций и привлечения ПИИ для получения иностранных технологий, опыта организации и управления производством, а также развитие домашнего рынка позволили Китаю модернизировать свой промышленный комплекс, в том числе отрасли-поставщики [Gereffi et al. 2022]. Помимо этого, на конкурентоспособность китайских комплектующих, по-видимому, оказывают влияние эффекты масштаба, позволяющие национальным

[13] Как и во всей статье, в данном случае мы рассматриваем производителей не с точки зрения их принадлежности, а с позиций их территориального положения, так как, очевидно, многие товары во Вьетнаме производятся в рамках производственных сетей ТНК.

[14] China is the world's sole manufacturing superpower: A line sketch of the rise. *Centre for economic policy research*, Jan 17, 2024. URL: https://cepr.org/voxeu/columns/china-worlds-sole-manufacturing-superpower-line-sketch-rise (accessed: Jan 20, 2025).

предприятиям снижать издержки и тем самым выигрывать ценовую конкуренцию на мировом рынке [Murphee, Breznitz 2025]. Своеобразным признанием достижений китайского промышленного комплекса стала метафора Ричарда Болдуина, назвавшего КНР «ОПЕКом промышленных деталей», поскольку зависимость G7 от КНР как поставщика промежуточных товаров сравнима с зависимостью развитых стран от ОПЕК в энергетической сфере[10]. В то же время Вьетнам, позднее вставший на путь промышленной модернизации, хотя и нарастил компетенции в низкотехнологичных отраслях (в частности, в производстве текстильной продукции, кожи и обуви), пока не смог создать конкурентоспособную базу местных поставщиков для высокотехнологичных отраслей. Однако в целом по экспортным отраслям процесс замещения иностранных комплектующих домашними в стране уже начался (хотя, безусловно, требуется дальнейшее изучение данного вопроса, поскольку уменьшение иностранной, в том числе и китайской, добавленной стоимости в последние годы во вьетнамском экспорте может быть связано с иными причинами).

Таким образом, как было отмечено выше, увеличение содержания китайской добавленной стоимости во вьетнамском экспорте в США может быть объяснено различными стадиями развития промышленных комплексов двух стран – вторая стадия для Вьетнама (импорт комплектующих) и третья для КНР (экспорт комплектующих) в соответствии с адаптированной к условиям торговли в рамках ГЦДС концепцией «летящих гусей».

Социокультурная составляющая китайского участия во вьетнамском экспортном производственном процессе наиболее трудно идентифицируема, но, по-видимому, достаточно важна. Ошибкой было бы связывать её лишь с конъюнктурными изменениями последних 7 лет (с начала активной фазы торговой войны США и КНР). Китайская диаспора, широко представленная во всех странах Юго-Восточной Азии и носящая неофициальное название «бамбуковая сеть», формировалась на протяжении длительного периода [Ван 2023]. В основе её функционирования – китайская система отношений «гуаньси», обеспечивающая безопасный и эффективный способ передачи информации и капитала между входящими в неё элементами [Cioriia 2018]. Китайская диаспора во Вьетнаме имеет долгую историю. В частности, по некоторым оценкам, если в конце 1950-х гг. доля китайцев во всём населении Вьетнама составляла всего около одного процента, их доля в неевропейском частном капитале была значительно выше – 90 %. Помимо этого они контролировали розничную торговлю, обрабатывающую промышленность и транспорт. Вьетнамская война также способствовала аккумуляции капитала у представителей «бамбуковой сети», так как они стали поставщиками товаров и услуг для американской армии. Победа Северного Вьетнама и взятие Сайгона негативно сказались на материальном положении китайцев, которые были в основном мелкими торговцами и капиталистами. Их имущество конфисковывалось, а сами они подвергались арестам. Однако китайская диаспора показала значительную функциональную и пространственную устойчивость, в чём можно увидеть признаки самоподдерживающейся структуры. В связи с либерализацией и возвращением права собственности она вновь стала «доминирующим на рынке меньшинством», сконцентрированным в районе Хошимина (Сайгона), где контролирует многие предприятия, в том числе в лёгкой промышленности [Cioriia 2018]. На фоне сохранения прежней специализации представителей «бамбуковой сети» некоторые исследователи указывают на то, что в XXI веке среди китайской диаспоры увеличивается число лиц, занятых в низкооплачиваемых отраслях: многие из китайских мигрантов заняты на инфраструктурных

стройках, проводимых по вьетнамским заказам китайскими компаниями [Van Chihn 2022]. Однако в последнее время вновь наблюдается усиление роли китайцев в местной производственной сфере в результате новой волны эмиграции из КНР по причине несогласия части населения, в том числе предпринимателей, с политикой властей, а также в связи с поиском новых возможностей на фоне замедления роста китайской экономики и введения против неё санкций[15]. И хотя трудно оценить санкционное влияние на потоки добавленной стоимости, по мнению ряда источников, китайские предприниматели-эмигранты сохраняют тесные производственные связи с бизнес-партнёрами в Китае [Ren, Liu 2021], что может негативно сказываться на содержании местных компонентов в производимых ими товарах. Однако несмотря на всю важность социокультурного фактора, необходимо заметить, что в тех отраслях, где его влияние могло бы быть подавляющим (а именно, в текстильной промышленности), отмечался наибольший рост доли вьетнамской добавленной стоимости среди пяти изученных отраслей. Безусловно, нельзя отрицать возможность влияния китайского менеджмента в более технологичных отраслях на увеличение доли китайской добавленной стоимости в экспорте, однако, по-видимому, в них большую роль играют экономический и пространственный факторы.

В данной работе не был рассмотрен фактор увеличения доли китайской добавленной стоимости посредством интернационализации производства китайскими компаниями, что также могло оказать влияние и требует дополнительных исследований.

Заключение

Хотя вследствие недостаточной длительности существования феномена френдшоринга ещё рано говорить о его эффективности как метода уменьшения зависимости от страны-геополитического противника, очевидно, что в условиях доминирования глобальных и региональных производственных сетей сокращение прямых связей вовсе не означает аналогичного процесса для косвенных связей. На примере структуры добавленной стоимости по страновому происхождению в экспорте Вьетнама показано, что, хотя прямая зависимость США от КНР уменьшилась, косвенная (через предприятия, функционирующие во Вьетнаме) увеличилась. При этом наибольший рост доли китайской добавленной стоимости в пяти крупнейших по приросту экспорта отраслях наблюдался в высокотехнологичном производстве компьютеров, электроники, оптического и электрического оборудования. Несмотря на множественность причин, можно предположить, что успех КНР как поставщика промежуточных товаров во Вьетнам связан с наложением и взаимным усилением пространственных (наличие смежных границ), экономических (различие в степени развития промышленных комплексов Вьетнама и КНР) и социокультурных (феномен «бамбуковой сети» и новых китайских мигрантов) факторов. Соответственно, дальнейшее изменение доли китайской добавленной стоимости во вьетнамском экспорте в США будет зависеть от темпов развития вьетнамской базы поставщиков комплектующих, способности других стран (в том числе входящих в АСЕАН) конкурировать с Китаем на рынке промежуточных товаров и глубины вмешательства политики в торговые и производственные отношения, что,

[15] A Million Chinese Expats Are Transforming Far-Flung Places. *Bloomberg,* Jan 18, 2024. URL: https://www.bloomberg.com/news/features/2024-01-17/china-migration-wave-arrives-in-unexpected-places-after-pandemic (accessed: Jan 20, 2025).

по-видимому, будет определяющим в краткосрочной перспективе. Тем более, что у США уже есть опыт контроля производственных цепочек в электронике и давления на производителей чипов, использующих американское оборудование и ПО [Goldberg, Reed 2023].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ван Юнхао. Политико-экономическое положение китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 1. С. 148–155. DOI 10.22394/2073-2929-2023-01-148-155

REFERENCES

Wang Yonghao (2023). Politiko-ekonomicheskoye polozheniye kitayskoy diaspory v Yugo-Vostochnoy Azii [The political and economic situation of the Chinese diaspora in Southeast Asia]. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika* [*Eurasian integration: economics, law, politics*], 17 (1): 148–155. (In Russian). DOI 10.22394/2073-2929-2023-01-148-155

* * *

Aiyar S., Ohnsorge F. (2024). Geoeconomic Fragmentation and "Connector" Countries. MPRA Paper 121726, University Library of Munich, Germany.

Aiyar S., Ilyina A. (2023). Geoeconomic fragmentation: An overview. In: *Geoeconomic Fragmentation. The Economic Risks from a Fractured World Economy* (pp. 9–19). CEPR Press. URL: https://cepr.org/publications/books-and-reports/geoeconomic-fragmentation-economic-risks-fractured-world-economy (accessed: Jan 20, 2025).

Akamatsu K. (1962). A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries. *Journal of Developing Economies*, 1: 3–25. DOI 10.1111/j.1746-1049.1962.tb01020.x

Alfaro L., Chor D. (2023). Global Supply Chains: the looming “Great Reallocation”. *SSRN Electronic Journal*. DOI 10.2139/ssrn.4567667

Baldwin R., Freeman R., Theodorakopoulos A. (2023). Hidden exposure: Measuring US supply chain reliance. *SSRN Electronic Journal*. DOI 10.2139/ssrn.4616889

Borin A., Mancini M. (2023). Measuring what matters in value-added trade. *Economic Systems Research*, 35 (4): 586–613. DOI 10.1080/09535314.2022.2153221

Ciorîia Ș. (2018). The “Bamboo Network” of Southeast Asia and Its Socio-Philosophical Grounds. *Revista Universitară de Sociologie*, 14 (2): 41–65.

Conconi P., Magerman G., Plaku A. (2020). The gravity of intermediate goods. *Review of Industrial Organization*, 57 (2): 223–243. DOI 10.1007/s11151-020-09762-2

Feás E. (2023). exvatools: Value Added in Exports and Other Input-Output Table Analysis Tools. *The R Journal*, 15 (4): 216–235. DOI 10.32614/rj-2023-092

Galindo-Ruenda F., Verger F. (2016). OECD Taxonomy of Economic Activities Based on R&D Intensity. *OECD Science, Technology and Industry Working Papers*, 93. DOI 10.1787/5jlv73sqqp8r-en

Gereffi G., Bamber P., Fernandez-Stark K. (2022). China’s evolving role in global value chains: upgrading strategies in an era of disruptions and resilience. In: *China’s New Development Strategies: Upgrading from Above and from Below in Global Value Chains* (pp. 1–29). Singapore: Springer Nature Singapore. DOI 10.1007/978-981-19-3008-9_1

Goldberg P. K., Reed T. (2023). Is the Global Economy Deglobalizing? If So, Why? And What Is Next? *Brookings Papers on Economic Activity*, 2023 (1): 347–423. DOI 10.1353/eca.2023.a919362

Gong H., Hassink R., Foster C., Hess M., Garretsen H. (2022). Globalisation in reverse? Reconfiguring the geographies of value chains and production networks. *Cambridge Journal of Regions Economy and Society*, 15 (2): 165–181. DOI 10.1093/cjres/rsac012

Gopinath G., Gourinchas P.O., Presbitero A.F., Topalova P. (2024). Changing global linkages: a new Cold War? *IMF Working Paper*, 2024 (076). DOI 10.5089/9798400272745.001

Head K., Mayer T. (2014). Gravity equations: Workhorse, toolkit, and cookbook. In: *Handbook of international economics* (Vol. 4, pp. 131–195). Elsevier. DOI 10.1016/B978-0-444-54314-1.00003-3

Kalvelage L., Tups G. (2024). Friendshoring in global production networks: state-orchestrated coupling amid geopolitical uncertainty. *ZFW – Advances in Economic Geography*. DOI 10.1515/zfw-2024-0042

Kang M., Lee J.D. (2007). Evolutionary characteristics of China's intermediate manufactures. *China & World Economy*, 15 (6): 1–21. DOI 10.1111/j.1749-124X.2007.00089.x

Kuroiwa I., Umezaki S. (2024). Upgrading in GVCs. In: *Global Value Chains and Industrial Development* (pp. 47–70). Springer International Publishing. DOI 10.1007/978-981-97-0021-9

Ma A.C., Van Assche A., Hong C. (2009). Global production networks and China's processing trade. *Journal of Asian Economics*, 20 (6): 640–654. DOI 10.1016/j.asieco.2009.08.004

Miroudot S., Lanz R., Ragoussis A. (2009). Trade in Intermediate Goods and Services. *OECD Trade Policy Papers*, 93. DOI 10.1787/5kmlcxtdlk8r-en

Murphree M., Breznitz D. (2025). China, global value chains, and the middle-income trap. *Business and Politics*, 1–19. DOI doi.org/10.1017/bap.2024.37

Nedumpara J.J. (2024). Friendshoring, Nearshoring, Greenshoring and Resshoring: Changing Faces of Global Supply Chains and its Impact on International Economic Law-Introduction to the Special Issue. *Global Trade and Customs Journal*, 19 (3): 125–128. DOI 10.54648/gtcj2024035

Ren N., Liu H. (2021). Southeast Asian Chinese engage a rising China: business associations, institutionalised transnationalism, and the networked state. *Journal of Ethnic and Migration* Studies, 48 (4): 873–893. DOI 10.1080/1369183x.2021.1983952

Van Chinh N. (2022). Vietnam–China economic ties and new Chinese migrants in Vietnam. In: *RISING CHINA and New Chinese Migrants in Southeast Asia* (pp. 211–241). Singapore: ISEAS Publishing. DOI 10.1355/9789815011593-014

Wolfe R. (2023). Is using trade policy for foreign policy a ‘SNO job’? On Linkage, Friend-Shoring, and the challenges for Multilateralism. *World Trade Review*, 22 (3–4): 474–483. DOI 10.1017/s1474745623000071

Поступила в редакцию:	10.04.2024	Received:	Apr 10, 2025
Принята к публикации:	16.04.2025	Accepted:	Apr 16, 2025

DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-46-59

Внешнеэкономические связи Китая с Глобальным Югом: неоколониализм или «всем по справедливости»?

Хохлова Полина Андреевна[1]

[1] Дипломатическая академия МИД России

Аннотация. Целью данной работы является исследование внешнеэкономических связей КНР со странами Глобального Юга, а также выявление предпосылок, логики и идеологических оснований такого взаимодействия. В качестве базы для анализа выступают конкретные проекты, реализуемые в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Изучены примеры реализации китайских проектов в Африке, Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, включая как успешные примеры сотрудничества, так и случаи, вызвавшие споры. В статье рассматриваются руководящие принципы выстраивания отношений КНР с развивающимися странами, в том числе борьба с гегемонизмом, правильное понимание «выгоды и справедливости», а также историческая преемственность дипломатических подходов КНР. Проанализированы критические оценки китайской кредитной политики коллективным Западом, обвинения в неоколониализме и создании «долговых ловушек». В то же время представлена точка зрения стран Глобального Юга, чьи лидеры нередко воспринимают КНР как стратегического и взаимовыгодного партнёра. В статье рассмотрена китайская политика реструктуризации долгов в отношении стран-партнёров. Особое внимание в работе уделено анализу стратегического значения сопредельной дипломатии для дальнейшего возвышения КНР и достижения её внутренних целей развития, а также для формирования справедливого международного порядка. Сделан вывод о том, что Китай стремится к построению устойчивых, равноправных и прагматичных связей с развивающимися странами, предлагает иную, отличную от западной, модель глобального взаимодействия.

Ключевые слова: Китай, Глобальный Юг, коллективный Запад, Си Цзиньпин, инициатива «Один пояс, один путь», неоколониализм, «долговая политика».

***Автор*:** *Хохлова Полина Андреевна*, аспирант кафедры международных отношений, Дипломатическая академия МИД России (адрес: 119021, Москва, Остоженка, 53/2, стр. 1). ORCID: 0009-0000-0546-0856. E-mail: polya-kh-kh@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Хохлова П.А. Внешнеэкономические связи Китая с Глобальным Югом: неоколониализм или «всем по справедливости»? // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 2. С. 46–59. DOI 10.24412/2686-7702-2025-2- 46-59

China’s foreign economic ties with the Global South: neocolonialism or “fairness to all”?

Khokhlova Polina A.[1]

[1] Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Abstract. The purpose of the paper is to examine China's foreign economic relations with the countries of the Global South and to identify the prerequisites, logic, and ideological foundations for this interaction. The analysis is based on specific projects implemented within the framework of the Belt and Road Initiative. The author examines Chinese projects in Africa, Latin America and Southeast Asia, including both successful cooperation cases and controversial ones. The article also discusses China's guiding principles for building relations with developing countries, such as combatting hegemony, perceiving “benefits and justice” correctly and maintaining the historical continuity of China's diplomatic approaches. The paper analyses critical assessments of Chinese credit policy by the collective West, accusations of neocolonialism and debt-trap policy. At the same time, the research presents the point of view of the Global South countries, whose leaders often see China as a strategic and mutually beneficial partner. The paper considers China’s debt restructuring policy towards partner countries. The author pays special attention to the analysis of diplomatic relations with neighboring countries for China's future rise and domestic development goals, as well as the establishment of a fair international order. The article concludes that China seeks to build sustainable, equitable and pragmatic ties with developing countries and offers a different model for global interaction from the Western one.

***Keywords*:** China, Global South, collective West, Xi Jinping, Belt and Road Initiative, neocolonialism, debt policy.

***Author*:** *Khokhlova Polina A.*, Postgraduate student, International Relations Faculty, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (address: 53/2, Ostozhenka, bldg. 1, Moscow, 119021, Russian Federation). ORCID: 0009-0000-0546-0856. E-mail: polya-kh-kh@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

***For citation*:** Khokhlova P.A. (2025). Vneshneekonomicheskiye svyazi Kitaya s Global'nym Yugom: neokolonializm ili «vsem po spravedlivostI»? [China’s foreign economic ties with the Global South: neocolonialism or “fairness to all”?]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 7 (2): 46–59. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-46-59

Введение

Китай становится всё более влиятельным игроком на мировой арене, и некоторые страны рассматривают его действия как угрозу своему влиянию и интересам. Обвинения в создании Поднебесной «долговых ловушек» часто являются предметом споров и дискуссий. Есть основания полагать, что критика в адрес КНР не оправдана и что китайские власти и крупные компании просто ведут международную торговлю и инвестиционную деятельность. В подавляющем большинстве случаев критиками действий КНР выступают западные страны: обвинения в неоколониализме становятся их инструментом в рамках геополитической конкуренции. Если верить утверждениям западных экспертов, то народы Африки, Латинской Америки, а также Восточной Европы, сотрудничающие с Китаем, приобретают в его лице отнюдь не партнёра, а нового опасного колонизатора, идеи которого гораздо корыстнее, чем те, которые преследовал классический западный колониализм и современный неоколониализм.

Кто обвиняет Китай в долговой политике и почему?

Как считают западные аналитики, существует экономический вызов, с которым может столкнуться большая часть развивающихся государств, сотрудничающих с Китаем, в том числе и Россия[1]. Он связан с амбициями КНР, стремительным развитием и теоретической возможностью доминирования этой страны в мировой торговле в ближайшем будущем. Этот тезис аргументируется активным географическим расширением инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), увеличивающимся количеством китайских проектов за рубежом и всё бóльшим укреплением юаня в качестве валюты, используемой для международных платежей. Предложения китайских властей о развитии взаимовыгодного сотрудничества с «общим выигрышем» в рамках данной риторики интерпретируются как навязывание долговой политики [Дейч 2018].

В мае 2019 г. Майк Помпео обвинил Китай в использовании долговой политики, коррупционных практик и непрозрачных методов, а также в попытке повлиять на третьи страны путём формирования больших задолженностей. Согласно мнению бывшего госсекретаря США, долговая политика – это одна из вариаций неоколониализма, которая не может быть приемлемой в наши дни [Himmer, Rod 2022]. Экс-министр финансов США Джанет Йеллен также была среди тех, кто яро обвинял Китай в попытке увеличить собственный политический вес за счёт кредитования развивающихся стран. Она выражала глубокую озабоченность действиями Китая на международном уровне и указывала на то, что КНР вовлекает государства в партнёрство, которое приводит к невыносимому долговому бремени и никак не содействует их экономическому развитию. Помимо этого Джанет Йеллен подчёркивала, что США прилагают все возможные усилия, чтобы сдерживать влияние Китая в международных организациях и в области кредитования стран[2].

В отличие от распространённого мнения страны-реципиенты отнюдь не недовольны возможностью взаимодействовать таким образом и выстраивать отношения с Поднебесной. Президент Шри-Ланки в 2022–2024 гг. Ранил Викрамасингхе подчёркивал, что опасения относительно потенциального негативного воздействия Китая на Шри-Ланку, которая испытывает серьёзные финансовые затруднения, не имеют под собой оснований[3]. Действующий президент Шри-Ланки А.К. Диссанаяке, в свою очередь, акцентирует внимание на том, что государства Глобального Юга испытывают потребность в развитии, которое невозможно обеспечить без привлечения внешних инвестиций и займов. Он опроверг заявления западных средств массовой информации о том, что Китай стремится создать «долговую ловушку» для Шри-Ланки и осуществляет милитаризацию её портов. Президент Республики Конго Дени Сассу-Нгессо в интервью для Медиакорпорации Китая назвал обвинения КНР в неоколониализме неуместными, особенно со стороны стран, история которых непосредственно связана с колониализмом, работорговлей и поддержкой апартеида в Африке[4].

---

[1] Bradsher K. After doling out huge loans, China is now bailing out countries. *The New York Times*, Mar 27, 2023. URL: https://www.nytimes.com/2023/03/27/business/china-loans-bailouts-debt.html (accessed: Jan 15, 2025).

[2] Baptista E., Singh K. China calls US debt trap accusation 'irresponsible'. *Reuters*, Mar 30, 2023. URL: https://www.reuters.com/world/china-calls-us-debt-trap-accusation-irresponsible-2023-03-30/ (accessed: Jan 18, 2025).

[3] Khushboo R. On sidelines of UN General Assembly, Sri Lankan president calls Aukus 'a mistake' and rejects fears over China. *Reuters*, Sep 19, 2023. URL: https://www.scmp.com/news/china/article/3235004/sidelines-un-general-assembly-sri-lankan-president-calls-aukus-mistake-and-rejects-fears-over-china (accessed: Jan 18, 2025).

[4] Президент Конго назвал обвинения Китая в неоколониализме неуместными. *CGTN на русском*, 16.03.2024. URL: https://russian.cgtn.com/news/2024-03-16/1768935204256378881/index.html (дата обращения: 19.01.2025).

Концептуальные основы экономических отношений Китая с другими странами

КНР путём дипломатических усилий активно выстраивает целую сеть партнёрств, в первую очередь со странами Глобального Юга. Поднебесная не стремится к единоличному мировому лидерству. Китай видит себя лидером Глобального Юга и в этом качестве – одним из мощных центров влияния в мире, что отчасти обусловлено его историческим прошлым. Коммунистический Китай всегда боролся с гегемонизмом, в наши дни КНР продолжает выступать против позиционирования своей страны как сверхдержавы. Тезис о борьбе с гегемонизмом был введён во внешнеполитическую риторику КНР ещё при Мао Цзэдуне: его политическая теория гласила, что империализм, колониализм, великодержавие и шовинизм – это всё виды гегемонизма. Данная установка подкреплялась теорией трёх миров Мао Цзэдуна, согласно которой Китай наравне с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки принадлежал к третьему миру. То есть КНР не могла быть сверхдержавой и не должна была стремиться к этому. Согласно идеологическим установкам первого поколения руководителей, Китай позиционировал себя как борющуюся за справедливость и независимость развивающихся государств страну, которая должна была объединяться с государствами третьего мира в своём стремлении противостоять гегемонизму [Сафронова 2024: 18–30].

Эксперты и политические обозреватели не прекращают спорить о том, насколько строго то или иное поколение руководителей КНР соблюдало принцип преемственности и уважало идеи своих предшественников. Однако с уверенностью можно утверждать, что в той или иной степени каждое поколение перенимало ряд установок предшественников – такова китайская специфика внешней политики. Идея борьбы с гегемонизмом – как раз одна из тех установок, от которой не отказался ни один из лидеров коммунистического Китая, поэтому она транслируется китайскими властями и сегодня. Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин в докладе на XX съезде партии заявил: «Мы выступаем против любого вида гегемонизма и политики силы, а также решительно выступаем против любых проявлений односторонности, протекционизма и запугивания»[5].

В настоящее время Китай переживает этап своего возвышения, который характеризуется усилением его экономического, политического и военного влияния на мировой арене. С приходом на пост генсека ЦК КПК Си Цзиньпина в 2012 г. активизировался поиск новой модели взаимоотношений Китая с внешним миром, направленной на укрепление внешних позиций и продвижение его интересов [Денисов 2017]. Руководитель Компартии сформулировал инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП), целью которой стало создание сети торговых и инфраструктурных проектов, связывающих Китай с другими странами Азии, Европы и Африки. Этот проект стал одним из ключевых инструментов китайской внешней политики и способствовал укреплению экономических связей с остальным миром. Как справедливо отметил председатель КНР Си Цзиньпин на Боаоском азиатском форуме, инициатива «Пояса и Пути» – это не план Маршалла и не

[5] 中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Доклад 20-му Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая]. *中国政府网* [*Сайт правительства КНР*], 25.10.2022. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zgxw/202210/t20221026_10792071.htm (дата обращения: 19.01.2025). (На кит.).

интрига Китая, это «открытый план», который нацелен на принесение выгоды большому числу стран и народов[6].

Пекин рассматривает международные связи как важный инструмент для обеспечения устойчивого роста и укрепления позиций КНР в глобальной экономике. И даже если ОПОП претерпит трансформацию в будущем, Китай вряд ли откажется от амбиций по увеличению своего экономического потенциала на международной арене и стремления сформировать глобальную сеть прочных связей, в первую очередь с развивающимися странами [Аналитические записки ИКСА РАН 2024].

При Си Цзиньпине китайское руководство уделяет повышенное внимание развитию отношений с соседними странами, рассматривая «сопредельную дипломатию» как важный фактор для своего дальнейшего возвышения и достижения внутренних целей развития. В частности, руководитель Компартии КНР подчёркивал, что стратегической целью данного направления работы является обеспечение благоприятных внешних условий для реализации «Великого возрождения китайской нации» к 2049 г.[7].

Анализ дискурса китайского руководства позволяет отследить трансформацию нормативных идей внешней политики КНР: наблюдается использование традиционных культурных категорий и образов с целью укрепления национальной идентичности и китайской специфики во внешней политике.

На XVIII съезде Компартии Си Цзиньпин ввёл в оборот новую установку правильного понимания справедливости и выгоды, смысл которой заключается в необходимости учитывать как аспект выгоды, так и вопрос справедливости, однако приоритет, согласно концепции, предложенной китайским лидером, должен всегда отдаваться справедливости. Министр иностранных дел КНР Ван И отметил, что данная концепция представляет собой наследие традиционной китайской дипломатии, она адаптирована к реалиям современного Китая и служит определяющим ориентиром для его внешнеполитической деятельности.

Диалектика выгоды и справедливости, уходящая корнями в конфуцианство, служит ответом на критику западных аналитиков, обвиняющих Китай в эгоистичном извлечении выгоды из инвестиций в развивающиеся страны. Этот подход является частью стратегии Китая по формированию имиджа ответственной державы, приверженной устойчивым ценностям, где нет места «игре с нулевой суммой» и выбор делается в пользу взаимовыгодного сотрудничества.

Известный китайский учёный, специалист в области международных отношений, Янь Сюэтун, рассуждая об изменении баланса сил в мире, утверждает, что Китай должен быть гуманной лидирующей державой, которая бы следовала принципам морали, справедливости и вежливости как во внутренней, так и во внешней политике. По мнению эксперта, для его страны наиболее предпочтительным будет избегание конфронтации. Он отмечает, что в условиях подъёма КНР и неизбежного соперничества с США Китаю необходимо делать упор на развитие отношений со своими соседями [Yan Xuetong 2016].

---

[6] Си Цзиньпин: инициатива "Пояса и пути" – это не интрига Китая. *Russian.News.Cn,* 11.04.2018. URL: http://russian.news.cn/2018-04/11/ (дата обращения: 19.01.2025).

[7] 习近平在周边外交工作座谈会上发表重要讲话强调 ：为我国发展争取良好周边环境 [Си Цзиньпин выступил с речью на рабочем совещании по вопросам периферийной дипломатии, подчеркнув: необходимо стремиться к созданию благоприятной окружающей среды для развития Китая]. *人民日报* [*Жэньминь Жибао*], 26.10.2013. URL: http://cpc.people.com.cn/n/2013/1026/c64094-23333683.html (дата обращения: 22.01.2025). (На кит.).

В докладе, с которым генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин выступил на XIX съезде партии, отмечалось, что Китай выстраивает взаимодействие с соседними государствами, руководствуясь принципами «доброжелательности, искренности, взаимной выгоды и инклюзивности», а также придерживается внешнеполитической стратегии, направленной на установление дружественных и партнёрских связей с приграничными странами [8]. В целом, концепция правильного понимания выгоды и справедливости упоминалась в ключевых китайских документах и директивах более 40 раз [Ключевые слова Си Цзиньпина 2021: 330–332].

Помимо прочего, китайские власти рассматривают соседние страны как стратегически важный элемент, способный оказывать существенное влияние на отношения Китая с ведущими мировыми державами. Выстраивание добрососедских, надёжных и прочных связей с сопредельными государствами позволяет заручиться их поддержкой на международной арене.

На фоне эскалации торговой войны с США и нарастания экономической напряжённости Китай активно стремится к установлению более тесных связей с Глобальным Югом. Эту стратегию министр иностранных дел Ван И охарактеризовал как «поиск силы через единство». В ходе своего выступления на сессии ВСНП в 2025 г. он упомянул «Глобальный Юг» 22 раза и назвал Китай лидером развивающихся экономик за пределами Запада. Ван И также охарактеризовал эту группу стран как «ключевую силу для поддержания мира во всём мире, стимулирования мирового развития и совершенствования механизмов глобального управления». Для сравнения: в 2024 г. он в два раза реже упоминал об этой повестке дня. Соответствующая риторика подчёркивает растущее значение Глобального Юга для Пекина в условиях возрастающего напряжения на мировой арене[9].

В рамках взаимодействия с сопредельными странами акцент делается на использовании традиционных китайских этических норм, подчёркивающих преемственность внешнеполитических ориентиров и их связь с многовековой традицией добрососедства [Ломанов 2017]. Важным механизмом в этой связи является создание концепции «сообщества единой судьбы человечества», которая была разработана в целях совместного поиска ответов на глобальные вызовы, такие как изменение климата, экономическое неравенство и геополитическая напряжённость. Концепция отражает стремление Китая позиционировать себя как ответственную державу, предлагающую альтернативу традиционным западным моделям международных отношений.

В качестве одного из обязательных требований в процессе строительства ОПОП Си Цзиньпин выделяет активизацию взаимодействия приграничных территорий с сопредельными государствами, а также содействие формированию в Азиатско-Тихоокеанском регионе открытой экономической структуры, основанной на инновационном развитии, взаимовыгодном росте и гармонизации интересов. Это, по мнению китайского лидера, позволит укрепить экономические связи Китая с развивающимися странами региона, расширить и углубить многостороннее региональное сотрудничество, а также повысить

[8] 中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Доклад 19-му Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая]. *中国政府网* [*Сайт правительства КНР*], 27.10.2017. URL: https://www.gov.cn/zhuanti/19thcpc/baogao.htm (дата обращения: 22.01.2025). (На кит.).

[9] Shi Jiangtao. China's 'heart will always be with the Global South' in a changing world: Wang Yi. *SCMP*, Mar. 7, 2025. URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3301568/chinas-heart-will-always-be-global-south-changing-world-wang-yi?module=topic_widget&pgtype=article (accessed: Mar 3, 2025).

уровень интеграции и устойчивости экономического развития азиатского континента [Идеи Си Цзиньпина о дипломатии 2023: 184].

Подобная стратегия позволяет китайскому правительству оттачивать мастерство глобального управления, выдвигая адресные предложения по разрешению насущных проблем, таких как строительство инфраструктуры, внедрение цифровых технологий, возобновляемых источников энергии, обеспечение стабильности сельского хозяйства.

Помимо прочего, сегодня происходит идеологическая консолидация стран Глобального Юга, что прослеживается в политических документах и заявлениях стран-членов БРИКС, в то время как ещё в конце XX в. афро-азиатский регион, который именовали «третьим миром», представлял собой разобщённое множество отдельных фрагментов. Стремление стран Глобального Юга к установлению более справедливого мирового порядка сегодня обретает новый импульс в критический момент, когда мировая торговля сталкивается с новыми факторами неопределённости, а именно с введением США и ЕС односторонних санкций и пошлин. Власти КНР, наоборот, заявляют о решении снизить пошлины для более чем 40 стран[10]. Такой контраст в воззрениях на методы выстраивания торговых отношений не остаётся незамеченным. Президент Руанды Пол Кагаме сообщил, что после недавнего снижения тарифов в декабре 2024 г. объём торговли его страны с Китаем резко вырос с 30 млн долл. США до более чем 150 млн долл. США[11].

Китай, угнетённый опиумными войнами, японо-цинской войной, на рубеже XIX–XX вв. имевший статус полуколонии, в наши дни становится ведущей экономической державой. Но и просто по духу Китай ближе к странам Юга. И Китай, и Африка были жертвами западной колонизации и поэтому могут легко понять тяжёлое положение друг друга. КНР стремится быть активным партнёром в борьбе с глобальными вызовами из-за своих широких взглядов на общее планетарное процветание. В политической системе Китая нет условий для неоколониализма. Западные страны часто уделяют приоритетное внимание продвижению своих ценностей и систем, в то время как помощь Китая преимущественно адаптирована к потребностям стран-получателей. Важно и то, что Запад на протяжении истории достаточно часто воспринимался странами Африки и Латинской Америки как «чужой» мир, вызывающий недоверие. В то же время Китай, благодаря своему историческому пути, ценностям и неизменной приверженности антиимпериалистическим идеалам, продолжает оставаться для них близким по идеологическим взглядам партнёром[12].

Конкретные проекты и пути их реализации

Очевидно, что деятельность китайских корпораций в Африке и Латинской Америке носит коммерческий характер. Их стратегия направлена на увеличение ресурсного потенциала страны и упрочение позиций Китая в регионах глобального Юга, таких как Африка и Латинская Америка. Ещё в 2010 г. объём торгового оборота между Китаем и африканскими

[10] Jennings R. China sharpens edge in global trade with zero-tariff deal for developing world. *SCMP*, Oct 30, 2024. URL: https://www.scmp.com/economy/global-economy/article/3284329/china-sharpens-edge-global-trade-zero-tariff-deal-developing-world?module=inline&pgtype=article (accessed: Feb 10, 2025).

[11] President Kagame, Mbumba defend China-Africa relations at Doha Forum. *Center for China and Globalization*, Dec 8, 2024. URL: http://en.ccg.org.cn/archives/85098 (accessed: Feb 10, 2025).

[12] Лузянин С.Г. Китай – колонизатор или партнёр? *Сайт МГИМО Университет,* 28.03.2011. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/184451/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 10.02.2025).

государствами превысил $130 млрд, а со странами Латинской Америки – $128 млрд. Для сравнения: по итогам 2023 г. товарооборот КНР с африканскими странами достиг 282 млрд[13], тогда как с латиноамериканскими – 489 млрд долл. США [14]. Помимо нефти и газа, список ключевых сырьевых ресурсов, интересующих Китай в Африке, включает медь, золото, алмазы, хром, марганец, уран, бокситы, редкоземельные металлы и другие стратегически важные материалы.

Следует признать, что ряд дорогостоящих проектов в рамках инициативы ОПОП не оправдал положительных экономических прогнозов, в том числе из-за нерентабельности, коррупционных проблем стран-должников и неэффективного менеджмента на местах. Это поднимает важные вопросы: действительно ли сотрудничество Китая с Африкой, Центральной Азией, Юго-Восточной Азией, Восточной Европой является неоколониализмом? Чем отношения Китая и стран вышеупомянутых регионов отличаются от отношений с ними Запада?

Среди не самых успешных китайских проектов можно выделить незавершённую транспортную магистраль в Черногории от порта Бар до южного пограничного перехода Сербии, а также убыточный ланкийский порт Хамбантота, который в 2017 г. был передан в долгосрочную аренду Китаю на 99 лет[15].

По мнению западных экспертов, жертвой китайской глобальной политики также стал небольшой Лаос, подписавший 25-летнее концессионное соглашение с китайской стороной, позволяющее государственной электросетевой компании КНР «China Southern Power Grid» с преобладающим участием контролировать лаосскую национальную энергосистему, включая экспорт электроэнергии в соседние страны[16]. Сотрудничество между Лаосом и Китаем также проявляется в реализации инфраструктурного проекта железнодорожного сообщения, соединяющего провинцию Юньнань (КНР) со столицей Лаоса, Вьентьяном. Данный проект, характеризующийся протяжённостью магистрали (414 км) и высокой капиталоёмкостью (около 6 млрд долл. США), представляет собой значительную финансовую нагрузку, сопоставимую с третью объёма экономики Лаоса. В связи с ограниченным количеством финансовых ресурсов инвестирование проекта осуществляется преимущественно за счёт внешних заимствований, в частности, кредитной линии Экспортно-импортного банка Китая, обеспечивающего около 60 % инвестиций (3,5 млрд долл. США). Необходимо отметить, что реализация проекта предполагает предоставление китайской стороне прав на использование земельных ресурсов вдоль трассы железнодорожной магистрали для обеспечения строительных работ и последующей эксплуатации инфраструктурных объектов. Президент Лаоса Тхонглун Сисулит в ходе инспекции участка

[13] Why strong regional value chains will be vital to the next chapter of China and Africa's economic relationship. *World Economic Forum*, Jun 25, 2024. URL: https://www.weforum.org/stories/2024/06/why-strong-regional-value-chains-will-be-vital-to-the-next-chapter-of-china-and-africas-economic-relationship/ (accessed: Feb 11, 2025).

[14] Alden C., Mendez A. China Rising, Latin America Swooning. *Royal Society for Asian Affairs*, Jul 15, 2024. URL: https://rsaa.org.uk/blog/china-rising-latin-americaswooning/#:~:text=Already%20reaching%20USD%24489%20billion,Chinese%20calculus%20and%20the%20dependent (accessed: Feb 11, 2025).

[15] Козлов А., Кулагин В. Китай потратил $104 млрд за пять лет на кредиты для спасения своих должников. *Ведомости*, 29.03.2023. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/03/29/968516-kitai-potratil-104-mlrd-na-krediti-dlya-spaseniya-svoih-dolzhnikov (дата обращения: 15.02.2025).

[16] Brahma Ch. Colonization by other means: China's debt-trap diplomacy. *The Japan Times*, May 9, 2021. URL: https://www.japantimes.co.jp/opinion/2021/05/09/commentary/world-commentary/china-debt-trap-development-aid/ (accessed: Feb 15, 2025).

первой железнодорожной магистрали в этой стране в 2022 г. отметил, что лаосский народ гордится результатами проекта. Лаосский лидер процитировал местную пословицу, которая гласит: «Там, где есть дорога, есть возможность для развития»[17].

Западные авторы к пострадавшим от долговой политики странам чаще всего относят Шри-Ланку и ссылаются на то, что её долг Китаю достиг почти 7 млрд долл. США, что составляет 52 % от общей внешней задолженности перед иностранными государствами[18]. Они также утверждают, что валютные резервы Шри-Ланки сократились из-за инфраструктурных проектов, осуществлённых на основе китайских займов, но не принесших финансовой отдачи. Однако на самом деле Шри-Ланке уже удалось договориться о переносе сроков выплаты по выданным ей КНР кредитам. Сегодня Китаю приходится значительно расширять кредитование и реструктуризировать долги стран-должников. Такое нестрогое отношение вряд ли можно именовать неоколониализмом.

Нельзя голословно обвинять КНР в неоколониальных амбициях. Просчёты Китая можно объяснить отсутствием опыта регулирования глобальных экономических инициатив. Ко всему прочему, многие проекты в рамках инициативы пострадали от пагубного эффекта пандемии COVID-19. Дополнительные финансовые вливания КНР в государства, которые не смогли распорядиться займами, полученными именно в рамках ОПОП, можно воспринимать как извлечение уроков Пекином. Помимо всего прочего, Китай не вводит санкций или ограничений в отношении стран, допустивших невыплаты по кредитам, а наоборот, договаривается с ними об отсрочке платежей, реструктуризации долгов и т.д.

Экономическое присутствие Китая в других странах в меньшей степени может расцениваться как неоколониальное вмешательство в экономику стран-реципиентов. Даже равноправное экономическое сотрудничество, предоставление кредитов, а иногда и безвозмездной помощи африканским странам не всегда дают положительный эффект ввиду крайне неэффективного менеджмента в этих государствах.

Не стоит забывать и о положительном эффекте китайской политики. Улучшенные транспортные сети, доступ к медицинским услугам, расширенные возможности трудоустройства, преимущества китайских инвестиций ощутимы для многих африканцев в их повседневной жизни. Построенные Китаем автомобильные и железные дороги и порты сократили транспортные расходы и открыли изолированные регионы для национальных и международных рынков – это помогает Африке вырваться из нищеты и способствует её индустриализации. Данные инфраструктурные проекты также позволили создать тысячи рабочих мест для местных сообществ не только во время строительства, но и в ходе долгосрочной эксплуатации и технического обслуживания этих объектов. Так, только Китайская строительная корпорация China Civil Engineering (CCECC) обучила сотни местных молодых людей таким важным специальностям, как железнодорожное машиностроение и др. Согласно статистике, CCECC создала около 10 000 рабочих мест на этапе строительства проекта метрополитена в Абудже с объёмом инвестиций в 823 млн долл.[19].

---

[17] Lao leader gives high praise to China-Laos Railway. *NDRC*, Feb 11, 2022. URL: https://en.ndrc.gov.cn/news/mediarusources/202202/t20220214_1315477.html (accessed: Feb 15, 2025).

[18] Китай реструктуризирует долг Шри-Ланки для помощи в получении кредита МВФ. *ТАСС*, 07.03.2023. URL: https://tass.ru/ekonomika/17211401 (дата обращения: 16.02.2025).

[19] Nnaemeka O. China's CCECC claims it created 10,000 Nigerian jobs from $823 million Abuja's Rail Project. *Nairametrics.* Jun 2024. URL: https://nairametrics.com/2024/06/07/chinas-ccecc-claims-it-created-10000-nigerian-jobs-from-823-million-abujas-rail-project/ (accessed: Feb 16, 2025).

Одним из успешных недавно реализованных проектов с участием китайского капитала является введение в эксплуатацию порта Чанкай неподалёку от перуанской столицы, города Лимы. Инвестиции в проект порта составили 3,5 млрд долл. США. Контрольный пакет акций принадлежит одной из крупнейших в мире судоходных компаний, китайской Cosco. Открытие порта усовершенствовало и облегчило логистические процессы в Южной Америке. Порт будет включать 15 причалов и сможет принимать танкеры грузоподъёмностью до примерно 264 тысяч тонн. Ни один другой порт на тихоокеанском побережье Южной Америки не может принимать суда таких крупных габаритов. Чанкай позволит сократить срок доставки товаров из Перу в Китай по меньшей мере на 10 дней (ранее маршрут занимал 35 дней). Также Перу и КНР подписали двустороннее соглашение о свободной торговле. Это поможет увеличить объём торговли между двумя странами примерно на 50 %[20].

КНР является крупнейшим партнёром Африки в переходе к зелёной энергетике. На Форуме сотрудничества Китай–Африка (FOCAC) в сентябре 2024 г. власти КНР пообещали оказать Африке финансовую поддержку в размере 50 млрд долл. в течение следующих трёх лет[21]. Председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что Китай готов запустить в Африке 30 проектов в области чистой энергии. С момента проведения FOCAC в 2021 г. было согласовано порядка 138 новых проектов в области возобновляемой энергии. По предварительным расчётам, Китай может установить более 224 ГВт экологически чистой энергии в Африке к 2030 г., и это означает, что его участие в энергетическом переходе на чёрном континенте будет иметь решающее значение для достижения цели в 300 ГВт к 2030 г.[22].

Однако и в этом случае китайские власти подвергаются западной критике. По данным Центра политики глобального развития Бостонского университета, менее 11 %, т.е. всего 500 млн долл. США из 4,61 млрд, предоставленных Китаем восьми африканским странам в 2023 г., были направлены на проекты в области возобновляемых источников энергии. Хотя на Форуме китайско-африканского сотрудничества (FOCAC) в сентябре 2024 г. Китай пообещал выделить 50 млрд долл. на развитие экономики Африки, только в одном из 11 пунктов плана действий упоминаются конкретные инициативы, связанные с климатом. Более того, обязательства в размере 50 млрд долл. будут переданы в виде кредитов (29,5 млрд долл. США), инвестиций китайских компаний (9,8 млрд долл. США) и лишь 11,3 млрд долл. в виде чистой помощи[23].

При этом западные исследователи игнорируют тот факт, что Китай обеспечивает африканским потребителям доступ к недорогому, надёжному, доступному, экологически чистому оборудованию. В это же время США и ЕС вводят антисубсидиарные и

[20] Aquino M. Exclusive: Peru and China to sign strengthened free-trade agreement in Xi's APEC visit. *Reuters*, Nov 12, 2024. URL: https://www.reuters.com/world/peru-china-sign-strengthened-free-trade-agreement-xis-apec-visit-2024-11-08/ (accessed: Feb 16, 2025).

[21] Keynote address by Chinese President Xi Jinping at opening ceremony of 2024 FOCAC summit. *Xinhua*, Sep 5, 2024. URL: https://english.www.gov.cn/news/202409/05/content_WS66d964bdc6d0868f4e8eaa07.html (accessed: Feb 16, 2025).

[22] Patel A. In-depth: China’s finance for African renewables rebounds after two-year lull. *Carbon brief*, Oct 9, 2024. URL: https://www.carbonbrief.org/in-depth-chinas-finance-for-african-renewables-rebounds-after-two-year-lull (accessed: Feb 16, 2025).

[23] Saidane A. After $50bn pledge, can China go green in Africa? *African Buisness*, Oct 21, 2024. URL: https://african.business/2024/10/energy-resources/can-china-go-green-in-africa (accessed: Feb 20, 2025).

антидемпинговые пошлины против недорогих китайских электроэнергетических установок с целью повысить их стоимость на рынке, поскольку не способны справиться с подобной конкуренцией и не намерены терять свои рынки сбыта. Вот это и есть настоящий западный неоколониализм в современном прочтении.

Как Китай решает вопрос задолженности?

Согласно докладу, опубликованному учёными из AidData, Всемирного банка, Гарвардской школы Кеннеди и Кильского института мировой экономики, в период с 2000 по конец 2021 гг. Китай провёл 128 операций по кредитованию 22 стран-должников на общую сумму $240 млрд. При этом порядка 104 млрд долл. из этой суммы государство выделило только за период с 2016 по 2021 гг. Рост кредитования с 2016 г. был вызван необходимостью обслуживания ранее выданных займов на развитие инфраструктуры в рамках объявленной в 2013 г. китайской инициативы «Один пояс, один путь»[24]. По данным проведённого исследования, около 80 % кредитов, предоставленных в период 2016–2021 гг., приходились на страны с низкими и средними доходами, такими как Аргентина, Монголия Пакистан и др. В настоящее время КНР ведёт диалог о реструктуризации долга с рядом государств, в числе которых Замбия и Гана.

Начиная с 2008 г. Китай активно реструктуризирует долги стран-заёмщиков: суммарно количество случаев изменений структуры долга перед КНР с 2008 по 2022 гг. в три раза превосходит совокупное количество реструктуризаций, осуществлённых частными кредиторами в мире. За указанный период китайские кредитные институты инициировали не менее 71 процедуры урегулирования проблемной задолженности развивающихся государств, в то время как частные внешние кредиторы из других стран (включая банковские учреждения и держателей облигаций) провели лишь 21 подобную операцию. В отношении задолженности перед странами-участницами Парижского клуба (общее число которых составляет 22) экономическими экспертами было зарегистрировано 68 операций по реорганизации долга за аналогичный временной промежуток. Практически половина всех операций по оптимизации долговой нагрузки, реализованных Китаем с 2008 г., приходится на период пандемии COVID-19, что обусловлено резким ухудшением финансовой устойчивости заёмщиков[25].

Западные экономисты отмечают резкий рост доли проблемных кредитов в портфеле Китая: с 5 % в 2010 г. до 60 % в 2022 г.[26]. Это обусловлено тем, что государство стало ключевым кредитором для многих развивающихся стран, предлагая крупные займы под высокие проценты и короткие сроки. Возможность обратиться к Китаю за предоставлением кредита – удобная альтернатива для экономик с формирующимися рынками, поскольку в этом случае стране-заёмщику не требуется соответствовать определённым требованиям МВФ или проводить экономические реформы. Но КНР тоже необходимы своего рода гарантии, и в этом случае речь, как правило, идёт о доступе к природным ресурсам, что особенно актуально в случае с сырьевыми экспортёрами.

[24] Kynge J. China grants billions in bailouts as Belt and Road Initiative falters. *The Financial Times*, Mar 28, 2023. URL: https://www.ft.com/content/9b2cb53f-e6f0-479e-bb94-a2e0c8680e88 (accessed: Feb 20, 2025).

[25] *Волкова О.* Китайские кредиты: риск внезапной остановки. *ЭКОНС*, 19.04.2022. URL: https://econs.online/articles/ekonomika/kitayskie-kredity/ (дата обращения: 25.02.2025).

[26] Там же.

Стоит отметить, что подобная практика уже наблюдалась и Китай отнюдь не новатор в этом вопросе. Для западных коммерческих банков и государств, входящих в Парижский клуб, соответствующая политика была актуальна в конце XX в. Это явление стало одной из причин экономического застоя в ряде стран на рубеже XX–XXI вв., после чего выдача кредитов стала регулироваться Бреттон-Вудскими институтами гораздо строже. После запуска в 1996 г. инициативы Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка по облегчению долгового бремени для бедных стран с высоким уровнем задолженности (инициатива HIPC – Heavily Indebted Poor Countries), условия выдачи кредитов претерпели значительные изменения. В рамках инициативы HIPC многим странам было частично или полностью списано долговое бремя, что позволило им высвободить ресурсы для внутреннего развития. Россия также присоединилась к этой инициативе и списала долги странам, которым СССР в своё время оказывал помощь (Вьетнам, Монголия, африканские государства и т.д.). В отдельных случаях определённый процент от суммы задолженности шёл под реструктуризацию и мог быть погашен путём предоставления ресурсов, нефинансовых активов[27]. Соответствующие меры стали важным шагом в предотвращении «потерянных десятилетий», когда страны были вынуждены тратить значительную часть своих доходов на обслуживание долгов. Условия кредитования стали включать требования по обеспечению долгосрочной экономической устойчивости, включая меры по диверсификации экономики, улучшению налоговой системы и укреплению институтов. Однако спрос на крупные и «легкодоступные» по условиям займы никуда не исчез, и появился новый «комфортный» кредитор – Китай.

Нельзя обвинять КНР в неоколониализме ещё и потому, что, предоставляя кредиты, Китай несёт очевидные риски для собственной экономики, для которой в текущее время в условиях международной турбулентности вырастает ряд вызовов и угроз. Данная ситуация представляет неблагоприятный сценарий для китайских корпораций, поскольку потенциальная серия дефолтов государств-должников может лишить страну возможности продолжать стимулировать и инвестировать деятельность своих предприятий, вовлечённых в международные инфраструктурные инициативы.

По мнению директора Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) НИУ ВШЭ Василия Кашина, опасения относительно наступления масштабного долгового кризиса, спровоцированного кредитной экспансией Китая в развивающиеся государства, представляются необоснованно гипертрофированными, поскольку у страны есть всё необходимое, чтобы справиться с возникающими задачами. Нельзя не согласиться с экспертом в том, что в вопросе реструктуризации задолженности азиатских и африканских стран Пекин, скорее всего, будет придерживаться дифференцированного подхода, учитывающего специфику каждого отдельного случая, где всё будет зависеть от конкретной государственной корпорации или правительственного ведомства, несущего ответственность за реализацию соответствующего проекта[28].

---

[27] Замминистра финансов Сергей Сторчак рассказал «Комсомольской правде» о современной кредитной политике. *Минфин России*, 10.02.2022. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center?id_4=36945-zamministra_finansov_sergei_storchak_rasskazal_komsomolskoi_pravde_o_sovremennoi_kreditnoi_politike (дата обращения: 27.02.2025).

[28] Лакстыгал И. Долги развивающихся стран Китаю становятся все более проблемными. *Ведомости*, 22.07.2022. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/07/21/932522-dolgi-kitayu-problemnimi (дата обращения: 27.02.2025).

Заключение

Проведённый анализ взаимодействия Китая со странами Глобального Юга свидетельствует о наличии у КНР последовательной стратегии международного партнёрства, основанной не на доминировании, а на экономической взаимозависимости и прагматизме. Исследование позволяет заключить, что обвинения в «долговом захвате», которые выносят представители западных стран, в большинстве своём беспочвенны, и рассмотренные в работе примеры не подтверждают гипотезу о намерении китайских властей осуществлять политику неоколониализма.

Так, в случае с Лаосом и проектом железнодорожной магистрали, несмотря на значительный объём заимствований, национальные власти рассматривают сотрудничество с Китаем как долгосрочный вклад в развитие транспортной инфраструктуры и интеграцию с региональными рынками. Президент Лаоса прямо заявил о гордости за реализацию проекта, подчеркнув его значение для будущего роста. Аналогично, в Шри-Ланке представители власти опровергли утверждения о китайской долговой ловушке, а Пекин согласился на реструктуризацию задолженности, не прибегая к санкциям или экономическому давлению.

Пример порта Чанкай в Перу демонстрирует, как китайские инвестиции в логистику могут трансформировать региональные торговые цепочки, обеспечивая сокращение сроков поставок и повышение экспортного потенциала. Похожая динамика наблюдается в Африке, где Китай активно инвестирует в зелёную энергетику и транспортную инфраструктуру.

Безусловно, часть китайских инициатив, таких как трасса Бар – Сербия в Черногории или порт Хамбантота на Шри-Ланке, оказались менее успешными с точки зрения экономической отдачи. Однако причины этих неудач чаще кроются в локальных управленческих проблемах, а не в целенаправленных действиях Китая. Более того, поведение Пекина после таких случаев – в том числе предоставление отсрочек и реструктуризация долгов – указывает на стремление к долгосрочному партнёрству, а не к принуждению.

Следует также отметить, что Китай не прибегает к политическим условиям в обмен на финансовую помощь, как это нередко практикуется западными странами и международными институтами. Вместо этого Пекин выстраивает отношения на основе идеи «справедливости и выгоды», которая является частью его внешнеполитической доктрины. Она предполагает приоритет не только экономического результата, но и уважения к суверенитету и культурной идентичности стран-партнёров.

Таким образом, комплексный анализ позволяет сделать вывод о том, что модель взаимодействия КНР со странами Глобального Юга не укладывается в рамки неоколониализма. Китай действует не как гегемон, стремящийся к эксплуатации, а как партнёр, заинтересованный в стабильных и устойчивых связях. Его подход – это попытка сформировать альтернативную модель международных отношений, основанную на экономическом прагматизме, институциональной гибкости и сотрудничестве. Эффективность этой модели будет зависеть от способности КНР учитывать уроки прошлых ошибок и адаптироваться к быстро меняющейся глобальной среде.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аналитические записки ИКСА РАН. Китай-2049: футурологический анализ. Специальный выпуск. М.: ИКСА РАН, 2024. 28 с.

Дейч Т.Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. № 5. С. 119–141.

Денисов И.Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 5. С. 83–98.

Идеи Си Цзиньпина о дипломатии / отв. ред. Чжан Юйянь; пер. с кит. М.: Весь Мир, 2023. 304 с.

Ключевые слова Си Цзиньпина: сборник / пер. с кит. А.В. Семёнова, Т.Г. Семёновой. М.: Международная издательская компания «Шанс», 2021. 292 с.

Ломанов А.В. Новые концепции китайской внешней политики // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 8–18.

Сафронова Е.И. Китай – Глобальный Юг: актуальная эволюция отношений // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 3. С. 18–30.

REFERENCES

Analiticheskiye zapiski IKSA RAN. Kitay 2049: futurologicheskiy analiz. Spetsial’nyy vypusk [Analytical notes of the ICCA RAS. China 2049: futurological analysis. Special issue] (2024). Moscow. 28 p. (In Russian).

Denisov I.E. (2018). Vneshnyaya politika Kitaya pri Si Tszin'pine: preyemstvennost' i novatorstvo [China's foreign policy under Xi Jinping: continuity and innovation]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [*Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*], 10 (5): 83–98. (In Russian). DOI 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98

Deutsch T.L. (2018). Kitay v Afrike: “neokolonializm” ili “win-win” strategiya? [China in Africa: “neocolonialism” or “win-win” strategy?]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [*Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*], 11 (5): 119–141. (In Russian). DOI 10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-14

Lomanov A.V. (2017). Nov·yye kontseptsii kitayskoy vneshney politiki [New concepts of Chinese foreign policy]. *Aziya i Afrika segodnya* [*Asia and Africa Today*], 12: 8–18. (In Russian).

Safronova E.I. (2024). Kitay – Global'nyy Yug: aktual'naya evolyutsiya otnosheniy [China – the Global South: the actual evolution of relations]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 3: 18–30. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-18-30.

* * *

Himmer M., Rod Z. (2022). Chinese debt trap diplomacy: reality or myth? *Journal of the Indian Ocean Region*, 18 (3): 250–272. DOI 10.1080/19480881.2023.2195280.

Yan Xuetong (2016). Political leadership and power redistribution. *The Chinese Journal of International Politics*, 9 (1): 1–26. DOI 10.1093/cjip/pow002.

Поступила в редакцию:	07.05.2025	Received:	May 7, 2025
Принята к публикации:	16.05.2025	Accepted:	May 16, 2025

DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-60-74

Концепция сообщества единой судьбы человечества: китайское видение нового мироустройства (десятилетие реализации)

Верченко Алла Леонидовна[1]

[1] Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. В статье анализируется опыт Китая в продвижении концепции сообщества единой судьбы человечества. На международном уровне идея была впервые озвучена председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. во время его первого государственного визита в Россию. В течение последующих более чем 10 лет концепция стала главной составляющей частью внешнеполитической доктрины КНР и активно использовалась как компонент «мягкой силы» внутри страны и за рубежом. Главным пропагандистом концепции оставался её автор – Си Цзиньпин. Высокое положение позволяет ему представлять её в разных конфигурациях на самых авторитетных международных форумах. Си Цзиньпин дополнил концепцию тремя инициативами (глобального развития, безопасности и цивилизации), а также культурной составляющей. Динамика развития концепции свидетельствует об изменении оценки Китаем своей роли на международной арене: от развивающегося государства к мировой державе, которая заявляет о своём праве участвовать в глобальном управлении, предлагать собственные программы реформирования мироустройства и играть в нём самую активную роль.

КНР дифференцированно применяет концепцию для развитых и развивающихся стран, так называемого глобального Юга и Востока, делая акцент на последних, где она подкреплена реальной базой в виде помощи по линии проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП). В зависимости от внешней ситуации Китай изменяет формы продвижения концепции: экономические международные, региональные и двусторонние форумы, саммиты политических партий, приглашение на учёбу зарубежной молодёжи, помощь во время пандемии COVID-19, народная дипломатия и др. Концепция не получила общемирового признания, но не осталась незамеченной. Китай будет продолжать пропагандировать её с учётом международной обстановки.

***Ключевые слова*:** Китай, Си Цзиньпин, сообщество единой судьбы человечества, политика, дипломатия.

***Автор*:** *Верченко Алла Леонидовна*, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-8718-8338. E-mail: veailan@yahoo.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FMSF-2024-0015 «Китай: история и современность. Российско-китайские отношения в XVII-XXI веках и перспективы их развития»).

***Для цитирования*:** Верченко А.Л. Концепция сообщества единой судьбы человечества: китайское видение нового мироустройства (десятилетие реализации) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 2. С. 60–74. DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-60-74

The concept of the Community with a shared future for mankind: Chinese vision of the new world order (a decade of realization)

Verchenko Alla L.[1]

[1] Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

***Abstract*.** The article analyzes China's experience in promoting the concept of a Community with a shared future for mankind. The idea was first voiced to an international audience by Chinese President Xi Jinping in 2013, during his first state visit to Russia. Over the next 10 years, the concept became the major component of China's foreign policy doctrine and was actively used as a part of “soft power” at home and abroad. Its author, Xi Jinping, remained the main propagandist of the concept. His high position allows him to present it in various configurations at the most authoritative international forums. Xi Jinping supplemented the concept with three initiatives (global development, security and civilization), as well as a cultural component. The evolution of the concept indicates a change in China's assessment of its role in the international arena: from a developing state to a world power that claims its right to participate in global governance, propose its own programs for reforming the world order and play the most active role in it.

The PRC applies the concept differentially to developed and developing countries, the so called Global South and East. In developing countries it is backed up by a real basis in the form of assistance through the Belt and Road project. Depending on the international situation, China changes the forms of promoting the concept, including economic international, regional and bilateral forums, political party summits, inviting foreign youth to study, assistance during the COVID-19 pandemic, public diplomacy, etc.

The concept has not received worldwide recognition, but it has not gone unnoticed. Taking into account the international situation, China will certainly continue to promote it in the world.

***Keywords*:** China, Xi Jinping, Community with a shared future for mankind, politics, diplomacy.

***Author*:** *Verchenko Alla L.*, Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8718-8338. E-mail: veailan@yahoo.com

***Conflict of interests*.** The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The research was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2024-0015 “China: history and modernity. Russian-Chinese relations in the XVII-XXI centuries and prospects for their development”).

***For citation*:** Verchenko A.L. (2025). Kontseptsiya soobschestva yedinoy sud’by chelovechestva: kitayskoye videniye novogo miroustroystva (desyatiletiye realizatsii) [The concept of the Community with a shared future for mankind: Chinese vision of the new world order (a decade of realization)]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 7 (2): 60–74. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-60-74

Введение

Прошло более десяти лет с того дня, когда председатель ЦК КПК Си Цзиньпин, выступая в МГИМО в ходе государственного визита в Россию (20–24 марта 2013 г.), выдвинул предложение ко всем странам сотрудничать в интересах защиты мира, развития и прогресса. В систематизированном виде его идея получила название «концепция сообщества единой судьбы человечества» (СЕСЧ). В 2018 г. она была внесена в преамбулу Конституции КНР[1], стала важной частью внешнеполитической стратегии Китая.

В КНР особо подчёркивают, что концепция СЕСЧ унаследовала такие постулаты древности, как «гармония превыше всего», «великое единение мира», «единство природы и человека». Китайские авторы отмечают, что Си Цзиньпин воспринял духовную суть китайской дипломатической стратегии прошлых династий и высветил огромное значение традиционной культуры для нынешней эпохи [Chen 2017: 718], что свидетельствует о том, что концепция СЕСЧ является чисто национальным продуктом, с помощью которого Китай в новых исторических условиях заявляет о своей позиции и своём месте важного игрока на мировой арене. Си Цзиньпин в начале XXI в. сформулировал концепцию СЕСЧ, которая является китайским видением путей реформирования мирового порядка с указанием направлений общего развития человеческого общества, и изложил его в пяти принципах, касающихся политики, экономики, безопасности, гуманитарной сферы, экологии[2].

В китайских публикациях неизменно отмечается справедливый, миролюбивый, инклюзивный, комплексный, научный характер концепции, её направленность на поддержание интересов всего мирового сообщества, общий выигрыш, а также тот факт, что она возникла из практики международных отношений и продолжает обогащаться ею, развивая идеи исторического и диалектического материализма [Верченко 2020: 8].

В концепции СЕСЧ Китай демонстрирует свою роль крупной международной державы, которая наряду с другими влиятельными игроками декларирует ответственность не только за судьбу своей страны, но и за будущее всего человечества. Китай, заняв положение второй экономики мира, усилил свой голос в международных делах, подтвердил намерение выйти из тени и активно участвовать в глобальном управлении. Нельзя не согласиться с утверждением А.В. Ломанова о том, что «наиболее примечательной особенностью новейшей версии китайской внешней политики стало стремление разработать собственную глобальную повестку дня» [Ломанов 2017: 9]. Концепция СЕСЧ появилась как ответ Китая на ухудшение международного климата, возникновение новых вызовов послевоенному мироустройству и осложнение ситуации вокруг КНР, проявившееся, прежде всего, в росте напряжённости и обострении соперничества с США. Си Цзиньпин поставил перед китайской дипломатией задачу не только участвовать в реформировании системы международных отношений и глобального управления, продвигая идею построения сообщества единой судьбы, но играть в этом процессе ведущую роль [Си 2021: 630]. Известный китайский

[1] 中华人民共和国宪法 [Конституция Китайской Народной Республики]. *中国政府网* [*Сайт правительства КНР*], 22.03.2018. URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения: 02.02.2025).

[2] 习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Доклад Си Цзиньпина на XIX Всекитайском съезде КПК]. *中国政府网* [*Сайт правительства КНР*], 28.10.2017. URL: http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660 (дата обращения: 03.02.2022).

политолог Жуань Цзунцзэ отмечает, что страна, «находясь в центре мировой арены, в новой исторической отправной точке, тесно взаимодействует с миром, активно участвует и возглавляет глобальное управление, что является для Китая эффективным способом защиты собственных интересов в новую эпоху»[3]. Представляется, что тезис о нахождении Китая в центре мировой арены и во главе глобального управления является в определённой степени преувеличением, скорее декларацией собственного восприятия и целью, к которой призывает двигаться Си Цзиньпин, чем сегодняшней реальностью. Однако фактом остаётся активная внешнеполитическая деятельность Китая и его лидера в стремлении предлагать параллельно с другими игроками свои решения общемировых проблем. Китай сотрудничает со многими странами, идёт на договорённости и согласование действий по непринципиальным вопросам, но занимает бескомпромиссную позицию, когда речь заходит о национальных интересах или территориальных спорах. Как справедливо замечает А.В. Волошина, внешнеполитическая доктрина пятого поколения китайских руководителей отличается переходом к «активному, инициативному и готовому жёстко отстаивать коренные интересы страны» курсу [Волошина 2020: 31]. Кончилось время, когда Китай, как гласит национальная идиома, «скрывал свои возможности и дожидался своего часа». Усматривается переход от постулата «не высовываться» времён Дэн Сяопина к решительному заявлению о себе, претензии на право выдвигать собственные предложения общемирового значения.

Концепция СЕСЧ стала важной частью внешнеполитической стратегии Китая, которой дипломатия КНР в настоящее время руководствуется при стремлении поддерживать сбалансированные международные отношения, в основе которых, как подчёркивает министр иностранных дел Ван И, должны лежать демократия, цели и принципы ООН и верховенство права[4].

Роль первого лица государства в продвижении идей сообщества единой судьбы человечества

Концепция создания сообщества единой судьбы человечества неразрывно связана с именем Си Цзиньпина и периодом его каденции – «новой эпохой», хотя сходные идеи высказывались ранее предыдущими китайскими руководителями. В 2012 г. Ху Цзиньтао предложил использовать формулу «единая судьба» (命运共同体) в качестве теоретической основы для укрепления общности китайской нации по обе стороны Тайваньского пролива[5]. Унаследовав общий посыл идеи, Си Цзиньпин развил её до уровня концепции, придал ей более широкий смысл, акцентируя внимание на международном аспекте, дал новое определение – «сообщество единой судьбы человечества» (人类命运共同体), дополнил её

[3] 阮宗泽：中国方案助推全球治理转型 [Жуань Цзунцзэ. Китайские программы помогают трансформировать глобальное управление]. *中国共产党新闻网* [*Новостной сайт КПК*], 29.12.2016. URL: http://theory.people.com.cn/n1/2016/1229/c40531-28984901.html (дата обращения: 15.03.2025).

[4] 王毅：携手打造人类命运共同体 [Ван И: Вместо строить сообщество единой судьбы человечества]. *新华网* [*Синьхуа*], 31.05.2016. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2016-05/31/c_129029254.htm (дата обращения: 17.10.2024).

[5] 胡锦涛在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告 [Доклад Ху Цзиньтао на XVIII Всекитайском съезде КПК]. *人民日报* [*Жэньминь жибао*], 18.11.2012. URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения: 03.02.2025).

впоследствии тремя «глобальными инициативами», поэтому может считаться автором концепции.

Китайский лидер, выступая главным проводником концепции СЕСЧ на международной арене, обращает особое внимание на то, что в основе предлагаемого им сегодня плана глобальной перестройки лежат мир, гармония и согласие – концепты, которые нация унаследовала за более чем пять тысячелетий своей истории и к которым она стремится в XXI в., неизменно подчёркивая миролюбивые устремления китайского государства. В СЕСЧ отражается принятый Китаем общий подход к международным проблемам и пониманию принципов глобального управления.

За прошедшие годы концепция СЕСЧ во многом благодаря лично Си Цзиньпину, активно эксплуатирующему идею в выступлениях на разных площадках, продемонстрировала возможности использования в качестве одного из ресурсов «мягкой силы», способствующих улучшению имиджа страны, распространению её влияния в мире, привлечению на свою сторону объектов воздействия. Китай проводит интенсивную работу по пропаганде привлекательности пути «социализма с китайской спецификой в новую эпоху», демонстрирует реальные экономические достижения и рост благосостояния населения.

Озвучив в марте 2013 г. идею СЕСЧ, Си Цзиньпин осенью того же года предложил миру инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП), чтобы на основе совместного строительства коллективно эксплуатировать Экономический пояс Шёлкового пути и Морской шёлковый путь XXI века, таким образом обеспечивая практическую платформу для диалога, обменов и сотрудничества, сопряжения стратегий развития разных стран, что должно способствовать построению СЕСЧ.

Си Цзиньпин посвятил концепции СЕСЧ отдельные разделы отчётных докладов на двух последних съездах партии, обращая внимание на важность её осуществления для развития Китая. Он отмечал, что осуществление китайской мечты неотделимо от мечты всех людей на земле, тесно связано с мирной внешней средой и стабильной международной обстановкой[6], что создание сообщества единой судьбы человечества будет способствовать выполнению намеченных партией внутренних задач, одновременно обеспечивать достойное будущее для народов всей земли[7].

В риторике Си Цзиньпина неизменно присутствует беспокойство за будущее человечества. Всеобщее благополучие китайский лидер связывает с тесным сотрудничеством всех стран мира, что получило дальнейшую конкретизацию в трёх «глобальных инициативах». В них Си Цзиньпин аккумулировал подходы к большому кругу мировых проблем, призывая к конкретным действиям, направленным на решение в первую очередь самых насущных вопросов, к ведению диалога, обмену опытом и реальному сотрудничеству в интересах общего прогресса. Тремя новыми предложениями Си Цзиньпин подчёркивает решимость Китая ещё более активно присутствовать на международной арене и участвовать

[6] 习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Доклад Си Цзиньпина на XIX Всекитайском съезде КПК]. *中国共产党新闻网* [*Новостной сайт КПК*], 28.10.2017. URL: http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660 (дата обращения: 03.02.2022).

[7] 习近平在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Доклад Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде КПК]. *人民日报* [*Жэньминь жибао*], 17.10.2022. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 03.02.2025).

в формировании новой архитектуры мира с помощью концепции СЕСЧ. Российские аналитики считают, что стремление к концептуальному лидерству заложено в китайской культуре и представляет собой развитие древнекитайской идеи о «культурной трансформации» окружающего мира при помощи национальных образцов и опыта[8].

После того, как Си Цзиньпин представил концепцию СЕСЧ в выступлении на юбилейной сессии ГА ООН в 2015 г., упоминание о ней вошло в тексты документов ООН – Совета Безопасности, Комиссии по социальному развитию, Комитета по правам человека, что, несомненно, следует считать успехом главного китайского дипломата и внешнеполитической деятельности КНР в целом. Председатель КНР в той или иной форме обращался к идеям сообщества на таких авторитетных международных площадках, как G20, АТЭС, ЕС, ВЭФ. Например, выступая в 2021 г. на ВЭФ, Си Цзиньпин непосредственно не упомянул концепцию СЕСЧ, но, перефразировав её положения, отметил, что «страны мира должны мирно сосуществовать, учиться друг у друга на основе взаимного уважения и стремления к общему при сохранении различий, чтобы придать новый стимул развитию человеческой цивилизации»[9]. На встречах с западными лидерами руководитель КНР обращает внимание на экономическое сотрудничество, использует такие формулировки, как «сообщество общих интересов», «экономическая взаимозависимость», «взаимный выигрыш» и др. В более благоприятной обстановке, на встречах в рамках ШОС, БРИКС, РИК, Боао, региональных и двусторонних форумов Си Цзиньпин обозначает более конкретизированное содержание СЕСЧ в различной конфигурации (китайско-африканское, китайско-азиатское, китайско-лаосское, китайско-вьетнамское направления, сотрудничество Китай – АСЕАН и др.). Концепция СЕСЧ обсуждается на коллективной учёбе членов Политбюро ЦК КПК, постоянно упоминается на встречах китайского лидера в разных аудиториях внутри страны.

Си Цзиньпин часто подчёркивает, что Китай не навязывает свои модель и опыт другим странам. Это относится и к концепции СЕСЧ. Тем не менее, многократное повторение утверждения об успешности развития Китая, о готовности предоставить помощь другим странам в преодолении трудностей, о модернизации и достижении прогресса призвано наводить контрагентов на размышления о вероятности обращения к китайской модели и её использования с учётом своего исторического прошлого, культурного, религиозного фона и национальной специфики, тем более что Китай позиционирует себя как самого надёжного партнёра в стремлении к справедливому мироустройству, материальному достатку и культурно-нравственному обогащению.

В выступлениях Си Цзиньпина просматривается стремление играть ведущую роль в международных делах и определении нового миропорядка. В последнее время оно было подтверждено на таких крупных международных мероприятиях, как конференция, посвящённая 70-летию принятия Пяти принципов мирного сосуществования, форумы китайско-африканского и китайско-арабского сотрудничества (2024). Си Цзиньпин регулярно выступает на открытии крупных международных форумов, проводимых в Китае, встречается с их участниками.

---

[8] Российско-китайские отношения на современном этапе: взгляд из Москвы. Аналитическая записка. *РСМД*, 2024. URL: https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-Russia-China-PolicyBrief51.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

[9] Полный текст специальной речи председателя КНР Си Цзиньпина во время Диалога «Давосская повестка дня». *Синьхуа*, 26.01.2021. URL: https://russian.news.cn/2021-01/26/c_139697958.htm (дата обращения: 05.03.2025).

Популяризации концепции СЕСЧ способствует публикация соответствующих выступлений Си Цзиньпина, издаваемых отдельными книгами на многих иностранных языках и бесплатно распространяемых в разных странах мира[10].

Сопряжение концепции СЕСЧ с инициативой «Один пояс, один путь»

Концепция СЕСЧ, у которой есть экономическая основа – инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), представляет собой крупнейший внешнеполитический проект КНР, призванный обеспечить внешние условия для осуществления «китайской мечты» и «возрождения китайской нации». Инициатива ОПОП, по мнению Китая, должна способствовать общему развитию и процветанию всех стран, она призвана не заменить существующие региональные механизмы, а обновить и оптимизировать их в соответствии с требованиями времени.

С 2017 г. по инициативе Китая проводятся форумы «Один пояс, один путь». На первом из них, где присутствовали представители 130 государств и более 70 международных организаций, были определены принципы сотрудничества по линии ОПОП, которые координируются по содержанию с концепцией СЕСЧ. Участники форума заявили следующее: «…наша общая цель состоит в достижении всеобъемлющего и устойчивого роста и развития, в повышении уровня жизни наших народов; наше общее стремление заключается в построении процветающего и мирного сообщества единой судьбы для человечества»[11]. На всех последующих форумах ОПОП подтверждалась приверженность идеям создания СЕСЧ в целях искоренения бедности, содействия устойчивому глобальному экономическому росту, достижению стабильного развития и более тесного сотрудничества Север – Юг, Юг – Юг.

Австралийский аналитик Чжан Дэнхуа справедливо указывает на дифференцированный подход Китая к развивающимся и развитым странам: это «миниатюрная версия его давней дипломатической практики, согласно которой он поддерживает развивающиеся страны в качестве партнёров по умолчанию, развивая при этом экономические связи с развитыми странами в качестве экономических партнёров» [Zhang 2018: 199].

Китай заявляет, что разработал концепцию СЕСЧ для всего мира и готов работать со всеми странами в общих интересах для воплощения в жизнь мультилатерализма в противовес унилатерализму, протекционизму и диктату. На практике эти идеи находят понимание больше в развивающихся странах. Китай налаживает сотрудничество в первую очередь именно с теми государствами, где требуется его помощь для преодоления отсталости промышленности, инфраструктуры, недостатка капиталов, технологий и человеческих ресурсов. Проект ОПОП рассчитан на период до 2049 г. – столетнего юбилея Китайской Народной Республики – и, по мнению разработчиков, направлен на укрепление региональных взаимосвязей, созидание нового мирового порядка, достижение лучшего будущего для всех

[10] На русском языке отдельными книгами изданы: Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. 2, 3, 4. Пекин: Вайвэнь чубаньшэ. 2017-2023; Си Цзиньпин. О создании сообщества единой судьбы человечества. Пекин: Чжунъян бяньи чубаньшэ, 2021.

[11] “一带一路”国际合作高峰论坛圆桌峰会联合公报（全文） [Совместное заявление участников Круглого стола Форума международного сотрудничества по инициативе ОПОП на высшем уровне. Полный текст]. *中国政府网* [*Сайт правительства КНР*], 15.07.2017. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2017-05/15/content_5194232.htm (дата обращения: 15.01.2025).

народов. Благодаря инициативе ОПОП, ставшей самой большой платформой международного сотрудничества, Китай значительно расширил своё разностороннее влияние в странах глобального Юга, профинансировал 21 тыс. проектов в 165 государствах. Его помощь развивающимся странам значительно превосходит инвестиции США[13]. Правительство КНР неизменно подчёркивает, что относится к развивающимся странам как к равным, настаивает на их праве вместе с другими государствами участвовать в глобальном управлении, выступает против монополии и диктата отдельных государств в региональных и мировых делах.

Вследствие слабого финансово-экономического состояния многих развивающихся стран часть из китайских зарубежных кредитов превращается в невозвратные долги, что вынудило Китай пересмотреть свою политику и с 2018 г. сократить масштабы инвестиций в рамках проекта ОПОП, не ослабляя продвижение концепции СЕСЧ. Она встречает наибольшее понимание и поддержку там, где имеет экономическую базу, т.е. в большинстве развивающихся стран: 80% китайской внешней помощи приходится на испытывающие финансовые трудности страны Латинской Америки, Африки, Центральной и Юго-Восточной Азии[14]. Инициативой ОПОП охвачено почти 150 стран, что обеспечивает практическую платформу для реализации идей построения «сообщества единой судьбы» с этими странами. В зависимости от обстоятельств КНР выбирает наиболее эффективную модель сотрудничества (двустороннее, многостороннее, региональное).

Большое внимание Китай уделяет дипломатической работе по установлению отношений нового типа в Азиатском регионе, который остаётся объектом его геополитических и экономических интересов к ресурсам и инфраструктурным возможностям. Стратегическая цель дипломатии здесь состоит в последовательном развитии и укреплении политических, экономических и культурных отношений с соседними странами [Верченко 2022: 79]. Определённую напряжённость в продвижении идей СЕСЧ создают территориальные споры в южных морях.

Пекин постоянно говорит об общности цивилизаций стран региона и интересов проживающих там народов, о важности поддержания диалога азиатских культур и сохранения общеазиатских ценностей. Пример тому – конференция «Диалог азиатских цивилизаций» (2019 г.). В 2025 г. на «китайском Давосе» в Боао подвели итог десятилетия СЕСЧ для Азии, который был оценён как «замечательный успех в построении азиатского сообщества с общим будущим»[15].

Идеи формирования СЕСЧ достаточно позитивно воспринимаются в Африке, а «всепогодная» модель многостороннего китайско-африканского сообщества единой судьбы признана стать образцом для других.

В 2023 г. в «Белой книге» «Совместное строительство “Пояса и пути”: важная практика формирования сообщества единой судьбы человечества» инициатива ОПОП определяется

---

[13] 中国向“一带一路”国家出借超万亿美元 80%财政困难国家 [Китай предоставил более одного трлн долл. странам, участвующим в инициативе «Один пояс, один путь», 80 % – это страны, испытывающие финансовые трудности]. *文学城* [*«Город культуры»*], 08.11.2023. URL: https://www.wenxuecity.com/news/2023/11/08/125270034.html (дата обращения: 15.01.2025).

[14] Там же.

[15] 习近平：迈向命运共同体 开创亚洲新未来 [Си Цзиньпин: двигаться к сообществу единой судьбы, создавать новое будущее для Азии]. *外交部* [*МИД КНР*], 28.03.2015. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/201503/t20150328_9869508.shtml (дата обращения: 11.04.2025).

как «важный общественный продукт для улучшения глобального управления», ставший знаковым событием в истории общественного развития человечества[16].

Трансформация форм продвижения концепции СЕСЧ

Присущие китайской политике гибкость, вариативность и приспособляемость к изменениям внешней среды находят отражение в стратегии продвижения идей СЕСЧ. Концепция не имеет конкретных границ и чётких определений, поэтому её отдельные положения по мере необходимости могут использоваться в самом разном контексте.

В период пандемии COVID-19 воплощением идей СЕСЧ стала гуманитарная помощь Китая международному сообществу, которая проявилась в поставках масок, тест-наборов, вакцин, медицинского оборудования, защитных костюмов, направлении работников санитарно-эпидемиологической службы в наиболее нуждающиеся страны. Китайские авторы подчёркивают, что Китай стал первой страной, сделавшей вакцину от COVID-19 общедоступной – поддержал её исключение из ограничений, связанных с соблюдением прав интеллектуальной собственности на вакцины, начал сотрудничество с развивающимися странами в вакцинопроизводстве[17]. Главный теоретический журнал КПК «Цюши» поместил статью Си Цзиньпина «Солидарность и сотрудничество – самое мощное оружие международного сообщества в борьбе с эпидемией», в которой китайский лидер говорит о важности укрепления международного сотрудничества в области профилактики и контроля эпидемий, содействия построению СЕСЧ[18].

Компартия Китая продолжила работу по продвижению идей СЕСЧ на форумах «Диалог КПК с миром», проводимых с 2014 г. «Построение сообщества единой судьбы и лучшего мира: ответственность политических партий» стало темой проведённого в 2017 г. форума на высоком уровне. В тот период ситуация на международной арене складывалась достаточно благоприятно для Китая, и на форум съехались представители 300 политических партий и организаций из более чем 120 стран, включая партийно-государственных деятелей главных капиталистических стран [Верченко 2019: 565]. Присутствие многочисленных гостей определялось как рост поддержки концепции СЕСЧ в мире. В 2023 г. из-за пандемии «Диалог КПК с миром – 2023» прошёл в дистанционном формате, поэтому число участников определить сложно, но большая их часть относилась к дружественным государствам. Главное внимание было уделено проблеме модернизации в стране и мире. В очередной раз подчёркивалось, что Китай связывает свою судьбу с судьбами других народов, стремится делиться с ними инновационными достижениями «модернизации по-китайски», содействовать претворению в жизнь китайских «глобальных инициатив», ускорению

---

[16] 共建“一带一路”：构建人类命运共同体的重大实践 [Совместное строительство ОПОП: важный опыт построения сообщества единой судьбы человечества]. *国务院* [*Госсовет КНР*], 10.10.2023. URL: https://www.gov.cn/zhengce/202310/content_6907994.htmc (дата обращения: 15.02.2025).

[17] 何丹. 携手并肩，推动共建人类卫生健康共同体 [Хэ Дань. Работать вместе над созданием сообщества единой судьбы в здравоохранении]. *习近平外交思想和新时代中国外交* [*Идеи Си Цзиньпина о дипломатии и китайская дипломатия новой эпохи*], 19.05.2022. URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2022-05/19/content_78226965.shtml (дата обращения: 28.12.2024).

[18] 习近平：团结合作是国际社会战胜疫情最有力武器 [Си Цзиньпин: объединение и сотрудничество – сильнейшее оружие мирового сообщества в победе над эпидемией]. *中国政府网* [*Сайт правительства КНР*], 15.04.2020. *求是* [*Цюши*]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2020-04/15/content_5502640.htm (дата обращения: 16.03.2025).

реализации проектов ОПОП и приданию нового импульса формированию СЕСЧ – общества, «в котором всё делается для людей, где человек стоит на первом месте»[19].

В резко изменившейся за последние несколько лет внешнеполитической ситуации Китай не может рассчитывать на тесное взаимодействие с теми государственными и партийными деятелями, которые в предыдущие годы принимали приглашения на проводимые КНР и КПК форумы. Бóльшая часть крупных международных встреч проходит со странами Азии, Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока.

В последние годы Си Цзиньпин дополнил концепцию СЕСЧ тремя «глобальными инициативами». В представленных от имени руководителя государства предложениях видна огромная работа экспертов, консультантов и специалистов разного профиля. Инициатива «глобального развития» была озвучена председателем КНР в 2021 г. с высокой трибуны ООН, т.е. перед лицом представителей абсолютного большинства стран мира. В практической плоскости для её сопровождения по предложению КНР была образована «группа друзей», на первом заседании которой присутствовали представители 80 стран-членов ООН. В 2022 г. инициатива прозвучала на XIV саммите БРИКС, где Китай заявил о намерении совместно вести работу по созданию глобального партнёрства в области развития и реализации устойчивого развития на период до 2030 г. не только с участниками саммита, но и с широким международным сообществом[20]. Китай предоставил Целевому фонду мира и развития ООН 100 млн долл. для финансирования проектов, направленных на сохранение мира и поддержание развития, пообещав удвоить сумму к 2030 г.[21]. Инициатива «глобального развития» является продолжением реализации проекта ОПОП и сопряжена с идеями СЕСЧ.

Пекин говорит также о готовности сотрудничать со всеми странами мира в реализации китайской инициативы «глобальной безопасности», представленной на форуме в Боао и призванной обеспечить устойчивый мир на планете и безопасную внешнюю среду каждой стране. Сам Китай заинтересован в поддержании безопасной среды для выполнения задач внутреннего развития. Инициатива зиждется на шести принципах: всеобъемлющая устойчивая безопасность, построенная на сотрудничестве; уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран; соблюдение целей и принципов Устава ООН; признание права всех стран на безопасность; урегулирование международных споров мирным путём; противодействие традиционным и нетрадиционным угрозам безопасности[22]. Си Цзиньпин представил концепцию «глобальной безопасности» на форуме в Боао в 2022 г. Он акцентировал внимание на неделимости безопасности и подчеркнул, что укрепление безопасности одной страны не может угрожать безопасности другой. Китайский лидер

---

[19] 习近平在中国共产党与世界政党高层对话会上的主旨讲话 [Программная речь Си Цзиньпина на Диалоге высокого уровня между Коммунистической партией Китая и мировыми политическими партиями]. *国务院* [*Госсовет КНР*], 15.03.2023. URL: http://www.news.cn/politics/leaders/2023-03/15/c_1129434162.htm (дата обращения: 15.02.2025).

[20] 全球发展高层对话会主席声明（全文） [Заявление председателя Диалога «глобальное развитие» на высшем уровне (полный текст)]. *新华网* [*Синьхуа*], 28.06.2022. URL: https://language.chinadaily.com.cn/a/202206/28/WS62babbdca310fd2b29e6913d.html (дата обращения 29.04.2025).

[21] UN Peace and Development Fund. *United Nations*. URL: https://www.un.org/en/unpdf UN Trust fund for Peace and Development (accessed: Mar 31, 2025).

[22] 全球安全倡议概念文件（全文）[Концепция инициативы глобальной безопасности. Полный текст]. *国务院* [*Госсовет КНР*], 21.02.2023. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-02/21/content_5742481.htm (дата обращения: 20.02.2025).

повторил устоявшиеся в национальной политике взгляды на проблему безопасности в мире и призвал все страны к созданию единого сообщества безопасности. Представляется, что новые инициативы не могут быть восприняты единообразно всеми государствами, особенно в настоящее время, когда существует резкая конфронтация между мировым большинством и консолидированным Западом, проявляющим воинственные тенденции в защите своих политических и экономических интересов. США прямо обвиняют Китай в росте военной силы и влияния в Индо-Тихоокеанском регионе. Китайское видение неделимости безопасности не является уникальным. Это один из принципов коллективной безопасности. Россия также выступает за неделимую и всеобъемлющую безопасность и в очередной раз подтвердила эту позицию в мае 2025 г. на форуме в Москве, куда съехались представители более 100 государств глобального Юга и Востока[23].

В 2023 г. на «Диалоге КПК с политическими партиями мира» Си Цзиньпин ознакомил участников с инициативой «глобальной цивилизации», которая исходит из уважения к многообразию и равенству всех мировых цивилизаций и направлена на содействие цивилизационным обменам и сотрудничеству, трансформацию и инновационное развитие традиционных культур разных стран, что должно «влить сильную позитивную энергию в продвижение процесса человеческой модернизации и создание сообщества единой судьбы человечества»[24]. В нынешних условиях инициатива «глобальной цивилизации» вместе с культурной концепцией Си Цзиньпина может рассматриваться как благоприятное направление деятельности для обеспечения неполитическими методами присутствия Китая на внешнем контуре. В 2024 г. поводом обсудить формирование СЕСЧ стала проведённая в Пекине Международная конференция, посвящённая дружбе и 70-й годовщине Китайского народного общества дружбы с зарубежными странами (КНОДЗ). Тема конференции – «Углубление дружбы между народами Китая и других стран, содействие построению сообщества единой судьбы человечества». Общественные отношения всегда были и остаются беспроигрышным каналом для международного общения. На открытии форума выступили Си Цзиньпин и другие высокопоставленные деятели КПК, говорившие о построении СЕСЧ, намерении Китая в полной мере использовать уникальную роль народной дипломатии и совместно работать на благо планеты[25]. В последнее время Си Цзиньпин часто упоминает, что успехи Китая были бы невозможны без поддержки народов мира, наводя аудиторию на мысли об эффективности международного сотрудничества и важности формирования СЕСЧ.

Можно с уверенностью говорить, что анонсированная министром иностранных дел Ван И на 2025 г. Всемирная конференция по положению женщин станет очередным крупным

[23] Неделимая и всеобъемлющая»: эксперты сформулировали принципы глобальной безопасности в НЦ «Россия». *Национальный центр «Россия»*, 28.05.2025. URL: https://russia.ru/news/nedelimaia-i-vseobieemliushhaia-eksperty-sformulirovali-principy-globalnoi-bezopasnosti-v-nc-rossiia? (дата обращения: 29.05.2025).

[24] 全球文明倡议 [Инициатива глобальной цивилизации]. *习近平外交思想和新时代中国外交* [*Идеи Си Цзиньпина о дипломатии и китайская дипломатия новой эпохи*]. URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2023-08/04/content_97741364.shtml (дата обращения: 25.02.2025).

[25] 习近平：在会见出席中国国际友好大会暨中国人民对外友好协会成立 70 周年纪念活动外方嘉宾时的讲话 [Си Цзиньпин: Речь на встрече с иностранными гостями, присутствовавшими на Китайской международной конференции дружбы, посвящённой 70-летию Китайского народного общества дружбы с зарубежными странами]. *中国政府网* [*Сайт правительства КНР*], 11.10.2024. https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202410/content_6979446.htm (дата обращения: 11.04.2025).

форумом, на котором будет обсуждаться концепция СЕСЧ[26] с точки зрения участия женщин в её формировании.

Заключение

Пророческие слова Цзян Цзэминя, произнесённые в 2002 г., о том, что первые два десятилетия XXI в. станут периодом важных стратегических возможностей для Китая, подтвердились. Представитель пятого поколения китайских руководителей Си Цзиньпин демонстрирует новые возможности поднимающегося Китая как во внутренней политике, так и на международной арене, подчёркивая их тесную взаимосвязь.

Предложенная Си Цзиньпином концепция сообщества единой судьбы человечества стала центральной частью внешнеполитической стратегии Китая на современном этапе. Она воплотила в себе мировоззрение китайских коммунистов, их взгляды на порядок и ценности современного мира. Как новая парадигма развития с китайской спецификой, направленная на реформирование глобального управления, концепция находит отражение в многочисленных выступлениях китайского лидера в КНР и за рубежом, а также в документах, разного рода коммюнике, декларациях и заявлениях по итогам коллективных мероприятий – т.е. получила звучание в мире, независимо от того, поддерживают ли её те или иные мировые игроки.

Главным проводником и пропагандистом концепции СЕСЧ выступает её автор – первое лицо государства, генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин. Он продолжает развивать и вносить новые нюансы в идею, соединяет идеи концепции СЕСЧ со своими новыми «глобальными инициативами», взглядами на развитие культуры, сотрудничеством на основе Пяти принципов мирного сосуществования по линии общественной дипломатии и т.д.

Концепция появилась как стремление КНР показать свою роль крупной державы, несущей ответственность не только за себя, но и за судьбы мира, намерения строить справедливый мир. Китай неизменно связывает успех продвижения концепции создания СЕСЧ с осуществлением китайской мечты и успехами страны на пути модернизации с китайской спецификой. В концепции СЕСЧ отражается китайское видение будущего планеты в политике, экономике, безопасности, культуре, экологии и его планы сформировать новую систему глобального управления. Одновременно Китай даёт понять, что он намерен занять подобающую второй экономике мира позицию, принимать более активное участие в решении мировых проблем, при этом не разрушать существующую международную систему, а обновить и стимулировать её развитие. В последние годы КНР все чаще берёт на себя инициативу вносить предложения по реформированию системы глобального управления, выступать с ними в международных организациях.

Прошедшие годы показали, что концепция СЕСЧ дифференцированно используется Китаем для развитых и развивающихся стран, неоднозначно воспринимается в мире. Лучше всего реагируют развивающиеся страны, ощущающие реальный эффект от сопровождающей создание СЕСЧ помощи по линии инициативы ОПОП. В отношении России Си Цзиньпин рассматривает взаимодействие во внешней политике с нашей страной как фактор,

[26] 王毅：中国将再次召开全球妇女峰会 [Ван И. Китай вновь проводит Конференцию по положению женщин]. *外交部* [*МИД КНР*], 07.03.2025. URL: https://www.mfa.gov.cn/wjbz_673089/xghd_673097/202503/t20250307_11570222.shtml (дата обращения: 02.04.2025).

способствующий формированию лучшего будущего для всего мира [Си Цзиньпин. О создании…: 438–442].

Концепция не получила общемирового признания, хотя у китайских авторов часто звучат суждения о том, что она «переросла из китайской инициативы в международный консенсус, из прекрасного видения в богатую практику»[27], «международное сообщество возлагает беспрецедентные надежды на голос и решения Китая»[28].

Примечательно, что, появившись «для внутреннего потребления», концепция СЕСЧ стала центром внешнеполитической стратегии Китая, а в то время, когда при нынешней тайваньской администрации растёт напряжённость в межпроливных отношениях, она вновь прозвучала во внутрикитайском контексте. В 2024 г. журнал «Цюши» опубликовал статью Си Цзиньпина[29], в которой главным направлением национальной работы КПК заявлено укрепление осознания общности китайской нации и создание её сообщества с учётом особенностей современного этапа[30].

Термин «сообщество» широко используется в исследованиях по международным вопросам. Но в том максимально широком контексте, которое ему придал Си Цзиньпин, он может считаться концептуальной инновацией, применимой практически к любым сферам и формам международного взаимодействия.

Продвижение концептов СЕСЧ за рубежом зависит от реакции остального мира – принять ли китайскую концепцию и на каких принципах строить в будущем межгосударственные отношения. Акцент на идеологической составляющей, который просматривается во внешнеполитической деятельности КНР в последние годы (например, культурная концепция 2023 г.), может осложнить продвижение СЕСЧ [Верченко 2024]. Однако отвергать эту концепцию, называя её пустой или неопределённой пропагандой, не спешат даже западные политологи [Tobin 2018: 155]. Исходя из политических амбиций Китая, его настойчивости и системности в проведении намеченного курса, совершенно очевидно, что государство не откажется от своей стратегии и будет продвигать в мире идею создания сообщества единой судьбы человечества по всем возможным каналам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Верченко А.Л. «Диалог КПК с миром» как платформа для продвижения идеи «сообщества единой судьбы человечества» // Учёные записки Отдела Китая ИВ РАН. Общество и государство в Китае. Т. XLIX. М.: Институт востоковедения РАН, 2019. С. 555–565.

[27] 阮宗泽：中国方案助推全球治理转型 [Жуань Цзунцзэ. Китайские программы помогают трансформировать глобальное управление]. *中国共产党新闻网* [*Новостной сайт КПК*], 29.12.2016. URL: http://theory.people.com.cn/n1/2016/1229/c40531-28984901.html (дата обращения: 15.03.2025).

[28] 杜占元．着力加强国际传播能力建设 [Ду Чжаньюань. Сосредоточить усилия на укреплении международной коммуникации]. *人民日报* [*Жэньминь жибао*], 07.12.2023. URL: https://www.aisixiang.com/data/147823.html (дата обращения: 20.03.2025).

[29] Статья является частью выступления Си Цзиньпина на 9-й коллективной учёбе членов ПБ ЦК КПК в 2023 г.

[30] 习近平．铸牢中华民族共同体意识 推进新时代党的民族工作高质量发展 [Укреплять чувство общности китайской нации и содействовать качественному развитию национальной работы партии в новую эпоху]. *求是* [*«Цюши»*], 31.01.2024. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2024-01/31/c_1130069364.htm (дата обращения: 20.03.2025).

Верченко А.Л. Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» и дипломатия первого лица // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. Т. 27. № 27. С. 71–83. DOI 10.48647/IFES.2022.60.79.027

Верченко А.Л. Культурная концепция Си Цзиньпина: для Китая и мира // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. Т. 29. № 29. С. 104–122. DOI 10.48647/ICCA.2024.18.89.008

Верченко А.Л. Продвижение Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 6–18. DOI 10.24411/2686-7702-2020-10001

Волошина А.В. Перспективы американо-китайских отношений в свете президентских выборов 2020 г. в США // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее 2021. М.: ИДВ РАН, 2022. С. 24–33. DOI 10.48647/IFES.2021.87.68.002

Ломанов А.В. Новые концепции китайской внешней политики // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12 (725). С. 8–18.

Помозова Н.Б. «Сообщество единой судьбы»: эволюция внешнеполитической концепции Китая (конец 1990-х гг. – наст. вр.) // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2019. № 2. С. 76–88.

Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2021. Т. 3. 838 с.

Си Цзиньпин. О создании сообщества единой судьбы человечества. Чжунъян бяньи чубаньшэ, 2021. 691 с.

REFERENCES

Lomanov A.V. (2017). Novyye kontseptsii kitayskoy vneshney politiki [New concepts of Chinese foreign policy]. *Aziya i Afrika segodnya* [*Asia and Africa Today*], 12 (725): 8–18. (In Russian).

Pomozova N.B. (2019). “Soobshchestvo yedinoy sud'by”: evolyutsiya vneshnepoliticheskoy kontseptsii Kitaya (konets 1990-kh gg. – nast. vr.) [“Community with a shared future for mankind”: evolution of China's foreign policy concept (late 1990s – present)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [*RSUH/RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations*], 2: 76–88. (In Russian).

Verchenko A.L. (2019). “Dialog KPK s mirom” kak platforma dlya prodvizheniya idei “soobshchestva yedinoy sud'by chelovechestva” [“The CPC’s dialogue with the world” as a platform to promote the idea of “Community with a shared future for mankind”]. In: *Uchenyye zapiski Otdela Kitaya IV RAN. Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye* [*Scientific Notes of the Department of China, Institute of Oriental Studies RAS. Society and State in China*], vol. XLIX. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS. P. 555–565. (In Russian).

Verchenko A.L. (2022). Kitayskaya kontseptsiya “soobshchestva yedinoy sud'by chelovechestva” i diplomatiya pervogo litsa [China’s “Community with a shared future for mankind” concept and the first person’s diplomacy]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* [*China in World and Regional Politics. History and Modernity*], 27: 71–83. (In Russian). DOI 10.48647/IFES.2022.60.79.027

Verchenko A.L. (2024). Kul'turnaya kontseptsiya Si Tszin'pina: dlya Kitaya i mira [Xi Jinping’s cultural concept: for China and the world]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* [*China in World and Regional Politics. History and Modernity*], 29: 104–122. (In Russian). DOI 10.48647/ICCA.2024.18.89.008

Verchenko A.L. (2020). Prodvizheniye Kitayem idei “soobshchestva yedinoy sud'by chelovechestva” [China's promotion of the idea of “Community with a shared future for mankind”]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 1: 6–18. (In Russian). DOI 10.24411/2686-7702-2020-10001

Voloshina A.V. (2022). Perspektivy amerikano-kitayskikh otnosheniy v svete prezidentskikh vyborov 2020 g. v SSHA [Prospects for U.S.–China relations in the light of the 2020 U.S. presidential election]. In: *Vostochnaya Aziya: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye 2021* [*East Asia: Past, Present and Future 2021*]. Moscow: Institute of Far Eastern Studies RAS. P. 24–33. (In Russian). DOI 10.48647/IFES.2021.87.68.002

Xi Jinping (2021). *O gosudarstvennom upravlenii* [*The Governance of China*]. Vol. 3. Beijing: Foreign Languages Press, 838 p. (In Russian).

Xi Jinping (2021). *O sozdanii soobshchestva yedinoy sud'by chelovechestva* [*On Building the Community with a shared future for mankind*]. Beijing: Zhongyang Bianyi Chubanshe, 691 p. (In Russian).

* * *

Chen Zhaohe (2017). The Chinese Cultural Root of the Community of Common Destiny for All Mankind. *Proceedings of the 4th International Conference on Education, Language, Art and Intercultural Communication (ICELAIC 2017).* Series: *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 142: 718–722. DOI 10.2991/icelaic-17.2017.166

Tobin L. (2018). Xi's Vision for Transformation Global Governance: a Strategic Challenge for Washington and its Allies. *Texas National Security Review*, 2 (1): 154–166.

Zhang Denghua (2018). The Concept of 'Community of Common Destiny' in China's Diplomacy: Meaning, Motives and Implications. *Asia & the Pacific Studies*, 4 (2): 196–207.

Поступила в редакцию:	13.05.2025	Received:	May 13, 2025
Принята к публикации:	02.06.2025	Accepted:	Jun 2, 2025

DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-75-89

Отношения Японии и США с Таиландом: различаются ли стратегии взаимодействия?

Кокарев Кирилл Андреевич[1]

[1] МГИМО МИД России

Аннотация. В статье рассматриваются и противопоставляются друг другу японо-таиландские и американо-таиландские отношения. Сделана попытка доказать тезис о том, что японское руководство по-своему, не ориентируясь на крупнейшего союзника в лице США, формулирует политику в отношении Таиланда. Данная проблема является крайне актуальной, поскольку на сегодняшний день Таиланд проводит осторожную политику лавирования между КНР и «коллективным Западом». Автор настаивает на том, что, хотя подходы Японии и США к Юго-Восточной Азии, ввиду ранее существовавшей биполярной системы и нынешнего усиления Китая в регионе, никогда существенно друг другу не противоречили, они всё же предполагают разные механизмы воздействия на другие страны, в том числе на Таиланд. Для США характерно военно-политическое сотрудничество, а для Японии – экономическое. Более того, Япония и США, будучи противниками во Второй мировой войне, дали старт современным отношениям с Таиландом с разных точек. Для демонстрации параллельности развития двусторонних диалогов автор в хронологическом порядке рассмотрел основные движущие мотивы этих государств при выстраивании отношений с Таиландом со времён Второй мировой войны. Автор заключает, что для Японии ключевой интерес во взаимодействии с данным государством – экономический, в то время как США долгое время в качестве приоритета выбирали концепцию прав человека, которая обосновала более жёсткую, нежели у Японии, критику в отношении военных переворотов 2006 и 2014 гг. в Таиланде.

***Ключевые слова*:** Япония, Таиланд, США, японо-таиландские отношения, американо-таиландские отношения, японо-американские отношения, автономность внешней политики Японии, военные перевороты в Таиланде.

***Автор*:** *Кокарев Кирилл Андреевич*, студент, МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, 76). ORCID: 0009-0004-6023-9459. E-mail: SC2010BKokarevKirill@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Кокарев К.А. Отношения Японии и США с Таиландом: различаются ли стратегии взаимодействия? // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 2. С. 75–89. DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-75-89

Japan and the US in Thailand: do cooperation strategies differ?

Kokarev Kirill A.[1]

[1] Moscow State Institute of International Relations

Abstract. The article analyses and contrasts Japan-Thailand and US-Thailand relations. It attempts to prove a thesis that the Japanese leadership formulates the policy towards Thailand in its own way, without regard for its key ally, namely the US. This problem tends to be of high relevance, since currently Thailand is attempting to cautiously maneuver between the PRC and the so-called "collective West". The author insists that, although Japan's and the US approaches towards the Southeast Asia countries have never substantially contradicted each other (due to the previously existing bipolar system and China's currently increasing presence in the region), they imply different methods of influencing other countries, including Thailand. It is characteristic of the US to practice military-political cooperation, while Japan rather resorts to economic cooperation. Furthermore, Japan and the US, due to the confrontation during the Second World war, had different starting points for modern relations with Thailand. In order to showcase that bilateral dialogues have evolved independently, the author examines Japan's and the US main driving forces when building relations with Thailand in a chronological order, from the Second World war onwards. The author concludes that Japan's key interest in Thailand is economy, while the US has consistently prioritised human rights, which laid the foundation for the US to criticise the military coups of 2006 and 2014 in a harsher way.

***Keywords*:** Japan, Thailand, the US, Japan-Thailand relations, US-Thailand relations, Japan-US relations, the autonomy of Japan's foreign policy, Thai military coups.

***Author*:** *Kokarev Kirill A.*, student, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0009-0004-6023-9459. E-mail: SC2010BKokarevKirill@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

***For citation*:** Kokarev K.A. (2025). Otnosheniya Yaponii i SSHA s Tailandom: razlichayutsya li strategii vzaimodeystviya? [Japan and the US in Thailand: do cooperation strategies differ?]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 7 (2): 75–89. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-75-89

Введение

Широкое распространение получило мнение о том, что, поскольку союз с США определяется в программных документах японского правительства как «краеугольный камень» национальной политики в области безопасности[1], внешняя политика Токио во всём согласуется с курсом Вашингтона. В последнее время одним из аргументов в пользу этой точки зрения выступает тезис о том, что обе страны стоят перед общей угрозой в лице Китая, который стремительно усиливает свои позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Так, в Стратегии национальной безопасности США 2022 г. упоминается, что политика Китая

[1] National Security Strategy of Japan. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*, Dec 2022. URL: https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf (accessed: Mar 10, 2025).

является «самой серьёзной угрозой безопасности США»[2], а в ежегодном отчёте за 2024 г., посвящённом оборонной политике Японии, деятельность КНР названа «предметом серьёзной озабоченности Японии и международного сообщества» в силу того, что она «бросает главный стратегический вызов»[3]. Наличие общей угрозы даёт основание считать, что Япония проводит согласованную с США политику в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Тем не менее история японской дипломатии знает немало случаев, когда интересы страны не во всём совпадали, а зачастую и вступали в противоречие с интересами США. Например, Япония традиционно поддерживает дружеский диалог с Ираном, в то время как американо-иранские отношения были разорваны 40 лет назад и на сегодняшний день так и не восстановлены. Другим интересным примером является отличный от американского подход Японии к деятельности Международного уголовного суда (МУС): если США в нём не участвуют и всячески его критикуют[4], то Япония остаётся крупнейшим финансовым донором этой организации (в 2023 г. сумма её взносов составила свыше 25 млн евро; таким образом, японская доля в общей сумме взносов составила почти 16 %)[5], а в 2024 г. председателем МУС стала японка Аканэ Томоко.

Подходы Японии и США к отношениям со странами Юго-Восточной Азии (далее – ЮВА) различаются не очень сильно, чему немало способствует общая мотивация, связанная со стремлением не допустить доминирования Китая в этом регионе. Однако единство цели предполагает различные методы её достижения. США делают акцент на военно-политический компонент отношений со странами ЮВА, в то время как Япония фокусирует внимание на экономической сфере. Это лучше соответствует национальным интересам страны, которая направляет бюджетные инвестиции в государства региона с целью создания более благоприятных условий для прихода сюда своих же компаний. Япония преследует двуединую цель: ослабить в регионе позиции Китая, предложив странам ЮВА более привлекательные условия реализации инвестиционных проектов, и одновременно укрепить там собственное положение путём наращивания в регионе своего экономического присутствия.

В настоящей работе автор ставит перед собой задачу показать взаимодействие США и Японии в ЮВА, выявить точки соприкосновения и несовпадения позиций. Пример Таиланда интересен по следующим причинам: 1) Таиланд был в довоенное время единственной независимой страной ЮВА и стал союзником Японии во время Второй мировой войны; 2) японо-таиландские и американо-таиландские отношения начались с разных точек, поскольку Япония утратила поддержку среди широких слоёв населения Таиланда после поражения в войне, а США в последние годы войны и в послевоенный период оказали значительную дипломатическую и экономическую поддержку этой стране; 3) различия в политике японского и американского правительств по отношению к Таиланду зримо проявились в их реакции на военные перевороты 2006 и 2014 гг. Более того, подходы

[2] National Defense Strategy of the United States of America. *U.S. Department of Defense*, Oct 27, 2022. URL: https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.pdf (accessed: Mar 10, 2025).

[3] Defense of Japan 2024. *Ministry of Defense*, 2024. URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/index.html (accessed: Mar 10, 2025).

[4] Taylor A. The United States and ICC have an awkward history. *The Washington Post*, Mar 16, 2023. URL: https://www.washingtonpost.com/world/2023/03/16/icc-us-cooperation-international-criminal-court-history/ (accessed: Mar 10, 2025).

[5] Япония – крупнейший финансовый донор Международного уголовного суда. *Nippon.com*, 09.07.2024. URL: https://www.nippon.com/ru/japan-data/h02027/ (дата обращения: 10.03.2025).

Японии и США отличаются тем, что США придают куда большее значение концепции прав человека и демократическим тенденциям в странах региона, тогда как Япония занимает по этому вопросу более сдержанную позицию.

В данной статье автор опирается на историко-проблемный и историко-хронологический методы. Уместность использования последнего связана с тем, что отличия в приоритетах и подходах Японии и США при выстраивании политики по отношению к Таиланду хорошо проявлялись в исторической ретроспективе и потому могут быть проанализированы синхронно. Автор исходит из того, что Япония выбирала средства и методы реализации политики по отношению к ЮВА самостоятельно и не всегда согласовывала её с заокеанским партнёром, хотя вопросы экзистенциальной важности для США и учитывались при принятии крупных внешнеполитических решений.

Подходы Японии и США к отношениям с Таиландом в годы Второй мировой войны и послевоенное время

В контексте отношений с Японией на фоне других стран ЮВА Таиланд примечателен тем, что в годы Второй мировой войны стал её союзником. На тот момент Таиланд был единственным независимым государством ЮВА (остальные всё ещё находились под колониальным управлением Великобритании, Франции и некоторых других западных государств) и имел возможность самостоятельно определять необходимость вступления в военные действия и выбирать сторону в конфликте. Тем не менее при выработке своей позиции государство было вынуждено учитывать военно-политическое доминирование Японии в регионе. Экспансионистская политика не обошла стороной Таиланд: Япония выдвинула ему ультиматум о пропуске японских войск через территорию страны в день нападения на Перл-Харбор. Ещё в самом начале войны, в 1939 г., Таиланд объявил о своём нейтралитете, а уже в конце декабря 1941 г. подписал с Японией наступательно-оборонительный пакт о союзе. На этом фоне, будучи связанным союзническими отношениями, в конце января 1942 г. Таиланд объявил войну США и Великобритании [Фомичева 2015: 149–150].

Стоит понимать, что присоединению Таиланда к военным действиям на стороне Японии, в числе прочего, способствовали политические настроения, преобладавшие на тот момент в руководстве и обществе страны. К тому времени у населения Таиланда ещё не сложилось единого мнения по отношению к Японии, и с целью усиления прояпонских настроений представители политической верхушки выступали с публичными заявлениями, в которых оправдывали её политику. Главной причиной привлекательности экспансионистской Японии для руководства стран ЮВА стала война под лозунгом борьбы с «белыми колонизаторами». Если в Китае и Корее, наиболее сильно пострадавших от японской агрессии, японцы сами обрели имидж колонизаторов, «то в ЮВА они пришли под лозунгом “Азия для азиатов”» [Гришачев 2024: 50].

Должно быть, ключевую роль в популяризации японских экспансионистских устремлений сыграл тогдашний премьер-министр Таиланда Пибунсонграм (1938–1944), который решил при опоре на Японию создать «великое тайское государство», в которое вошли бы земли, населённые народами, говорящими на тайских языках, а также находившиеся некогда в вассальной зависимости от Таиланда. Государству действительно

удалось присоединить ряд «исторических» земель, однако по итогам войны их пришлось вернуть под давлением стран-победительниц, ещё сохранявших свои колонии в регионе. Великобритания грозилась принять ответные меры и не соглашалась с условиями нового таиландского правительства, которое пришло к власти в результате свержения Пибунсонграма в 1944 г. (этому способствовали антияпонские настроения, усиливавшиеся в стране с каждым новым военным поражением Японии). Тем не менее дипломатическую поддержку и посредничество в этом вопросе оказали Соединённые Штаты. Также по итогам войны они предоставили Таиланду существенную экономическую помощь [Chandler et al. 1987: 387–388].

Таким образом, в первые послевоенные годы Таиланд установил партнёрские отношения как с Японией, так и с США. Несмотря на то, что союз с региональной державой был инициирован самой Японией, а также отдельными прояпонски настроенными гражданами Таиланда, и не принёс ожидаемых результатов, страны достаточно быстро перешли к активному диалогу. Во-первых, этому способствовало то, что присутствие японских войск на территории Таиланда не привело к трагическим последствиям такого же масштаба, как в других странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Агрессия Японии в первую очередь была направлена на соседние государства, поэтому ей не пришлось брать Таиланд силой. В связи с этим, как отмечает специалист по японо-таиландским отношениям Дэвид Мэлитц, «современный японо-таиландский диалог не омрачён темами принудительного труда и сексуального рабства», которые часто поднимают на повестку дня страны Восточной Азии. Как следствие, даже некоторые «ревизионистские настроения Синдзо Абэ не получили значительного освещения в Таиланде» [Malitz 2022]. Во-вторых, оправдалась японская ставка на местных националистов, которые видели в союзе с Японией возможности укрепления собственного государства. В-третьих, в её пользу стали говорить двусторонние экономические отношения. В 1954 г. Япония присоединилась к Плану Коломбо по оказанию экономической помощи странам Азиатско-Тихоокеанского региона, в рамках которого стала предоставлять Таиланду гранты и кредиты, а также направлять туда своих специалистов и волонтёров. В свою очередь Таиланд стал направлять стажёров в Японию. Это сотрудничество значительным образом стимулировало экономику Таиланда, особенно в свете «японского чуда» 1950–1970-х гг. Больше всего Япония инвестировала в инфраструктуру и транспорт Таиланда[6].

В 2021 г. Таиланд находился на 11 месте по японским небезвозмездным финансовым вложениям в техническое сотрудничество – тогда Япония инвестировала 18,5 млн долл.[7] В эту область. Таиланд по этому показателю уступил ряду других стран ЮВА (Филиппины, Вьетнам, Индонезия, Мьянма, Камбоджа), однако подавляющее большинство из них (кроме Индонезии) по классификации Всемирного банка на 2024 г. всё ещё являлись странами с уровнем доходов ниже среднего. В то же время Таиланд уже был определён как страна

[6] 70’s Anniversary of Japan’s ODA in Thailand. *JICA*, 2025. URL: https://www.jica.go.jp/Resource/thailand/english/office/others/anniversary/70th_photobook.pdf (accessed: Mar 15, 2025).

[7] ２０２２年版　開発協力　参考資料集 [Сборник справочных материалов по деятельности в сфере сотрудничества в целях развития, издание 2022 г.]. *外務省　国際協力局* [*Отдел международного сотрудничества министерства иностранных дел*, 2022]. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/100571001.pdf (дата обращения: 15.03.2025).

с уровнем доходов выше среднего[8], а среднего уровня доходов государство достигло ещё в 2011 г. [Malitz 2022]. Как представляется автору, заслуга Японии в достижении Таиландом этих показателей весьма велика.

Японии и Таиланду удалось быстро наладить отношения в силу прагматизма таиландской стороны. Бывший министр иностранных дел Таиланда Касит Пиромья отмечает, что «разногласия и обиды [со времён Второй мировой войны. – *Прим. авт*.] не были забыты». Однако, по его словам, страны «отложили их в сторону, чтобы двигаться дальше вместе» и в результате «на протяжении всего периода холодной войны… имели схожее видение мира и общую решимость противостоять угрозе распространения коммунизма»[9].

Похожим образом развивался диалог Таиланда с Соединёнными Штатами, которые за счёт дипломатических усилий и победы над Японией изначально имели даже больше шансов на сближение с Таиландом. Как отмечает Пол Чемберс, преподаватель из США в Университете Наресуан (Таиланд) и специалист по ЮВА, «Таиланд и США имели максимально тесные отношения в сфере обороны и экономики на протяжении десятилетий в силу антикоммунистических позиций и приверженности свободному рынку»[10].

Однако на определённом этапе американо-таиландский диалог стал менее интенсивным. Во-первых, в 1969 г. президент США Ричард Никсон очертил контуры того, как в дальнейшем будут строиться отношения Вашингтона с союзниками в Азии. Впоследствии политика президента получила название «Доктрина Никсона», или «Гуамская доктрина», и сводилась она к тому, что США рассчитывают на бóльшую самостоятельность своих союзников в обеспечении собственной безопасности. Во-вторых, в 1975 г. Южный Вьетнам потерпел окончательное поражение от Севера, осуществившего объединение страны. После неудачной войны во Вьетнаме США значительно сократили своё присутствие во всём регионе. По словам Скотта Марсиэла, работавшего послом США в АСЕАН (2007–2010) и в отдельных странах региона, а также бывшего приглашённым экспертом по ЮВА в Исследовательском центре Азии и региона Тихого океана (2020–2022) и научным сотрудником в Институте международных исследований Фримана Спогли (2022–2024), это «оставило власти Таиланда в замешательстве и пошатнуло их уверенность в Вашингтоне», в результате чего Таиланд активизировал свои усилия по диверсификации дипломатических контактов. Перспективным партнёром в рамках этой политики представлялся в том числе Китай [Marciel 2023]. В-третьих, в 1991 г. завершилась холодная война и общий враг в лице Советского Союза исчез. Более того, вышеупомянутый Пол Чемберс также отмечает, что «с той поры американские политики отдавали приоритет демократии и защите прав человека», что вступало в противоречие с внутренней политикой Таиланда[11]. Таким образом, с конца 1960-х – начала 1970-х гг. США стали занимать более дистанцированную позицию по отношению к Таиланду.

[8] Согласно сайту *The World Population Review*. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/middle-income-countries (дата обращения: 16.03.2025).

[9] Piromya K. New realities in Japan-Thailand ties. *The Bangkok Post*, Aug 15, 2024. URL: https://www.bangkokpost.com/opinion/opinion/2847557/new-realities-in-japan-thailand-ties (accessed: Mar 16, 2025).

[10] Chambers P. Thai-US Relations: Amity With Some Caveats. *Fulcrum*, May 28, 2024. URL: https://fulcrum.sg/thai-us-relations-amity-with-some-caveats/ (accessed: Mar 16, 2025).

[11] Chambers P. Thai-US Relations: Amity With Some Caveats. *Fulcrum*, May 28, 2024. URL: https://fulcrum.sg/thai-us-relations-amity-with-some-caveats/ (accessed: Mar 16, 2025).

В отличие от американо-таиландских отношений диалог Японии и Таиланда не претерпел существенных изменений. В первую очередь Таиланд рассматривал Японию в качестве инвестора и донора, особенно на фоне её экономических успехов 1950–1970-х гг. В отличие от США Япония не делала ставку на военно-политический компонент в диалоге. Проблемы могли возникнуть исключительно в экономической сфере, что и произошло в 1972 г., когда тайская молодёжь, недовольная доминирующим положением японских компаний в стране (на тот момент в Таиланде 3 машины из 4 и 8 электроприборов из 10 были японского производства; 40 % импорта были поставками из Японии, но лишь ничтожная часть общего японского экспорта шла в Таиланд[12]), устроила бойкот японским товарам. Впрочем, японская дипломатия довольно быстро разрешила данный вопрос [Malitz 2022].

Таким образом, хотя по итогам Второй мировой войны США имели более уверенные позиции в регионе, к началу нового столетия Таиланд стал рассматривать Японию как более надёжного партнёра. США как страна, опиравшаяся на политический и военный потенциалы, в полной мере их не реализовала и сократила своё присутствие в ЮВА. В 1991 г. также исчезла общая для США и Таиланда угроза в лице СССР, что лишило Вашингтон дополнительного аргумента в пользу предложений о сотрудничестве. По той же причине потерял своё принципиальное значение для Соединённых Штатов и Таиланд.

Япония как страна, опиравшаяся на экономический потенциал, успешно его реализовала, став главным партнёром Таиланда в торговле и инвестиционном сотрудничестве. США, в свою очередь, не стали прилагать активных усилий по развитию экономических отношений с Таиландом. Во время финансового кризиса в Азии в 1997–1998 гг. Вашингтон предоставил Таиланду минимальную помощь и «призвал его следовать строгим предписаниям Валютного фонда», в то время как Пекин оказал гораздо более существенную поддержку [Marciel 2023], что ещё сильнее сблизило страну с Китаем и отдалило от США.

Реакция Японии и США на военные перевороты в Таиланде в 2006 и 2014 гг.

Акцент Вашингтона на демократии и правах человека оказал существенное влияние на восприятие американским истеблишментом двух военных переворотов, произошедших в Таиланде – в сентябре 2006 г. (далее – первый переворот) и в мае 2014 г. (далее – второй переворот). Оба события вызвали критику США и привели к сокращению американской военной помощи, ограничению участия в совместных учениях, а также к отказу США от принятия новых двусторонних соглашений[13].

Если говорить о публичных заявлениях, реакция США на первый переворот была менее резкой. События 2006 г. прокомментировали пресс-секретарь Белого дома Тони Сноу и один из представителей Госдепа США Том Кейси[14]. В 2014 г. действия таиландских военных осудил Госсекретарь США Джон Керри, который в своём официальном заявлении

[12] Thai Attempt at Boycott Of Japanese Goods Fails. *The New York Times*, Nov 25, 1972. URL: https://www.nytimes.com/1972/11/25/archives/thai-attempt-at-boycott-of-japanese-goods-fails.html (accessed: Mar 16, 2025).

[13] Chambers P. Thai-US Relations: Amity With Some Caveats. *Fulcrum*, May 28, 2024. URL: https://fulcrum.sg/thai-us-relations-amity-with-some-caveats/ (accessed: Mar 16, 2025).

[14] White House slams Thai coup. *The Gainesville Sun*, 2006. URL: https://eu.gainesville.com/story/news/2006/09/21/white-house-slams-thai-coup/31496707007/ (accessed: Mar 21, 2025).

признался, что «разочарован» и «обеспокоен» сложившейся ситуацией, а также использовал формулировку «настаиваю на немедленном восстановлении гражданского правления»[15]. Выступление его заместителя по делам Восточной Азии и Тихого океана Дэниела Рассела, состоявшееся спустя 4 месяца после произошедшего, спровоцировало ответную реакцию со стороны руководства Таиланда: лидер хунты Прают Чан-Оча был, по его признанию, «расстроен», а министр иностранных дел Таиланда вызвал поверенного в делах США, чтобы «выразить ему недовольство». Старший преподаватель Квинслендского университета (Австралия) Патрик Джори, специализирующийся на истории ЮВА, отмечает, что подобная позиция США в глазах таиландской хунты выглядела «предательством»[16].

Переворот 2006 г. привёл к менее серьёзным, чем в 2014 г., последствиям и для совместных военных учений. После первого переворота сотрудничество между Таиландом и США в этом направлении развивалось без заметных изменений. В то же время одни из крупнейших учений в ЮВА, Cobra Gold, которые ежегодно проходят в Таиланде, хотя и были проведены в 2015 г., всё же вызвали большие сомнения среди представителей американского руководства [Poling 2014]. В знак протеста Соединённые Штаты пошли на сокращение числа военных, которые приняли участие в Cobra Gold. Если в 2014 г. оно составляло 8000 человек, то в 2015 г. лишь 3700 американских военных прибыло в Таиланд[17]. Впрочем, это, пожалуй, стало единственной неприятностью для тайской стороны, потому что негативное восприятие переворотов не сказалось на проведении других учений – в том числе Cope Tiger при участии США, Таиланда и Сингапура. Число задействованных лиц практически не изменилось, а местом проведения вновь стал Таиланд.

Тем не менее первый переворот привёл к более серьёзным экономическим последствиям: Вашингтон значительно сократил объём финансовых средств, направляемых в качестве военной помощи (табл. 1). В 2005 г., за год до переворота, военная помощь составила рекордные 23 % от всей финансовой помощи, направленной в этом году Таиланду, или свыше 12 млн долл. в абсолютном выражении. В 2006 г. сумма уменьшилась, но не радикальным образом – до 17 %, что равно почти 8 млн долл. Умеренное сокращение военной помощи можно объяснить тем, что переворот состоялся лишь в сентябре. Сильно изменить общую картину финансовых вложений за 4 месяца было невозможно. Значения последующих годов не превышают 10 %. К 2009 г. военная помощь составила почти 7 млн долл., что всё ещё на 1 млн долл. меньше, чем в год переворота.

В 2013–2016 гг. все суммы колебались в промежутке 4–5 млн долл., лишь в 2014 г. упав до 3 млн долл. (не больше 7 % от всей помощи), что в сравнении с обвалом в 2006–2009 гг. не кажется таким уж резким сокращением[18].

---

[15] Coup in Thailand. Press Statement. *U.S. Department of State*, May 22, 2014. URL: https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/05/226446.htm (accessed: Mar 21, 2025).

[16] Jory P. Does US pressure really risk driving Thailand into China's arms*? The University of Queensland*, Feb 23, 2015. URL: https://www.uq.edu.au/news/article/2015/02/does-us-pressure-really-risk-driving-thailand-chinas-arms (accessed: Mar 21, 2025).

[17] Raksaseri K. Cobra Gold tests Thai-US relations. *The Bangkok Post*, Feb 14, 2017. URL: https://www.bangkokpost.com/thailand/general/1197965/cobra-gold-tests-thai-us-relations (accessed: Mar 7, 2025).

[18] Согласно сайту *ForeignAssistance.gov*. URL: https://www.foreignassistance.gov/cd/thailand/2006/obligations/0 (дата обращения: 07.03.2025).

Таблица 1. Военная помощь США Таиланду в 2005–2009, 2013–2016 гг.

Год	2005	**2006**	2007	2008	2009	2013	**2014**	2015	2016
В млн долл.	12,34	8,77	2,46	4,86	6,95	4,8	3	4,52	4,34
В % от всей помощи	23	17	5	9	10	6	4	7	7

Источник/Source: ForeignAssistance.gov (дата обращения: 07.03.2025).

Возможная причина несоответствия масштабов сокращения военной помощи тому дипломатическому давлению, которое США стали оказывать на Таиланд, кроется в стремлении американского государства сохранить дружественные отношения на фоне ужесточения риторики КНР после того, как в 2013 г. к власти пришёл Си Цзиньпин. С этого времени необходимость сдерживания конкурента стала вынуждать США балансировать между своими геополитическими и дипломатическо-идеологическими интересами.

Проблематика демократии и прав человека никогда не имела принципиального значения для японской внешней политики и дипломатии. Будучи демократическим государством с рядом специфических черт, Япония уделяет гораздо меньшее, нежели США, внимание демократичности режимов в других странах. В этом отношении показательным стало выступление премьер-министра Асо Таро (2008–2009), посвящённое концепции «Пояса свободы и процветания», которое состоялось в июле 2006 г., за 2 месяца до переворота в Таиланде. Несмотря на главный посыл обращения Асо – общность японских и европейских идеалов демократии и рыночной экономики, а также готовность Японии способствовать их становлению в странах Азии и Восточной Европы – премьер-министр также отметил: «Положение дел в странах… разное. Здесь нельзя всех мерить под один размер. Именно поэтому так важен диалог…»[19]. Тем самым премьер-министр обозначил особую позицию Японии, отличающуюся от курса США и стран Европы. Она заключается в том, что становлению устойчивых демократических режимов способствует постепенное создание благоприятных политических и экономических условий, а не дипломатическое давление и применение военной силы.

Помимо прагматичного подхода к повестке прав человека, более сдержанной реакции Японии способствовали её экономические интересы. Согласно докладу Японской организации по развитию внешней торговли, в 2014 г., когда произошёл второй переворот, в Таиланде функционировало свыше 4500 японских компаний, причём на момент 2008 г., спустя 2 года после первого переворота, в стране присутствовало уже около 3900 компаний[20]. На сегодняшний день, по данным Министерства иностранных дел Японии, в Таиланде работает свыше 5800 японских компаний[21]. В период военных переворотов Таиланд также являлся крупнейшим среди стран ЮВА реципиентом японских инвестиций в рамках Официальной помощи в целях развития. Доля Таиланда составила 36 %, а Филиппины,

[19] О «поясе свободы и процветания». Стенограмма выступления Министра иностранных дел Японии Таро Асо по случаю 20-летия создания Японского международного форума (JFIR). *Посольство Японии в России*, 13.07.2006. URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/POLICIES/PERFORMANCE/FOREIGNMINISTER/20070312.html (дата обращения: 24.03.2025).

[20] Results of Survey “Trend Survey of Japanese Companies in Thailand 2014”. *JETRO Bangkok*, Jun 19, 2015. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/thailand/e_survey/pdf/sme_survey_2014.pdf (accessed: Mar 24, 2025).

[21] Согласно сайту *Министерства иностранных дел Японии*. URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/thailand/data.html?utm_source=perplexity (дата обращения: 24.03.2025).

занявшие второе место в этом рейтинге, отставали на 13 %. В свою очередь, Япония являлась крупнейшим инвестором в экономику Таиланда среди всех государств мира. Её доля составила 39 %, а Сингапур и ЕС, занявшие второе и третье место, были представлены на 16 % и 15 % соответственно[22]. В ежегодном отчёте японского МИД “Diplomatic Bluebook” за 2015 г. упоминается, что Таиланд «незаменим для японской экономики ввиду своей ключевой роли в глобальной цепочке поставок»[23].

Оба переворота создавали угрозу срыва крупных совместных экономических проектов. Так, уже в апреле 2007 г. страны подписали соглашение о свободной торговле, которое предполагало ликвидацию тарифов более чем на 90 %[24]. Для этого в Японию был приглашён премьер-министр Таиланда, пришедший к власти в результате переворота – генерал Сураюд Чуланонт [Malitz 2022].

Япония также стала первой страной G7, организовавшей встречи на высоком и высшем уровнях с хунтой в 2014 г. Несмотря на то, что градус критики, как и в случае с США, повысился (в частности, министр иностранных дел Кисида Фумио использовал формулировку «глубоко разочаровывающий переворот», а не просто «разочаровывающий», как это было в 2006 г., а также выражение «Япония настоятельно призывает к восстановлению демократии» – а не «очень надеется» [Malitz 2022]), Токио установил прямые контакты с военным руководством уже спустя 3 месяца. В сентябре 2014 г. состоялась встреча министров иностранных дел на полях Генеральной Ассамблеи ООН, где Кисида Фумио заявил о намерениях Японии поддерживать тесное сотрудничество с Таиландом, а через месяц Абэ Синдзо встретился с новым премьер-министром Таиланда, генералом Праютом Чан-Оча, на саммите «Азия-Европа» в Милане и подтвердил сказанное Кисидой месяц назад[25].

Более серьёзная японская критика событий 2014 г., вероятно вызванная ужесточением позиции США, крайне быстро сменилась на осторожную и мягкую риторику. На следующий же день после своего официального заявления от лица Министерства иностранных дел Кисида Фумио в рамках пресс-конференции подчеркнул, что «политическую систему Таиланда должен определять его народ»[26]. Сдержанным был и Абэ Синдзо, который, несмотря на призывы в его адрес со стороны организаций по правам человека, таких как Human Rights Watch, настаивал в диалоге с Таиландом на отмене цензуры и проведении честных выборов, в официальных заявлениях отмечая: «рассчитываю на примирение [военной хунты. – *Прим. авт.*] с народом и скорейшее возвращение к гражданской форме

[22] Sakai S. Expectations of Japanese Companies in Thailand for the Thailand 4.0. *JCC Bangkok*, 2018. URL: https://www.boi.go.th/upload/content/15.15%20-%2016.30%20(1)%20-%20Mr.%20Soji%20Sakai,%20President,%20Japanese%20Chamber%20of%20Commerce%20(JCC),%20Bangkok_EN_5ab214ec8c6ff.pdf (accessed: Mar 6, 2025).

[23] Diplomatic Bluebook 2015. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*, 2015. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/pp/page24e_000100.html (accessed: Mar 6, 2025).

[24] Согласно сайту *Juslaws.* URL: https://ru.juslaws.com/business-commercial/jtepa (дата обращения: 24.03.2025).

[25] Diplomatic Bluebook, 2015. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*, 2015. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/pp/page24e_000100.html (accessed: Mar 6, 2025).

[26] Ichihara M., Koo J-W., Sahoo N., Pongsudhirak T. Asian Democracies and Thailand’s Military Takeover. *Carnegie Endowment for International Peace**, Oct 15, 2015. URL: https://carnegieendowment.org/research/2015/10/asian-democracies-and-thailands-military-takeover?lang=en (accessed: Mar 7, 2025).

* По решению Минюста Российской Федерации Фонд Карнеги за международный мир внесён в реестр иностранных агентов и перечень нежелательных организаций.

правления»[27]. Конкретных требований японская сторона не выдвигала, избегая более основательной критики по поводу роспуска парламента и введённой в стране цензуры[28].

Это позволило странам уже в 2015 г. подписать Меморандум о сотрудничестве в рамках строительства высокоскоростной железной дороги Бангкок – Чиангмай. В этой сфере Япония столкнулась с серьёзной конкуренцией со стороны Китая, который в том же году подписал с Таиландом рамочное соглашение о железнодорожном сотрудничестве. Укреплявшиеся экономические позиции КНР в Таиланде стали ещё одним фактором лавирования Японии между хунтой и американскими партнёрами.

Реакция Японии и США на военный переворот 2014 г. отображает единство цели в их диалоге с Таиландом: оба государства усматривают в партнёре геополитический интерес сдерживания Китая, который, с их точки зрения, стал создавать более серьёзную угрозу после прихода к власти Си Цзиньпина. Последствия военного переворота 2006 г., напротив, продемонстрировали разницу в подходах стран: США тогда заняли гораздо более жёсткую позицию по линии военных расходов, значительно сократив их объёмы, в то время как Япония в обоих случаях продолжала интенсивный экономический диалог и довольно быстро организовывала прямые политические контакты.

Подходы Японии и США к Таиланду на современном этапе

После того, как в 2017 г. к власти в США пришёл Дональд Трамп, казалось, что Вашингтон определил укрепление военных позиций в рамках соперничества с КНР как более приоритетное направление по сравнению с защитой прав человека. Наиболее явно это отразилось на объёмах предоставляемой военной помощи. В 2016 г. она, как уже упоминалось ранее, составила немногим больше 4 млн долл. (т.е. 7 % от всей финансовой помощи), однако уже к 2017 г. это значение выросло до более чем 11 млн (или 18 % от всей помощи). Это изменение в подходе США к диалогу с Таиландом оказалось не кратковременным. Следующий президент, Джо Байден, сохранил курс предшественника и даже увеличил объёмы предоставляемой помощи. По итогам 2022 г. американская военная помощь Таиланду достигла отметки почти в 26 млн долл. (19 % от всей помощи)[29]. Кульминацией сотрудничества стало достижение Соединёнными Штатами и странами АСЕАН отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства в том же 2022 г.[30].

Тем не менее второй президентский срок Трампа показал, что США, продолжая называть Таиланд «союзником», не отошли от демократической повестки – правда, внимание руководства страны стало сосредоточено скорее вокруг взаимодействия с Китаем, нежели вокруг внутриполитической ситуации в Таиланде. Так, проблемы с транзитом власти

[27] 日本：タイ軍事政権の終結を　強く求めるべき [Япония должна настоятельно потребовать прекращения правления военной хунты в Таиланде]. *Human Rights Watch*, 12.03.2015. URL: https://www.hrw.org/ja/news/2015/03/12/267213 (дата обращения: 07.03.2025).

[28] Ichihara M., Koo J-W., Sahoo N., Pongsudhirak T. Asian Democracies and Thailand's Military Takeover. *Carnegie Endowment for International Peace**, Oct 15, 2015. URL: https://carnegieendowment.org/research/2015/10/asian-democracies-and-thailands-military-takeover?lang=en (accessed: Mar 7, 2025).

[29] Согласно сайту *ForeignAssistance.gov*. URL: https://www.foreignassistance.gov/cd/thailand/2006/obligations/0 (дата обращения: 07.03.2025).

[30] Trinh T.H. Comprehensive strategic partnership, new milestones and prospects for ASEAN-US relations. *Political Theory*, Jun 11, 2024. URL: https://politicaltheory.hcma.vn/comprehensive-strategic-partnership-new-milestones-and-prospects-for-asean-us-relations-6196.html (accessed: Mar 7, 2025).

в Таиланде в 2023–2024 гг. кабинет Байдена комментировать не стал, в то время как депортация нескольких десятков бежавших уйгуров (национальное меньшинство КНР, соблюдение прав которых подвергается сомнению странами Запада) из Таиланда обратно в Китай в феврале 2025 г. вызвала жёсткую реакцию со стороны кабинета Трампа. На сайте Госдепа США появилось официальное обращение госсекретаря Марко Рубио, в котором он заявил, что Соединённые Штаты «самым решительным образом осуждают» действия Бангкока, которые «идут вразрез с приверженностью Таиланда защищать права человека»[31]. Обостряет ситуацию и публичное признание американской стороны в том, что она неоднократно предлагала Таиланду содействие в перемещении удерживаемых уйгуров в другие страны, включая США. Незадолго до этого заместитель министра иностранных дел Таиланда заявлял о том, что подобных предложений не поступало[32].

Вашингтон пошёл дальше дипломатического осуждения: Рубио также объявил о введении санкций в отношении чиновников Таиланда, причастных к депортации, в частности, о визовых ограничениях. Впрочем, о каких и о скольких именно чиновниках шла речь, равно как и в чём конкретно заключались ограничения – госсекретарь не уточнил[33]. Также в марте 2025 г. США оповестили своих граждан о повышенном уровне опасности в Таиланде, ссылаясь на теракт 2015 г., который предположительно совершили организаторы нелегальных перевозок уйгуров из КНР в Турцию через Таиланд. Это предупреждение может нанести существенный урон таиландской туристической индустрии, которая так в полной мере и не восстановилась после пандемии[34]. США могли осознанно пойти на этот шаг, расценив сотрудничество Таиланда и КНР как угрожающее своим интересам.

Япония также оповестила своих граждан о возможных рисках пребывания в Таиланде. Впрочем, помимо китайского фактора, стоит учитывать фактор уйгурской общины в Японии: она не столь крупная, как в США, однако уже насчитывает приблизительно 2000 человек[35] и представлена Японской ассоциацией уйгуров. Более того, её интересы отстаивает Японская парламентская ассоциация по проблемам уйгуров, представители которой нанесли визит вежливости министру иностранных дел Японии Ивая Такэси за месяц до описываемых событий и сообщили о необходимости предотвращения возможной депортации[36]. Обеспокоенность событиями в подобных условиях вполне объяснима. Тем не менее даже в этой ситуации реакция японского руководства оказалась более сдержанной, чем американская. Министр Ивая ограничился тем, что выразил беспокойство и сожаление по поводу случившегося, но

[31] On Thailand's Forced Return of Uyghurs to China. Press Statement. *U.S. Department of State*, Feb 27, 2025. URL: https://www.state.gov/on-thailands-forced-return-of-uyghurs-to-china/ (accessed: May 8, 2025).

[32] Rising D. US says multiple offers were made to resettle Uyghurs before Thailand deported them back to China. *The Associated Press*, Mar 7, 2025. URL: https://apnews.com/article/uyghur-china-deportation-thailand-xinjiang-human-rights-us-state-department-e2ebc26a87e27fafb70c756df83ce630 (accessed: May 8, 2025).

[33] Tang D. US imposes sanctions on Thai officials after Uyghur men are deported China. *The Associated Press*, Mar 15, 2025. URL: https://apnews.com/article/rubio-sanctions-uyghurs-china-thailand-human-rights-f5f3b7d826da44c927eb467901544c98 (accessed: May 8, 2025).

[34] Strangio S. US, Japan Issue Travel Alerts for Thailand After Uyghur Deportation. *The Diplomat*, Mar 3, 2025. URL: https://thediplomat.com/2025/03/us-japan-issue-travel-alerts-for-thailand-after-uyghur-deportation/ (accessed: May 8, 2025).

[35] Согласно докладу *Госдепа США*. URL: https://www.state.gov/reports/2021-report-on-international-religious-freedom/japan/ (дата обращения: 26.03.2025).

[36] Courtesy Call on Foreign Minister Iwaya by Japan Uyghur Parliamentary Association. *The Ministry of Foreign Affairs of Japan*, Jan 30, 2025. URL: https://www.mofa.go.jp/press/release/pressite_000001_00957.html (accessed: May 9, 2025).

не критиковал действия Таиланда прямо[37]. Таким образом, Токио оказался приверженным своему осторожному подходу к критике недемократических тенденций, в то время как США стали балансировать между геополитическими и идеологическими интересами.

Впрочем, изменения наметились в экономике – приоритетном для Японии направлении в отношениях с Таиландом. Дело в том, что Токио стал несколько менее заинтересован в экономическом сотрудничестве с Бангкоком. В середине 2010-х гг. Таиланд был главным получателем японских инвестиций, однако уже на момент 2023 г. на первом месте оказался Сингапур, занимавший лишь 4 место по этому показателю в 2015 г.; на втором теперь находится Вьетнам, который на момент 2015 г. даже не входил в пятёрку крупнейших реципиентов[38]; Таиланд, таким образом, стал третьим. Япония начала уделять большее внимание сотрудничеству с другими странами АСЕАН в связи с их более дешёвой рабочей силой и более благоприятным инвестиционным климатом[39]. Кроме того, многие совместные проекты так и не были реализованы, в том числе вышеупомянутый проект скоростной железной дороги, который японская сторона сочла нерентабельным. КНР, напротив, укрепила позиции в этой сфере и на момент 2020 г. реализовывала с Таиландом два совместных проекта [Фомичева 2020: 132]. Тем не менее, Таиланд – всё ещё очень важный партнёр для Японии с экономической точки зрения. Об этом говорит “Diplomatic Bluebook” от 2024 г., где вновь отмечается роль страны в глобальной цепочке поставок и подчёркивается, что Таиланд стал центром японского производства благодаря работе почти 6000 японских компаний, в том числе автомобильных[40].

В случае с США экономика может стать триггером дополнительной напряжённости в отношениях. «День освобождения» Трампа, подразумевающий введение тарифов на импорт иностранных товаров, коснулся и Таиланда, для которого Соединённые Штаты являются главным рынком сбыта. Президент увеличил пошлины в отношении Таиланда на 36 %, что является десятым показателем в общем списке затронутых стран. Осложняет ситуацию неопределённость действий таиландского руководства, которое уже должно было провести переговоры с Вашингтоном относительно возможного решения ситуации с тарифами, однако несколько раз их переносило, в результате чего Таиланд остался единственной крупной экономикой Азии, не обсудившей эту проблему[41].

---

[37] [日本の懸念を伝達してきた。誠に遺憾だ］ 岩屋外相、タイ政府によるウイグル強制送還で [«Мы сообщили о том, что Япония обеспокоена. Случившееся прискорбно». Министр иностранных дел Ивая – о депортации уйгуров по решению правительства Таиланда]. *産経新聞* [*Газета «Санкэй»*], 28.02.2025. URL: https://www.sankei.com/article/20250228-QE4W5DZKWJKC3KYQBLLU6T7ZGM/ (дата обращения: 09.05.2025).

[38] Согласно сайту *Statista*. URL: https://www.statista.com/statistics/1326974/japan-outward-fdi-flows-asean-by-member-economy/?utm_source=perplexity (дата обращения: 24.03.2025).

[39] Allan J. Thailand struggles to retain status as a leading FDI destination. *Thailand Business News*, Nov 29, 2024. URL: https://www.thailand-business-news.com/investment/177996-thailand-struggles-to-retain-status-as-a-leading-fdi-destination (accessed: Mar 27, 2025).

[40] Diplomatic Bluebook 2024. *The Ministry of Foreign Affairs of Japan*, 2024. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2024/pdf/en_index.html (accessed: Mar 27, 2025).

[41] O’Connor J. Thailand’s obscure negotiation strategy with United States an outlier as PM promises a ‘secret deal’. *Thai Examiner.com*, May 5, 2025. URL: https://www.thaiexaminer.com/thai-news-foreigners/2025/05/05/thailands-obscure-negotiation-strategy-with-united-states-an-outlier-as-pm-promises-a-secret-deal/ (accessed: May 9, 2025).

Заключение

Как показано в настоящей работе, внешнеполитический курс Японии далеко не всегда полностью коррелируется с позицией Соединённых Штатов. Япония, поддерживая своего главного союзника в фундаментальных для него аспектах международной политики, защищает собственные национальные интересы, которые не всегда совпадают с американскими. Прежде всего это экономическое сотрудничество, затрагивающее вопросы торговли и инвестиций.

Современные отношения Японии и США с Таиландом начались с разных точек. К концу Второй мировой войны Таиланд стал рассматривать Японию как агрессора, чья политика, несмотря на союзнические отношения, в итоге не способствовала достижению национальных интересов. Соединённые Штаты, расположившие к себе Таиланд оказанием дипломатической поддержки и предоставлением экономической помощи, сделали ставку на геополитический компонент в двусторонних отношениях. В 1970–1990-х гг., с сокращением военного присутствия США в регионе и распадом СССР, стало ясно, что американо-таиландские отношения приобретают более дистанцированный характер. В то же время Япония, достаточно быстро восстановившая диалог с Таиландом, закрепилась в роли крупнейшего экономического партнёра и донора, и её позиции в этой сфере оказались гораздо более устойчивыми.

В дальнейшем стороны мало отошли от своих изначальных подходов. На примере двух военных переворотов 2006 и 2014 гг. в Таиланде автор пришёл к выводу о том, что США строили свою политику по отношению к этой стране на основании, прежде всего, идей демократии и прав человека, а также действовали в духе соперничества с КНР. Япония тоже конкурировала с Китаем, но скорее в экономической сфере, из которой и исходила при выстраивании отношений с таиландской хунтой.

Небольшие изменения наметились после середины 2010-х гг., когда Соединённые Штаты стали балансировать между геополитическим интересом сдерживания Китая и идеологической приверженностью проблеме прав человека, а интенсивность экономического диалога между Японией и Таиландом несколько сократилась. Тем не менее интересы Японии и США всё ещё параллельны и сходятся только в идее противостояния КНР, однако эта часть японской внешней политики едва ли может рассматриваться как что-то навязанное со стороны Вашингтона. Более того, несмотря на лавирование США, Япония всё ещё остаётся на позициях большей сдержанности в вопросах демократии, а её экономическое сотрудничество с Таиландом хотя и сбавило темпы, но всё же выглядит куда более убедительно на фоне пошлинной политики Трампа.

Таким образом, Токио и Вашингтон по-разному подходят к диалогу с Таиландом. Несмотря на недавнее снижение инвестиционной привлекательности Таиланда для Японии, эта страна наладила некогда испорченный итогами Второй мировой войны диалог именно экономической деятельностью, способствовавшей выходу Таиланда из списка государств с доходами ниже среднего. Интересы японского бизнеса послужили стабилизации двусторонних отношений и после военного переворота 2006 г., а к 2014 г. актуальным стал китайский фактор. В обоих случаях Япония стала первой развитой страной, которая выходила на диалог с военной хунтой, чьи действия японское руководство критиковало сдержанно и скорее формально.

Соединённые Штаты реализуют несколько иной курс. Для них с самого начала Таиланд играл роль сдерживающего фактора, сначала в отношении СССР, затем КНР, причём после распада Советского Союза двусторонние отношения, по словам экспертов, претерпели негативные изменения. Концепция прав человека, никогда не имевшая для внешней политики Японии принципиального значения, в случае с Соединёнными Штатами, особенно после начала 1990-х гг., стала играть против Таиланда, чьи военные перевороты США осудили более жёстко и с материальными последствиями в виде сокращения военной помощи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гришачев С.В. Проблемы исторической памяти во взаимоотношениях Японии со странами Азии: попытки примирения // Японские исследования. 2024. № 2. С. 41–55. DOI 10.55105/2500-2872-2024-2-41-55

Фомичева Е.А. Модернизация транспортной инфраструктуры Таиланда и китайская концепция «пояса и пути» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. Т. 1. № 1 (46). С. 127–137. DOI 10.31696/2072-8271-2020-1-1-46-127-137

Фомичева Е.А. Таиланд во Второй мировой войне и роль СССР // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. Вып. XXVII (№ 27). С. 143–167.

REFERENCES

Grishachev S.V. (2024). Problemy istoricheskoy pamyati vo vzaimootnosheniyakh Yaponii so stranami Azii: popytki primireniya [Problems of the historical past in Japan's relations with the countries of Asia: reconciliation attempts]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2: 41–55. (In Russian).

Fomicheva Ye.A. (2020). Modernizatsiya transportnoy infrastruktury Tailanda i kitayskaya kontseptsiya "poyasa i puti" [Modernization of transport infrastructure in Thailand and the Chinese concept of "Belt and Road"]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya* [*South East Asia: Actual Problems of Development*], 46: 127–137. (In Russian).

Fomicheva Ye.A. (2015). Tailand vo Vtoroy mirovoy voyne i rol' SSSR [Thailand in the Second World War and the role of the USSR]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya* [*South East Asia: Actual Problems of Development*], 27: 143–167. (In Russian).

* * *

Chandler D.P., Roff W.R., Smail J.R.W., Steinberg D.J., Taylor R.H., Woodside A., Wyatt D.K. (1987). *In search of Southeast Asia: a modern history*. Vol. 5. No. 2. Honolulu: University of Hawaii Press. ISBN 0-8248-1110-0

Malitz D.M. (2022). Japanese-Thai Relations through Two Coups: Back to Business. *Kyoto Review of Southeast Asia*. Issue 34.

Marciel S. (2024). Navigating New Realities: The Future of U.S.-Thai Relations. *Journal of Indo-Pacific Affairs*.

Poling G.B. (2014). Southeast Asia from Scott Circle: the case for holding Cobra Gold 2015 in Thailand. *Center for Strategic and International Studies*. Vol. V. Issue 22.

Поступила в редакцию:	15.05.2025	Received:	May 15, 2025
Принята к публикации:	22.05.2025	Accepted:	May 22, 2025

Очерки **Essays**

DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-90-101

О развитии международного туризма в рамках проекта «Великий чайный путь»

Алексахина Светлана Никифоровна[1]

[1] Институт востоковедения РАН

Аннотация. Идея создания международного туристического проекта «Великий чайный путь» появилась в среде сибирской общественности Забайкалья в конце 1990-х гг. после нормализации российско-китайских отношений, прежде всего в целях развития туризма в регионе, имеющем богатейший исторический, культурный и природный потенциал. По этой территории пролегал старинный сибирский торговый путь из России в Китай через Монголию, по которому в XVIII–XIX вв. чай перевозился в страны Европы и Америки.

Впервые на высшем уровне тема международного туризма в рамках туристического проекта «Великий чайный путь» была рассмотрена на саммите БРИКС, проходившем в Уфе летом 2015 г. На трёхстороннем совещании руководителей России, Китая, Монголии были намечены планы по его осуществлению.

В октябре 2024 г. на восьмом совещании руководителей туристических администраций России, Китая и Монголии в Улан-Удэ было достигнуто соглашение о создании единого бренда международного туристического маршрута «Великий чайный путь», который пройдёт по историческому торговому пути XVIII в. Проект «Великий чайный путь» будет способствовать развитию международного туризма, возрождению объектов материального и духовного культурного наследия России, Монголии и Китая.

***Ключевые слова*:** Россия, Китай, Монголия, Великий чайный путь, русско-китайские отношения, культурно-туристические проекты.

***Автор*:** *Алексахина Светлана Никифоровна*, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра изучения современного Китая, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12/1, стр. 1). ORCID: 0009-0009-2537-9866. E-mail: s.aleksahina@ivran.ru

***Конфликт интересов*.** Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Алексахина С.Н. О развитии международного туризма в рамках проекта «Великий чайный путь» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 2. С. 90–101. DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-90-101

On the development of international tourism within the framework of the Great Tea Road project

Aleksakhina Svetlana N.[1]

[1] Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The idea of creating the international tourism project "The Great Tea Road" appeared among the Siberian community of Transbalkalia in the late 1990s after the normalization of Russian-Chinese relations, primarily for the development of tourism in the region, which has a rich historical, cultural and natural potential. The ancient Siberian trade route from Russia to China through Mongolia ran through this territory, along which tea was transported to Europe and America in the 18th–19th centuries.

For the first time, the topic of international tourism within the framework of the Great Tea Road tourism project was considered at the highest level at the BRICS summit held in Ufa in the summer of 2015. The leaders of Russia, China and Mongolia outlined the plans for its implementation at the trilateral meeting.

In October 2024, at the eighth meeting of the heads of tourism administrations of Russia, China and Mongolia in Ulan-Ude, an agreement was reached to create a single brand of the cross-border international tourist route "The Great Tea Road", which will run along the historical trade route of the 18th century. The Great Tea Road project will contribute to the development of international tourism, the revival of objects of material and spiritual cultural heritage of Russia, Mongolia and China.

***Keywords*:** Russia, China, Mongolia, the Great Tea Road, Russian-Chinese relations, cultural and tourist projects.

***Author*:** *Aleksakhina Svetlana N.*, PhD (Economics), Senior Research Fellow, Center for the Study of Modern China, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 107031, Moscow, Rozhdestvenka str., 12/1, building 1). ORCID: 0009-0006-8432-8178. E-mail: s.aleksahina@ivran.ru

***Conflict of interests*.** The author declares the absence of the conflict of interests.

***For citation*:** Aleksakhina S.N. (2025). O razvitii mezhdunarodnogo turizma v ramkakh proekta «Velikiy chaynyy put'» [On the development of international tourism within the framework of the Great Tea Road project] *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 7 (2): 90–101. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-90-101

Введение

Один из пунктов «Программы создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия», подписанной лидерами трёх государств на саммите Шанхайской организации сотрудничества 24 июня 2016 г. в Ташкенте, предусматривал создание трёхстороннего международного туристического проекта «Великий чайный путь»[1]. В рамках проекта было проведено шесть регулярных встреч руководителей туристических ведомств России, Китая и Монголии. Но его успешному осуществлению помешали карантинные ограничения, связанные с пандемией COVID-19. В 2023 г. осуществление проекта возобновилось. 10 октября 2023 г. в китайском городе Ухань на седьмом совещании руководителей туристических ведомств трёх стран был подписан План совместных действий по созданию маршрута «Великий Чайный путь»[2].

[1] Специальный репортаж: Экономический коридор Китай-Монголия-Россия содействует взаимосвязанности в Евразии. *Новости Синьхуа,* 15.07.2016. URL: https://russian.news.cn/2016-07/15/c_135515654.htm (дата обращения: 02.04.2025).

[2] Седьмое совещание руководителей туристических ведомств. *Посольство КНР в РФ*, 16.10.2023. URL: https://vk.com/wall-66846978_17252 (дата обращения: 31.03.2025).

Но дело ограничилось протокольными мероприятиями, и лишь через год 30 октября 2024 г. В Улан-Удэ на восьмом совещании руководителей туристических ведомств трёх стран было наконец подписано Соглашение о развитии туристического маршрута, который повторяет торговый путь экспорта чая XVIII в. из Китая через Монголию, Сибирь, Урал и Поволжье в Москву и Санкт-Петербург [3]. С российской стороны документ подписал замминистра экономического развития России Дмитрий Вахруков, с китайской – замминистра культуры и туризма Чжан Чжэн, с монгольской – госсекретарь министерства культуры, спорта, туризма и молодёжи Адиясурэн Даваажаргал. Подписанный документ включает в себя разработку единого логотипа туристического маршрута «Великий чайный путь», который и был представлен собравшимся на совещании представителям (см. илл. 1). Г-н Вахруков обратил внимание на необходимость проведения бизнес-сообществом трёх стран маркетинговых исследований для того, чтобы этот маршрут был продаваем. Г-н Адиясурэн Даваажаргал предложил в будущем сделать туристический проект «Великий чайный путь» привлекательным не только для туристов из России, Монголии и Китая, но также из других зарубежных стран. Г-н Чжан Чжэн отметил необходимость обмена опытом и обучения туроператоров для дальнейшего совместного сотрудничества и активного внедрения цифровых продуктов с использованием искусственного интеллекта. Он предложил ускорить совместный процесс подачи заявки на включение объектов культурного наследия «Великий чайный путь» в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Следующее девятое совещание руководителей туристических ведомств трёх стран запланировано на 2025 г. в Монголии. Проведение подобных ежегодных совещаний доказало свою эффективность в развитии туристического взаимодействия между странами и гармонично дополнило повестку двусторонних отношений с зарубежными партнёрами.

Илл. 1. Восьмое совещание руководителей туристических ведомств России, Китая и Монголии. 30 октября 2024 г. Улан-Удэ.
Pic. 1. The eighth meeting of the heads of tourism departments of Russia, China and Mongolia. October 30, 2024. Ulan-Ude.

Источник / Source: Mk.ru. URL: https://www.mk.ru/upload/entities/2024/10/30/13/articles/detailPicture/74/60/d7/96/1e02b1f9115f6c26d9a1fc879f30b1db.jpg (дата обращения: 06.05.2025).

[3] Россия, Китай и Монголия создадут трёхсторонний турмаршрут «Великий чайный путь». *Интерфакс,* 30.10.2024. URL: https://www.interfax.ru/world/989388 (дата обращения: 31.03.2025).

«Великий чайный путь» в китайско-российской истории

История появления понятия «Великий чайный путь» представлена в статье известного историка, доктора исторических наук, профессора Сибирского федерального университета Владимира Григорьевича Дацышена [Дацышен 2023]. По его мнению, с которым согласен автор, до XXI в. в российской историографии не существовало понятия «Великий чайный путь» (万里茶道), которое используется в одноимённом туристическом проекте. Оно сформировалось только в начале XXI в. и было принято научной общественностью как России, так и Китая. Под ним понимается торговый транспортный коридор между Европой и Китаем в XVII–XX вв., или северное, проходящее через всю Сибирь направление Великого шёлкового пути, а именно восточная часть старинного сухопутного караванного маршрута из европейской части России через Сибирь к границам Китая и дальше. В Китае путь начинался в Ханькоу (нынешний Ухань) и разделялся на несколько сухопутных и водных маршрутов, которые проходили через более чем 150 городов Китая и России (см. илл. 2). На пути располагались торговые ярмарки. В районе Байкала проходили сухопутные пути через хребет Хамар-Дабан и водные пути по Селенге и Байкалу. Это был самый протяжённый (более 11,5 тыс. км) сухопутный торговый путь, соединяющий Европу и Азию, который являлся «прологом и сегодняшним образцом глобализации» [Захаренко 2022: 380]. В настоящее время «Великий чайный путь» вновь приобретает актуальность благодаря совместным усилиям Китая и России.

Илл. 2. Сибирский чайный путь: маршрут на карте.
Pic. 2. Siberian Tea Way: route on the map.

Источник: Информационный гид Асбеста. URL: https://asbest-gid.ru/_nw/494/s83706558.jpg (дата обращения: 31.03.2025).

Source: Asbest's Information Guide. URL: https://asbest-gid.ru/_nw/494/s83706558.jpg (accessed: Mar 31, 2025).

На саммите БРИКС в Казани, проходившем в октябре 2024 г., председатель КНР Си Цзиньпин на встрече с президентом РФ Владимиром Путиным в Казанском Кремле вновь затронул тему «Великого чайного пути» в китайско-российской истории, отметив важную

роль Казани, через которую примерно 400 лет назад проходил путь, по которому чай из китайского горного региона Уишань (武夷山) (пров. Фуцзянь) доставлялся в Россию[4]. Чай вывозили из Китая по нескольким направлениям. Начинаясь в г. Ханькоу (ныне Ухань), путь шёл через «главные ворота» России в Китай – г. Кяхту, где в то время находилась русская таможня. И далее – через более чем 150 городов доставлялся в Москву, Санкт-Петербург и Европу. Чай доставлялся даже в Русскую Америку (на Аляску), где работала Русско-Американская компания (РАК)[5]. Важным пунктом был китайский город Ханькоу (пров. Хубэй), где русскими купцами, также как и в небольшом городке Янлоудуне, было построено несколько чаеперерабатывающих фабрик, преобразованных в торговые дома, на основе которых вырастали чаеторговые товарищества, впоследствии ставшие акционерными компаниями [Шаронова 2017:153]. Эти компании работали без посредников, имея своих представителей на Лондонской торговой бирже и в странах-производителях чаёв: в Китае, Индии, на Цейлоне. В 1880-х–1890-х гг. Ханькоу был важнейшим центром российско-китайской торговли чаем. В 1896 г. здесь была учреждена русская концессия [Христолюбова 2019: 227].

Благодаря «Чайному пути» пережили эпоху расцвета такие российские города, как Кяхта, Иркутск, Калган и другие. По мнению исследовательницы китайской чайной культуры Ю.С. Христолюбовой, «чайная торговля в течение XVIII – начала XX вв. имела особое значение для экономики России, значительно повлияв на развитие деловой жизни и инфраструктурных преобразований Сибири и Дальнего Востока» [Христолюбова 2021: 216].

Этапы развития международного туризма в рамках проекта «Великий чайный путь»

В 1990-е гг. во многих сибирских регионах Российской Федерации (в Республике Бурятия, Иркутской, Тюменской, Свердловской областях, Пермском крае) начались поиски путей преодоления экономических трудностей, связанных с развалом Советского Союза. Так, в Республике Бурятия научно-исследовательская группа под руководством профессора Московского государственного университета геодезии и картографии, д. географ. наук И.А. Захаренко разработала культурно-исторический проект «Бурятия на Великом чайном пути: мировое культурное наследие». В рамках развития проекта И.А. Захаренко подготовил четыре издания: «Россия, Монголия и Китай на Великом чайном пути», «Бурятия на Великом чайном пути», «Кяхта на Великом чайном пути», «Джидинский район Республики Бурятия на Великом чайном пути» [Захаренко 2022: 381]. Большая научная работа по обоснованию проекта «Великий чайный путь» проходила на базе Байкальского института природопользования Сибирского отделения РАН (г. Улан-Удэ). В исследовании «Туристический маршрут “Великий чайный путь”: проблемы и перспективы развития», подготовленном коллективом авторов под руководством доцента института, к.э.н. Л.Б Максановой, рассмотрены история формирования, современное состояние, проблемы и перспективы развития туристического маршрута «Великий чайный путь».

[4] Си Цзиньпин на встрече с Путиным вспомнил о маршруте Великого чайного пути. *РИА Новости*, 22.10.2024. URL: https://ria.ru/20241022/put-1979407142.html (дата обращения: 02.01.2025).

[5] Кондраше-ва Е. Северный коридор Шёлкового пути. *Большая Евразия*, 21.06.2018. URL: https://gea.site/2018/06/811/ (дата обращения: 18.03.2025).

В первое десятилетие XXI в. произошли важные события, определившие судьбу проекта «Великий чайный путь», который в 2003 г. был одобрен межрегиональной ассоциацией «Сибирское Соглашение»[7] (МАСС). Комиссия по туризму МАСС высоко оценила его роль для продвижения межрегионального и международного сотрудничества в сфере туризма. В результате была разработана концепция проекта развития международного туризма на Чайном пути и началась пропаганда его осуществления в рамках различных выставок и форумов [Максанова 2017: 41]. С 2005 г. в названиях культурных мероприятий, проводившихся в Бурятии, возникает выражение «Чайный путь». А с 2008 г. в регионах Сибири начинается использование бренда «Великий чайный путь», появляются различные организации, мероприятия и проекты с таким названием [Максанова 2017: 43].

По мнению Л.Б. Максановой, важную роль в изучении и становлении проекта «Великий чайный путь» на международном уровне сыграла Монголия. В октябре 2009 г. В монгольской столице Улан-Батор был подписан трёхсторонний протокол о намерении сотрудничества в рамках этого проекта между Республиканским агентством по туризму Республики Бурятия (РФ), Управлением по туризму АРВМ (КНР) и Департаментом туризма Монголии. Практическим результатом протокола стало совместное обследование участков маршрута «Великий чайный путь» в АР Внутренняя Монголия (КНР), в Монголии и в Республике Бурятия и Иркутской области (Россия) осенью 2011 г. [Максанова 2017: 43]. По результатам этой экспедиции в Иркутске в 2013 г. был издан в количестве 2500 экземпляров Атлас, состоящий из трёх разделов: «Китай»; «Монголия»; «Бурятия и Иркутская область» [Великий чайный путь [Карты] 2013].

В 2010 г. на втором Эрляньском экономическом форуме «Развитие транспортно-экономического коридора “От Байкала до Жёлтого моря”», который прошёл в приграничном с Монголией китайском городе Эрляне[8] и собрал более 400 участников из Китая, Монголии (во главе с руководителем Национальной Торгово-Промышленной палаты С. Дэмбэрэлом) и России, представленной Республикой Бурятией и Иркутской областью. На форуме было принято решение обратиться в Деловой совет Шанхайской организации сотрудничества с предложением предоставить «Великому Чайному пути» статус официального туристического проекта ШОС и продвигать его через этот региональный форум одновременно с проектом транспортно-экономического коридора «От Байкала до Жёлтого моря»[9].

В 2012 г. начинается история проведения научно-практических конференций «Великий чайный путь» [Дацышен 2023:137]. В июне 2012 г. в Улан-Удэ на международном форуме «Трансграничное сотрудничество в сфере туризма. Великий Чайный путь», в котором участвовало более 170 российских и зарубежных представителей туриндустрии, учёных и инвесторов, было предложено придать трансграничному туристическому маршруту

[7] Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение» (МАСС) появилась в 1990 г. с целью построения между сибирскими территориями межрегиональной и межотраслевой интеграции в рыночных условиях.

[8] Монголо-китайский погранпереход Замын-Ууд – Эрлянь — один из ключевых пограничных переходов, обеспечивающий перевозки между РФ и Китаем.

[9] Бережных В.В. От Байкала до Жёлтого моря. *Журнал «Китай и Россия»*, 20.10.2010. URL: https://www.pribaikal.ru/rus-china-item/article/5738.html?print=1&cHash=bc2536f836ddba7e310c928ee91625bc (дата обращения: 01.04.2025).

«Великий Чайный путь» статус проекта, который предполагалось реализовать под эгидой Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)[10].

Третий этап (2013 – по н.вр.) «возрождения Великого чайного пути» в Китае и России начался на уровне высшего руководства стран. Во время своего первого государственного визита в Россию председатель КНР Си Цзиньпин в выступлении перед студентами и преподавателями МГИМО 23 марта 2013 г., говоря о российско-китайских связях в XVII в., употребил термин «Великий чайный путь» («万里茶道»)[11]. После публикации этой речи Си Цзиньпина термин «茶叶之路» («Чайный путь») и близкие к нему словосочетания в значении «Чайный путь» в китайском языке были заменены термином «万里茶道» («Великий чайный путь»), и «Чайный путь» окончательно стал называться «Великий чайный путь» [Дацышен 2023: 138].

6 сентября 2013 г. в г. Эрлянь-Хото (АР Внутренняя Монголия) был создан Международный союз городов (МСГ), участвующих в проекте «Великий чайный путь»[12]. Совместную декларацию о создании МСГ подписали мэры 15 городов Китая, Монголии и России, через которые проходил торговый путь. В Международный союз городов «Великого чайного пути» вошли города восьми китайских провинций: Уишань 武夷山 (пров. Фуцзянь), Цзюцзян 九江 (Цзянси), Иян 益阳 и Юэян 岳阳 (Хунань), Сяньнин 咸宁 и Сянъян 襄阳 (Хубэй), Синьян 信阳 (Хэнань), Чанчжи 长治 и Цзиньчжун 晋中 (Шаньси), Чжанцзякоу 张家口 (Хэбэй) и Хух-Хото 呼和浩特 (АР Внутренняя Монголия). В Монголии в МСГ вошли города Дзамын-Уд и Улан-Батор, а в России – города, расположенные по линии от Улан-Удэ до Ирбита Свердловской области. Участники Международного союза городов «Великого чайного пути» утвердили устав объединения, где была указана его главная цель – процветание и развитие городов, расположенных по «Великому чайному пути», прежде всего за счёт развития торговли и туризма.

Вопрос о развитии международного туризма в рамках проекта «Великий чайный путь» был рассмотрен и на трёхстороннем совещании руководителей России, Китая, Монголии в рамках саммита БРИКС в Уфе в июле 2015 г.[13]. А 4 августа 2015 г. первый туристический поезд международного маршрута «Великий чайный путь» с 272 туристами из КНР отправился в свой первый рейс по маршруту Маньчжурия – Чита – Улан-Удэ – Иркутск – Маньчжурия, который соединил три страны и 17 городов. Тур стал совместным проектом правительств Забайкальского края, Республики Бурятия и Иркутской области при поддержке Федерального агентства по туризму. В качестве оператора железнодорожной перевозки выступила компания «РЖД Тур»[14].

---

[10] Туристический форум «Великий чайный путь» стартует в Бурятии. *РИА Новости,* 05.06.2012. URL: https://ria.ru/20120605/665253627.html (дата обращения: 01.04.2025).

[11] 国家主席习近平在莫斯科国际关系学院的演讲(全文) [Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в МГИМО (полный текст)]. *新华社* [*Синьхуа*], 24.03.2013. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2013-03/24/content_2360829.htm (дата обращения: 03.04.2025).

[12] Китай, Монголия и Россия создали Международный союз городов Великого чайного пути. *Синьхуа,* 20.07.2012. URL: https://russian.dbw.cn/system/2012/07/20/000536551.shtml (дата обращения: 03.04.2025).

[13] Путин предложил лидерам Китая и Монголии «дорожную карту». *Российская газета*, 09.07.2015. URL: https://rg.ru/2015/07/09/predlozenie-site.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 31.03.2025).

[14] Стартовал железнодорожный тур по Великому чайному пути. *Журнал «Китай и Россия»*, 17.08.2015. URL: https://ruchina.org/mongol-article/china/916.html (дата обращения: 05.05.2025).

Культурно-просветительские мероприятия в РФ и КНР, связанные с проектом «Великий чайный путь»

Одна из первых выставок, посвящённых Великому шёлковому пути, состоялась в октябре 2014 г. в московском бизнес-парке GreenWood. На фотовыставке «Великий чайный путь» были представлены фотографии, посвящённые ярким страницам истории русско-китайской чайной торговли, которая оказала глубокое влияние на формирование не только экономических, но и культурных добрососедских связей между нашими странами[15]. На выставке была продемонстрирована карта «Великого чайного пути» (см. илл. 3).

Илл. 3. «Великий чайный путь» на физико-географической карте.
Pic. 3. The Great Tea Way on the physical and geographical map.

Источник: Бизнес-парк GreenWood. URL: https://www.greenwoodpark.ru/images/news/021014/e39b9e5ffb972f30bdcc037150b5efc8.jpg (дата обращения: 03.05.2025).
Source: GreenWood Business Park. URL: https://www.greenwoodpark.ru/images/news/021014/e39b9e5ffb972f30bdcc037150b5efc8.jpg (accessed: May 3, 2025).

14 октября 2015 г. в Москве в гостинице «Президент-Отель»[16] по инициативе ведущих китайских компаний-производителей чая из пров. Хубэй состоялась «Презентация чайного хозяйства провинции Хубэй» и приглашение гостей на китайскую международную чайную ярмарку 6–8 ноября 2015 г. в г. Чиби пров. Хубэй. Презентацию представлял мэр г. Сяньнин[17] Чжан Синьдун. С российской стороны присутствовал глава ассоциации «Росчайкофе» Рамаз Чантурия и другие представители отечественной чайной индустрии[18].

[15] Фотовыставка «Великий чайный путь». *Бизнес-парк GreenWood*, 02.10.2014. URL: https://www.greenwoodpark.ru/news/fotovystavka_velikiy_chaynyy_put/ (дата обращения: 03.05.2025).

[16] «Президент-Отель» традиционно является местом проведения встреч глав государств и правительств, международных форумов, конгрессов, мероприятий представителей политических организаций, бизнеса, культуры, искусства и спорта.

[17] Город Сяньнин вошёл в Международный союз городов «Великого чайного пути».

[18] Пале С. Китай создаёт «чайную империю» на поясе Шёлкового пути. *Новое Восточное Обозрение*, 20.10.2015. URL: https://journal-neo.su/ru/2015/10/20/kitaj-sozdaet-chajnuyu-imperiyu-na-poyase-shelkovogo-puti/ (дата обращения: 27.02.2025).

27 августа 2018 г. в Российско-Китайском бизнес-парке Санкт-Петербурга состоялась конференция «Чайная культура в Китае и России». На конференции присутствовали с китайской стороны вице-мэр г. Сяньнин г-н Ван Юаньхэ и другие члены городского правительства, а также консул по делам торговли Генерального консульства КНР в Санкт-Петербурге г-жа Ло Синь, с российской стороны – председатель Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга и другие чиновники городского правительства и представители бизнеса. По окончании конференции было подписано 10 соглашений о стратегическом сотрудничестве между российской и китайской сторонами[19].

24 декабря 2018 г. при содействии «Деловой России»[20] и Российского исторического общества во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства при участии Председателя Государственной Думы Сергея Нарышкина состоялось открытие выставки «Великий чайный путь в истории российского предпринимательства» (см. илл. 4).

Илл. 4. Афиша выставки «Великий чайный путь в истории российского предпринимательства».

Pic. 4. Poster of the exhibition “The Great Tea Way in the history of Russian entrepreneurship”.

Источник: Чайный портал «Всё о чае». URL: https://www.tea-terra.ru/wp-content/uploads/2015/12/2015_12_29_02_001.jpg (дата обращения: 05.03.2025).

Source: Tea portal “All about tea”. URL: https://www.tea-terra.ru/wp-content/uploads/2015/12/2015_12_29_02_001.jpg (accessed: Mar 5, 2025).

[19] Конференция «Чайная культура в Китае и России» и презентация чайного производства провинции Хубэй. *Российско-Китайский бизнес-парк*, 29.12.2019. URL: https://vk.com/wall-157638257_924?w=wall-157638257_924 (дата обращения: 05.03.2025).

[20] «Деловая Россия» – общероссийская общественная организация, основанная в 2001 г. Объединяет российских предпринимателей, работающих в несырьевом, перерабатывающем секторе экономики и развивающих отечественное производство, ориентированное на российский и международный рынки. URL: https://deloros.ru/o-nas/ (дата обращения: 05.03.2025).

На выставке были представлены материалы, повествующие о предпринимателях, благодаря которым чай стал поистине русским напитком, а также о традициях русского чаепития[21].

С конца 2015 г., вплоть до начала пандемии COVID-19, в Москве, Санкт-Петербурге и других городах России (Пермь, Воронеж, Улан-Удэ, Иркутск и др.) были организованы выставки и конференции, связанные с проектом «Великий чайный путь».

В самом Китае в эти годы также проходили различные мероприятия по сохранению и возрождению культурного пространства «Великого чайного пути». В октябре 2019 г. в г. Янлоудун пров. Хубэй состоялся Международный форум по развитию чайной индустрии, проходивший под девизом «Интегрировать чай в инициативу “Пояс и путь”, чтобы китайский чай полюбили во всём мире». На форуме присутствовали представители научных и деловых кругов из 28 стран и регионов мира, в том числе из России[22]. Пандемия COVID-19 на время остановила наметившееся сотрудничество в этой области. Но как только были сняты ограничения, связанные с ней, работа в рамках проекта «Великий чайный путь» возобновилась. В г. Чжанцзякоу (предыдущее название Калган), игравшем в прежние времена большую роль в транспортировке чая, воссоздана старинная караванная улица. В г. Янлоудуне установлен памятный знак, обозначающий начало «Великого чайного пути», на котором изображена транспортная схема китайского участка пути до русской Кяхты. А в районе Ханькоу г. Ухань на берегу Янцзы можно увидеть камень с надписью: «Восточный чайный порт» [Захаренко 2022: 383].

17 мая 2024 г. в г. Ханчжоу открылась 6-я Международная чайная выставка, главная тема которой – «Чай и Мир, совместное развитие»[23]. Выставка открылась в преддверии международного дня чая, который официально утверждён в 2019 г. Генеральной Ассамблеей ООН и теперь ежегодно отмечается 21 мая.

9 июня 2024 г. в Музее культуры шаньсийского купечества г. Тайюань пров. Шаньси был представлен выставочный проект «Великий чайный путь. Отражение в русской культуре». Он посвящён истории уникального торгового пути между Востоком и Западом в XVIII–XIX вв. и подчёркивает роль русского купечества в чаеторговле с Китаем. В рамках выставочного проекта был открыт виртуальный филиал Русского музея, с помощью которого посетители смогут совершать виртуальные прогулки по залам Русского музея, заглядывать в реставрационные мастерские и слушать экскурсии и лекции, посвящённые русским художникам и их работам из собрания Русского музея. Для посетителей виртуального филиала подготовлена VR-выставка в шлемах виртуальной реальности «Дом и семья», которая познакомит с экспозицией одноимённой выставки, прошедшей в Русском музее в 2023 г. VR-выставка озвучена на китайском языке, что позволяет познакомить китайскую публику с традиционными семейными ценностями в России, темой домашнего очага и

[21] Попов Ю. Открытие выставки «Великий чайный путь в истории российского предпринимательства». *Российское историческое общество,* 24.12.2015. URL: https://historyrussia.org/sobytiya/vystavki.html/otkrytie-vystavki-velikij-chajnyj-put-v-istorii-rossijskogo-predprinimatelstva.html (дата обращения: 05.03.2025).

[22] Международный форум чайной индустрии в Китае собрал свыше 1200 участников. *Синьхуа,* 29.10.2019. URL: https://russian.news.cn/2019-10/29/c_138513258.htm (дата обращения: 02.01.2025).

[23] 6-я Китайская международная чайная выставка открылась в г. Ханчжоу. *Синьхуа,* 17.05.2024. URL: https://russian.news.cn/20240517/119eb87bb7d84104be4df9c66f61556f/c.html (дата обращения: 02.04.2025).

семейного круга в творчестве русских художников XVIII–XX вв.[24]. В экспозиции представлен также видеофильм, который содержит обширный материал по истории «Великого чайного пути» и бытования чая в России. Данный выставочный проект создан в рамках долгосрочной программы сотрудничества с Китаем.

С 18 по 20 марта 2025 г. в Москве прошла 31-я Международная выставка туризма и индустрии гостеприимства – MITT 2025[26]. За три выставочных дня MITT 2025 посетили около 16,5 тыс. человек. В мероприятии приняли участие более 1000 экспонентов из 54 регионов России и 34 стран мира. Стенд Китая, где были представлены провинции Аньхуэй, Хайнань, Хэнань, Хунань, Шаньдун, Шэньси, отдельные города Гуйлинь, Чжанцзяцзе, Чунцин, а также Китайская международная туристическая компания, стал победителем в номинации «Лучшая презентация страны».

В рамках работы стенда Китая состоялась встреча между китайской и российской сторонами на тему организации железнодорожных туров по «Великому Чайному пути» по маршруту от Маньчжурии через Читу и Улан-Удэ до Иркутска и Байкала и обратно в летний период 2025 г.

Заключение

В настоящее время проект «Великий чайный путь» вновь становится популярным прежде всего благодаря совместным усилиям Китая и России. Директор Центра развития международного туризма Центра стратегических разработок Ю. Максутова в рамках второго международного форума «Ростки: Россия и Китай – взаимовыгодное сотрудничество» (Казань, 13–15 ноября 2024 г.) оценила проект туристического маршрута «Великий чайный путь» как «очень амбициозный» и имеющий большие перспективы для развития туристического бизнеса по маршруту «Великого чайного пути», с возможностью увеличить турпотоки между странами на 30%. Кроме того, проект предполагает создание «опорных точек»: в России одной из них будет г. Кяхта в Бурятии. Среди регионов РФ, которые войдут в маршрут «Великий чайный путь», окажутся также Татарстан и Москва[28]. Предполагается, что проект будет иметь стратегическое значение для интеграции транспортных коридоров российского Евразийского экономического союза, монгольской программы «Степной путь» и китайской инициативы «Пояс и путь».

Возрождение «Великого чайного пути» способствует не только развитию международного туризма, но и разностороннему сотрудничеству, укрепляя культурные и экономические связи между странами.

[24] Выставочный проект «Великий чайный путь. Отражение в русской культуре». *Виртуальный Русский музей,* 29.06.2024. URL: https://rusmuseumvrm.ru/data/events/2024/06/velikiy_chayniy_put._otrazhenie_v_russkoy_kulture/index.php (дата обращения: 08.05.2025).

[26] Итоги MITT 2025: новые зарубежные направления и форматы внутреннего туризма. *Медиагруппа «ЗВЕЗДА»,* 28.03.2025. URL: https://tvzvezda.ru/news/20253281044-fbdgs.html (дата обращения: 02.04.2025).

[28] Россию и Китай планируют связать турмаршрутом «Великий чайный путь». *ТАСС,* 14.11.2024. URL: https://tass.ru/ekonomika/22403811 (дата обращения: 31.03.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Атлас: Великий чайный путь. Иркутск: Вост.-Сиб. АГП, Время Странствий, 2013. 150 с.

Дацышен В.Г. «Великий чайный путь» в работах современных исследователей // Российское китаеведение. 2023. № 4 (5). С. 130–145.

Захаренко И.А., Ажгиревич О.И. Культурный маршрут «Бурятия на Великом чайном пути» как объект всемирного наследия ЮНЕСКО // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 5А. С. 379–385. DOI 10.34670/AR.2022.57.11.061

Максанова Б.Ж., Жалсараева Б.-Р.Д, Кауров И.А. Туристический маршрут «Великий чайный путь»: проблемы и перспективы развития // Вестник Бурятского Государственного Университета. Экономика и менеджмент. 2017. Вып. 2. С. 40–47. DOI 10.18101/2304-4446-2017-2-40-47

Христолюбова Ю.С. Жизнь русской общины чаеторговцев в Ханькоу со второй половины XIX до середины XX в. // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49. Ч. 3. С. 218–232.

Христолюбова Ю.С. Китайская чайная культура и её место в отношениях России с Китаем в 60-е гг. XIX в. – 30-е гг. XX в.: торгово-экономические аспекты**:** дис. … канд. ист. наук. М., 2021. 236 с.

Шаронова В.Г., Чень Кайке. Русская концессия в Ханькоу // Русское зарубежье: история и современность. Сборник статей. 2017. Вып. 6. Москва. ИНИОН. С. 153–159.

REFERENCES

Atlas: Velikiy chaynyy put' [Atlas: The Great Tea Road] (2013). Irkutsk: Vost.-Sib. AGP, Vremya Stranstviy, 150 p. ISBN 978-5-91344-517-9 (In Russian).

Datsyshen V.G. (2023). “Velikiy chaynyy put’” v rabotakh sovremennykh issledovateley [“The Great Tea Road” in the works of modern researchers]. *Rossiyskoye kitayevedeniye* [*Russian Sinology*], 4 (5): 130–145. (In Russian).

Khristolyubova Yu.S. (2019). Zhizn' russkoy obshchiny chayetorgovtsev v Khan’kou so vtoroy poloviny XIX do serediny XX v. [Life of the Russian tea traders' community in Hankou from the second half of the 19th century to the middle of the 20th century]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [*Society and State in China*], vol. 49, 3: 218–232. (In Russian).

Khristolyubova Yu.S. (2021). Kitayskaya chaynaya kul'tura i yeye mesto v otnosheniyakh Rossii s Kitaem v 60-kh godakh XIX v. – 30-kh godakh XX v.: torgovo-ekonomicheskiye aspekty [Chinese tea culture and its place in Russia's relations with China in the 1860s–1930s: trade and economic aspects]. PhD (History) Thesis. Moscow, 236 p. (In Russian).

Maksanova B.Zh., Zhalsaraeva B.-R.D., Kaurov I.A. (2017). Turisticheskiy marshrut “Velikiy chaynyy put’”: problemy i perspektivy razvitiya [Tourist route “The Great Tea Road”: problems and development prospects]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment* [*Bulletin of Buryat State University. Economics and Management*], 2: 40–47. (In Russian). DOI 10.18101/2304-4446-2017-2-40-47

Sharonova V.G., Chen Kaike (2017). Russkaya kontsessiya v Khan’kou [The Russian concession in Hankou]. *Russkoye zarubezh'ye: istoriya i sovremennost'. Sbornik statey* [*Russian Abroad: History and Modernity. Collection of Articles*], 6: 153–159. Moscow: INION. (In Russian).

Zakharenko I.A., Azhgirevich O.I. (2022). Kul'turnyy marshrut “Buryatiya na Velikom chaynom puti” kak ob"yekt vsemirnogo naslediya YUNESCO [Cultural route “Buryatia on the Great Tea Road” as a UNESCO World Heritage Site]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [*Culture and Civilization*], vol. 12, 5A: 379–385. (In Russian). DOI 10.34670/AR.2022.57.11.061

Поступила в редакцию:	05.05.2025	Received:	May 5, 2025
Принята к публикации:	12.05.2025	Accepted:	May 12, 2025

Научная жизнь **Academic Life**

DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-102-109

II съезд Российской ассоциации исследователей Гималаев и Тибета

Бобров Владимир Владимирович[1]
Махров Александр Анатольевич[1]

[1] Институт проблем экологии и эволюции имени А.Н. Северцова РАН

Аннотация. Статья представляет отчёт о II съезде Российской ассоциации исследователей Гималаев и Тибета, созданной в 2019 г. Съезд прошёл 28–29 ноября 2024 г. в Зоологическом институте РАН (Санкт-Петербург). Кратко изложены темы докладов научной конференции, проведённой в рамках съезда и охватившей несколько направлений: история путешествий и исследований, востоковедение, ботаника и зоология. Приведены данные об организациях и членах Ассоциации, зачитавших свои доклады и представивших статьи в сборник материалов. Практически все доклады основаны на собственных полевых исследованиях авторов. Проанализированы тенденции в российских исследованиях Гималаев и Тибета, отмечено появление докладов на междисциплинарные темы и усиление сотрудничества между научными организациями из разных городов.

***Ключевые слова*:** Гималаи, Тибет, биология, науки о Земле, востоковедение.

***Авторы*:**

Бобров Владимир Владимирович, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем экологии и эволюции имени А.Н. Северцова РАН (адрес: 117091, Москва, Ленинский проспект, 33). ORCID: 0000-0001-6756-516X. E-mail: vladimir.v.bobrov@gmail.com

Махров Александр Анатольевич, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем экологии и эволюции имени А.Н. Северцова РАН (адрес: 117091, Москва, Ленинский проспект, 33). ORCID: 0000-0002-4932-9558. E-mail: makhrov12@mail.ru

***Конфликт интересов*:** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** *Бобров В.В., Махров А.А.* II съезд Российской ассоциации исследователей Гималаев и Тибета // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 2. С. 102–109. DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-102-109

II congress of the Russian Association of researchers of the Himalayas and Tibet

Bobrov Vladimir V.[1], **Makhrov Alexander A.**[1]

[1] A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article describes the II Congress of the Russian Association of explorers of the Himalayas and Tibet, created in 2019, which was held on November 28–29, 2024 at the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg). The authors briefly present the topics of the reports of the scientific conference organized within the framework of the congress, which can be grouped into several areas: history of travel and exploration, oriental studies, botany and zoology. They also provide information on the organizations and members of the Association who delivered their reports and submitted articles to the collection of materials. Almost all of them are based on the authors' original field research. The article analyzes trends in Russian studies of the Himalayas and Tibet and notes an increase in the number of reports on interdisciplinary topics and enhanced cooperation between scientific organizations from different cities.

***Keywords*:** Himalayas, Tibet, biology, earth sciences, oriental studies.

***Authors*:**

Bobrov Vladimir V., PhD (Biology), Senior Researcher, A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution of the Russian Academy of Sciences (address: 33 Leninsky Prospect, Moscow, 117091, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6756-516X. E-mail: vladimir.v.bobrov@gmail.com

Makhrov Alexander A., PhD (Biology), Senior Researcher, A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution of the Russian Academy of Sciences (address: 33 Leninsky Prospect, Moscow, 117091, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-4932-9558. E-mail: makhrov12@mail.ru

***Conflict of interests*.** The authors declare the absence of the conflict of interests.

***For citation*:** Bobrov V.V., Makhrov A.A. (2025) II s"yezd Rossiyskoy assotsiatsii issledovateley Gimalayev i Tibeta [II congress of the Russian Association of researchers of the Himalayas and Tibet]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 7 (2): 102–109. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-102-109

28–29 ноября 2024 г. в Санкт-Петербурге состоялся II съезд Российской ассоциации исследователей Гималаев и Тибета (РАИГиТ). Ассоциация была создана 5 марта 2019 г. на учредительном съезде, информация о котором опубликована [Бобров 2019]. В указанной статье также содержатся сведения о целях и задачах Ассоциации. В настоящий момент членами Ассоциации являются 89 человек, представляющих 43 учреждения из 15 городов России и трёх городов зарубежных стран (Индии и Казахстана). Наибольшее представительство имеют учёные из Санкт-Петербурга (34 человека), Москвы (33 человека) и Екатеринбурга (5 человек). Самые представленные учреждения: Зоологический институт Российской академии наук (ЗИН РАН, Санкт-Петербург) – 9 человек, Институт проблем экологии и эволюции имени А.Н. Северцова (ИПЭЭ РАН, Москва) и Санкт-Петербургский государственный университет (СПБГУ) – по 6 человек. 23–24 ноября 2021 г. прошёл I съезд РАИГиТ [Бобров 2022], на котором было принято решение о проведении II съезда в 2024 г., также в Санкт-Петербурге. За это время, помимо зоологической, была образована также и ботаническая секция съезда.

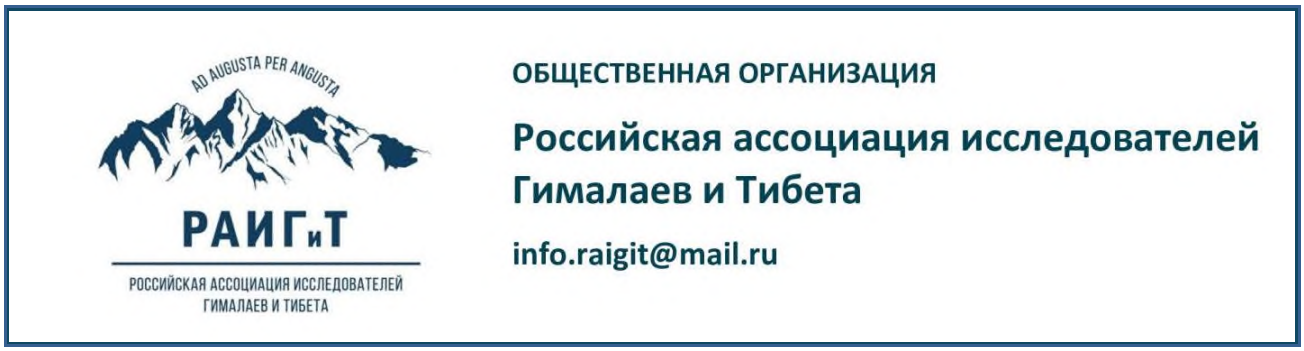


Рис. 1. Эмблема Российской ассоциации исследователей Гималаев и Тибета.
Fig. 1. Emblem of the Russian association of researchers of the Himalayas and Tibet.

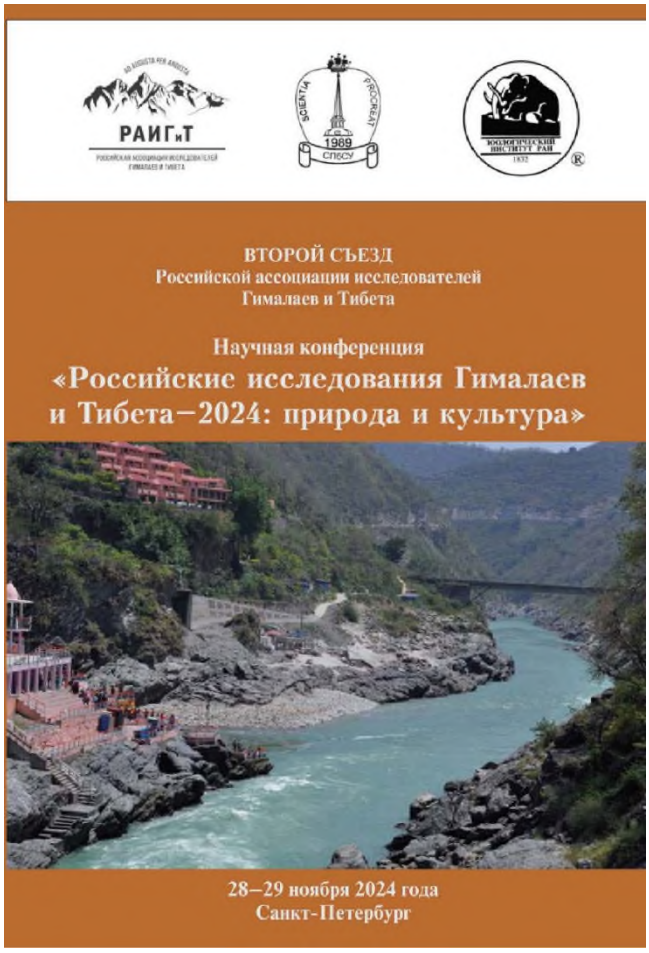


Рис. 2. Обложка программы научной конференции.
Fig. 2. Cover of the scientific conference program.

Рис. 3. Обложка сборника материалов.
Fig. 3. Cover of the collection of materials.

По результатам работы съезда, в рамках которого прошла междисциплинарная научная конференция «Российские исследования Гималаев и Тибета – 2024 г., природа и культура», издан сборник материалов [Российские исследования Гималаев и Тибета 2024], его электронная версия размещена на сайте Ассоциации: http://raigit.ru/conference_2024.

Все заседания прошли в главном здании Зоологического института РАН. На пленарном заседании конференции, состоявшемся 28 ноября 2024 г., были зачитаны 6 докладов. В них

оказались представлены результаты новейших исследований в различных отраслях знаний, связанных с Гималаями и Тибетом. На следующий день, 29 ноября, были заслушаны ещё 13 секционных докладов. В заседаниях приняли участие исследователи из 5 городов (Москва – 16 докладчиков, Санкт-Петербург – 9, и по одному из Екатеринбурга, Красноярска и Тюмени). Результаты своих работ представили сотрудники 13 организаций: ИПЭЭ имени А.Н. Северцова РАН (Москва) и Научно-исследовательский Зоологический музей Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Зоомузей МГУ, Москва) – по 4 доклада, ЗИН РАН (Санкт-Петербург) – 3 доклада, Институт Востоковедения РАН (Москва), МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва) и СПбГУ (Санкт-Петербург) – по 2, и по одному докладу от остальных учреждений.

Краткая информация по статистике статей, представленных в сборнике, изданном к началу конференции, приведена в Предисловии к нему [Боркин 2024]. Сборник содержит 16 публикаций российских авторов, главным образом, членов РАИГиТ. Тематически материалы конференции распределяются следующим образом: по истории путешествий и исследований – 5, по востоковедению – 5, по ботанике – 1 и по зоологии – 5. География авторов сборника включает Москву (16 человек), Санкт-Петербург (9 человек), Екатеринбург (1 человек) и Тюмень (1 человек). На пленарной секции были зачитаны 6 докладов, посвящённых различным аспектам изучения Гималаев и Тибета, 5 из них касались **истории путешествий и исследований.**

М.Ф. Альбедиль (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург) в докладе «Начало русского пути в Гималаи: князь А.Д. Салтыков» описала маршруты князя, который совершил два путешествия в Индию в 1840-х гг., а также наблюдения, сделанные и опубликованные им.

Д.А. Кораблин (Институт востоковедения РАН, Москва) прочитал доклад «От тибетского искусства к гималайскому стилю: подходы, определения и история создания европейских коллекций (XX век)». Статья не вошла в сборник материалов конференции.

С.Ю. Золкин (Главный ботанический сад РАН, Москва) сделал доклад «История, современность и перспективы российских исследователей флоры и растительности Гималаев и Тибета», в котором подробно описал вклад наших путешественников и ботаников в познание ботанического комплекса этого региона.

В докладе коллектива авторов из Москвы (**В.С. Артамонова, С.В. Павлова, Д.Ю. Александров, В.В. Бобров** (все – ИПЭЭ им. А.Н. Северцова РАН)**, Е.А. Коблик** (Зоомузей МГУ им. М.В. Ломоносова)**, А.А. Махров – докладчик, Б.И. Шефтель** (оба – ИПЭЭ им. А.Н. Северцова РАН)) «Позвоночные животные Тибета, названные в честь российских путешественников и исследователей» отмечено, какой значительный вклад в познание фауны региона был сделан нашими соотечественниками, что отразилось в именовании и описании большого количества видов животных.

Л.Я. Боркин (ЗИН РАН, Санкт-Петербург) в своём докладе «Внук великого русского писателя, американский майор Илья Толстой и операции США в Тибете» подробно, на основании целого ряда документов, описал жизненный путь и миссию сотрудника Управления стратегических служб США во время пребывания в Китае.

Т.В. Крестовская (Ботанический институт (БИН) им. В.Л. Комарова РАН, Санкт-Петербург) не выступала с докладом, но опубликовала статью в сборнике материалов

«О коллекторах гималайских растений, хранящихся в Гербарии (LE) Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН».

Разделу «**Востоковедение»** был посвящён один пленарный доклад и 4 секционных.

Н.Г. Альфонсо (Фонд «Предметы искусства Центральной Азии»; Государственный музей искусства народов Востока, Москва) сделала пленарный доклад «Ритуальный сосуд из человеческого черепа: традиции и современность». Отмечено, что чаша из верхней части черепной коробки используется в ритуальной практике буддизма.

Секционные доклады были посвящены следующим темам.

Ю.И. Елихина (Государственный Эрмитаж; СПбГУ, Санкт-Петербург): «Непальские костяные украшения ламы-тантриста из коллекции Государственного Эрмитажа». Подобные украшения надевали исполнители тибетской ритуальной танцевальной практики, совершаемой в буддийских монастырях.

А.И. Коган (Институт востоковедения РАН, Москва): «Реконструкция языковых контактов в верхней части бассейна Инда: промежуточные итоги». Представлены результаты этимологического анализа заимствованной лексики населения указанного региона.

Т.Е. Морозова (Государственный институт искусствознания, Москва): «Живое искусство древних *чарья-гити-нритья*». Это песенно-танцевальное искусство начало развиваться в Непале в конце первого тысячелетия и существует до сих пор.

Л.А. Стрельцова (СПбГУ, Санкт-Петербург): «Народный танец лимбу *дхан нач*». Название танца народностей, населяющих некоторые провинции Непала и штаты Северо-восточной Индии.

Ещё по одному докладу на секциях сделали **Ю.И. Елихина** (Санкт-Петербург) и **С.Ю. Бадаев** (Красноярск): «Некоторые этнографические зарисовки из жизни дардов по материалам поездок в Ладакх», статья в сборник материалов не была представлена.

По **ботанике** были прочитаны 2 доклада, однако в сборник материалов вошла только одна статья.

С.Ю. Золкин (Главный ботанический сад, Москва) сделал, помимо пленарного выступления, секционный доклад «Создание иллюстрированной электронной базы данных по видам и местам произрастания растений (на примере 6-й Западно-Гималайской комплексной биогеографической экспедиции Санкт-Петербургского союза учёных)».

Б.К. Ганнибал (СПбГУ, Санкт-Петербург) сделал доклад «Сосновые леса с участием *Pinus gerardiana* на восточной границе ареала вида (штат Химачал-Прадеш, Индия)». Статья по результатам доклада не была представлена в сборник материалов конференции.

По **зоологии** было прочитано 5 докладов, из них два посвящены земноводным (Amphibia), два – млекопитающим (Mammalia) и один – результатам экспедиции териологов[1] и орнитолога в Непал. Оба доклада по земноводным посвящены исследованиям жаб, выполненным с помощью самых современных генетических методов.

Л.Я. Боркин (ЗИН РАН) с соавторами (**С.Н. Литвинчук** (Институт цитологии РАН, Санкт-Петербург), **Д.А. Мельников** и **Д.В. Скоринов** (оба – ЗИН РАН, Санкт-Петербург) в докладе «Распространение, цитогенетика и экология триплоидных зелёных жаб рода *Bufotes* в восточном высокогорье Химачал-Прадеша (Западные Гималаи, Индия)» доложил о результатах полевых и лабораторных исследований представителей этого рода.

[1] *Териологи* — учёные, исследующие млекопитающих. – *Прим. ред.*

Коллектив авторов из нескольких городов и организаций (**А.О. Свинин** (Институт цитологии РАН, Санкт-Петербург), **В.Л. Вершинин** (Институт экологии растений и животных РАН, Екатеринбург), **П.К. Иброгимова** (Тюмень) и **Л.Я. Боркин** (ЗИН РАН, Санкт-Петербург)) представил доклад «Генетическая дифференциация жаб рода *Duttaphrynus* (Bufonidae) в Западных Гималаях, Уттаркханд, Индия (предварительные данные)», в котором исследовали два вида этого индо-малайского рода, населяющего данный регион.

Оба доклада по млекопитающим также были подготовлены коллективами авторов.

Московские териологи **Н.Ю. Феоктистова, О.Ф. Чернова** (обе – ИПЭЭ им. А.Н. Северцова РАН, Москва), **В.С. Лебедев** (Зоомузей МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), **А.А. Банникова** (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) и **А.В. Суров** (ИПЭЭ им. А.Н. Северцова РАН, Москва) представили доклад (его сделали по очереди **Н.Ю. Феоктистова** и **А.В. Суров**) «Эндемики Тибета – хомячки рода *Urocricetus*: систематика и адаптации кожного покрова к высокогорью», в котором рассказано о приспособлениях находящегося под угрозой исчезновения тибетского хомячка, населяющего высоты до 4000 м над уровнем моря.

Б.И. Шефтель (ИПЭЭ им. А.Н. Северцова РАН) в соавторстве с **А.А. Банниковой** (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) и **В.С. Лебедевым** (Зоомузей МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) представил доклад «Причины повышенного видового разнообразия насекомоядных млекопитающих восточных склонов Цинхай-Тибетского плато». Показано, что такое разнообразие этой группы связано с уникальным сочетанием условий, позволяющим одновременно существовать реликтовым видам и видам-вселенцам.

Е.А. Коблик (Зоомузей МГУ им. М.В. Ломоносова) с соавторами (**А.А. Банникова** (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), **В.С. Лебедев** (Зоомузей МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), **А.В. Суров, Н.Ю. Феоктистова и Б.И. Шефтель** (все – ИПЭЭ им. А.Н. Северцова РАН, Москва) сделали доклад «Предварительные итоги Первой непальской экспедиции московских зоологов под эгидой Российской ассоциации исследователей Гималаев и Тибета» с описанием поездки, совершённой в апреле-мае 2023 г. Приведены данные о природе посещённых мест, сведения о встреченных видах наземных позвоночных животных.

Также был представлен доклад **Ю.В. Ефремова** и **И.Г. Чайки** (оба – Краснодар) «Основные итоги 10-й Гималайской экспедиции». Статья по результатам доклада в сборник материалов не вошла.

В завершение съезда режиссёр **В. Шуванников** (Москва) продемонстрировал документальный фильм «Русские Гималаи. Прогулки в облаках» (российская премьера состоялась в августе 2024 г.).

В рамках работы съезда были проведены перевыборы Правления. Президентом на новый срок избран к.б.н. **Л.Я. Боркин** (ЗИН РАН, Санкт-Петербург), вице-президентами – д.и.н. **М.Ф. Альбедиль** (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург), к.б.н. **Б.К. Ганнибал** (СПбГУ, Санкт-Петербург) и д.г.н. **Ю.В. Ефремов** (Краснодар), учёным секретарём – к.г.н. **Т.В. Сапелко** (Институт озероведения РАН, Санкт-Петербург).

Участники приняли решение провести III съезд РАИГиТ в 2027 г., вновь в Санкт-Петербурге.

Анализ сделанных на конференции докладов показывает, что большинство из них основано на материалах собственных исследований, проведённых в Гималаях и Тибете, или

на тщательном изучении музейных экспонатов. При этом даже исследования с использованием сложных современных методов выполнены на приборной базе российских институтов. Сообщения о современных исследованиях были дополнены рассказами о работах русских путешественников, в разное время достигавших самых удалённых частей Гималаев и Тибетского плато.

При сравнении докладов, прозвучавших на нынешнем и прошлом съездах РАИГиТ, можно отметить усиление взаимодействия между специалистами по естественным и гуманитарным наукам, появление докладов на междисциплинарные темы. Более интенсивным стало взаимодействие учёных из разных учреждений и городов.

На заседаниях съезда обсуждались перспективы развития Российской ассоциации исследователей Гималаев и Тибета, в том числе планировались новые масштабные и комплексные экспедиции. Большее ландшафтное, биологическое и этническое разнообразие Гималаев, а также логистические соображения, заставляют российских учёных уделять преимущественное внимание исследованиям этого края, чем Тибетского плато.

Вся информация, посвящённая деятельности РАИГиТ, представлена на официальном сайте Ассоциации (http://raigit.ru). Специалисты, имеющие опыт работы в Гималаях и Тибете и публикации по изучению этих регионов, приглашаются к вступлению в ряды нашей Ассоциации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бобров В.В. В России создана Ассоциация исследователей Гималаев и Тибета // Социально-экологические технологии. 2019. Т. 9. № 3. С. 379–385. DOI 10.31862/2500-2961-2019-0-3-379-385

Бобров В.В. I съезд Российской ассоциации исследователей Гималаев и Тибета // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 1. С. 65–71. DOI 10.24412/2686-7702-2022-1-65-71

Боркин Л.Я. Предисловие // Российские исследования Гималаев и Тибета-2024: природа и культура (Материалы конференции, Санкт-Петербург, 28–29 ноября 2024 г.) / ред. Л.Я. Боркин. Санкт-Петербург: Европейский Дом. 2024. С. 7–8.

Российские исследования Гималаев и Тибета-2024: природа и культура (Материалы конференции, Санкт-Петербург, 28–29 ноября 2024 г.) / ред. Л.Я. Боркин. Санкт-Петербург: Европейский Дом. 2024. 94 с.

REFERENCES

Bobrov V.V. (2019). V Rossii sozdana Assotsiatsiya issledovateley Gimalayev i Tibeta [The Association of researchers of the Himalayas and Tibet was created in Russia]. *Sotsial'no-ekologicheskiye tekhnologii* [*Socio-ecological technologies*], 9 (3): 379–385. (In Russian). DOI 10.31862/2500-2961-2019-0-3-379-385

Bobrov V.V. (2022). I s''yezd Rossiyskoy assotsiatsii issledovateley Gimalayev i Tibeta [I congress of the Russian association of researchers of the Himalayas and Tibet]. *Vostochnaya Asia: fakty i analytica* [*East Asia: Facts and Analytics*], 1: 65–71. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2022-1-65-71

Borkin L.Ya. (2024). Predisloviye [Preface]. In: *Rossiyskiye issledovaniya Gimalayev i Tibeta-2024: priroda i kul'tura (Materialy konferentsii, Sankt-Peterburg, 28–29 noyabrya 2024*

goda) / red. L.Ya. Borkin [*Russian studies on the Himalaya and Tibet-2024: nature and culture (Materials of the conference, St. Petersburg, November 28–29, 2024)* / ed. by L.Ya. Borkin)], 7–8. Sankt-Peterburg: Evropeyskiy Dom. (In Russian).

Rossiyskiye issledovaniya Gimalayev i Tibeta-2024: priroda i kul'tura (Materialy konferentsii, Sankt-Peterburg, 28–29 noyabrya 2024 goda) (2024) / red. L.Ya. Borkin [*Russian studies on the Himalayas and Tibet-2024: nature and culture (Materials of the conference, St. Petersburg, November 28–29, 2024)* / ed. by L.Ya. Borkin)]. Sankt-Peterburg: Evropeyskiy Dom. 94 p. (In Russian).

Поступила в редакцию:	24.04.2025	Received:	Apr 24, 2025
Принята к публикации:	07.05.2025	Accepted:	May 7, 2025

Научное издание

Восточная Азия: факты и аналитика
2025, Т. 7, № 2

Редактор	Цветкова А.А.
Редактор английских текстов:	Горчакова Т.Е.
Редактор:	Суркова Т.И.
Редактор:	Скворцова Е.М.
Компьютерная вёрстка:	Суркова Т.И.
Редактор сайта:	Казаков О.И.

Дата публикации: 26.06.2025

Контакты:
- *Адрес*: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32,
  Институт Китая и современной Азии РАН
- *E-mail*: eastasiajournal@mail.ru
- *Тел.*: +7 (499) 124 09 13
  Центр научного мониторинга и развития

Scientific edition

East Asia: Facts and Analytics
2025, Vol. 7, No. 2

Editor:	Tsvetkova A.A.
Editor (English):	Gorchakova T.E.
Editor:	Surkova T.I.
Editor:	Skvortsova E.M.
Layout:	Surkova T.I.
Web-Site editor:	Kazakov O.I.

Date of issue: Jun 26, 2025

Contacts:
- *Address*: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian
  Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av.,
  Moscow, 117997, Russian Federation
- *E-mail*: eastasiajournal@mail.ru
- *Tel.*: +7 (499) 124 09 13
  Center for Scientific Monitoring and Development

www.eastasiajournal.ru